КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

БК

Джон Диксон Карр

# ТЕМНЫЕ ОЧКИ

«АЗБУКА»




Расследование ведет Гидеон Фелл

# Тёмные очки
# Джон Диксон Карр

Аннотация
Джон Диксон Карр. Тёмные очки
Глава первая. Улица Мавзолеев
Глава вторая. Горькие сласти
Глава третья. Горький миндаль
Глава четвертая. Черные очки
Глава пятая. Временно исполняющий обязанности
Глава шестая. Будьте готовы: ловушки!
Глава седьмая. Все свидетели говорят разное
Глава восьмая. Коробка с секретами
Глава девятая. Тройное алиби
Глава десятая. Девушка в Помпеях
Глава одиннадцатая. Лишние вопросы
Глава двенадцатая. Снова на стене
Глава тринадцатая. Прочитанные мысли?
Глава четырнадцатая. Часы, которые нельзя перевести
Глава пятнадцатая. Что показал фильм
Глава шестнадцатая. Картонный ключ
Глава семнадцатая. Белая гвоздика
Глава восемнадцатая. Дело против Икса

Глава девятнадцатая. Отчет прочитан
Глава двадцатая. Дело об убийстве ведет психолог

## Аннотация

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Произведения таких писателей, как Агата Кристи, Гилберт Честертон, Эрл Стэнли Гарднер, Рекс Стаут, развивали и совершенствовали детективный жанр, их романы, безоговорочно признанные классикой, по сей день любимы читателями и являются эталоном качества для последующих поколений авторов детективных историй. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) – виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате».

Роман «Темные очки» продолжает серию книг о сыщике-любителе докторе Гидеоне Фелле. Внешность героя, предположительно, была списана с другого корифея детективного жанра – Гилберта Честертона, а его заслуги в истории детективного жанра, по мнению большинства почитателей творчества Карра, поистине вызывают уважение. Так, писатель Кингсли Эмис в своем эссе «Мои любимые

сыщики» назвал доктора Фелла «одним из трех великих преемников Шерлока Холмса».

# Джон Диксон Карр
# Тёмные очки

John Dickson Carr
THE BLACK SPECTACLES
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1939
Published by arrangement with David Higham Associates Limited and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

© В. М. Салье (наследник), перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука ®

* * *

# Глава первая
# Улица Мавзолеев

Все это началось, как вспоминает некий человек, в одном доме в Помпеях. Он на всю жизнь запомнил этот жаркий тихий день: тишина на улице Мавзолеев, нарушаемая голосами англичан; ярко-красные олеандры в старом запущенном саду и девушка в белом платье, стоящая в центре группы мужчин в черных очках, лица которых были похожи на маски.

Человек, который все это наблюдал, находился в Неаполе уже неделю по делам службы. Эти дела, никак не связанные с нашим повествованием, занимали, однако, все его время, и он смог освободиться только в понедельник, сентября девятнадцатого дня. В тот же день вечером он собирался поехать в Рим, а оттуда домой, в Лондон, через Париж. А днем хотел побродить по городу, отдохнуть и кое-что посмотреть: прошлое привлекало его ничуть не меньше, чем настоящее. Вот почему он оказался в этот спокойный день под знойным, спокойным солнцем на улице Мавзолеев.

Улица Мавзолеев расположена возле стен Помпей. Она ведет от ворот Геркуланума, спускаясь к подножию невысокого холма в виде широкого желоба, вымощенного каменными плитами, по обеим сторонам которого идут тротуары для пешеходов. По краям стоят кипарисы, благодаря чему эта улица мертвых кажется живой. Здесь помещаются склепы патрициев, приземистые алтари, еще не успевшие потемнеть и превратиться в руины. Когда человек услышал звук своих собственных шагов на этой улице, он вполне мог себе представить, что идет по улице какого-нибудь заброшенного предместья. Яркий горячий свет падал на мостовую, в которой колеса бесчисленных повозок выбили глубокие колеи, на траву, пробивающуюся сквозь трещины в камнях, и на крохотных коричневых ящериц, которые бросались прочь при его приближении, скользнув, как тень, в густой траве. Перед ним, позади мавзолеев, вздымался Везувий, тускло-голубой в знойном мареве, огромный и величественный, несмотря на то что его отделял по меньшей мере десяток миль.

Человеку было жарко, и его клонило ко сну. Эти длинные улицы лавок, опустошаемых жадными покупателями, внутренние дворики, фрески и

колонны, скрывающиеся в глубине, действовали на него, вызывая непонятное беспокойство. Он бродил по городу уже около часа, однако не встретил ни одной живой души, если не считать таинственной группы с гидом, которая внезапно появилась в конце улицы Фортуны и так же внезапно исчезла, оставив позади лишь шорох мелких камешков.

Улица Мавзолеев привела его в самый конец города. Он как раз раздумывал, не вернуться ли ему домой или, быть может, посмотреть что-нибудь еще, когда увидел среди памятников жилой дом. Это был большой дом — вероятно, вилла какого-нибудь патриция, которая в пору расцвета Помпей стояла вдалеке от городского шума, на тихой окраине города. Он поднялся по лестнице и вошел внутрь. В атриуме было мрачно и пахло сыростью; по сравнению с теми домами, в которых он уже побывал в городе и где все было отремонтировано и содержалось в порядке, здесь все было достаточно запущено. Но дальше, в глубине, виднелся садик, обрамленный колоннами, в который свободно вливался солнечный свет. Сад весь зарос, он был полон покрытыми красивыми цветами олеандров, а в центре находился разрушенный фонтан в окружении азиатских

сосен. Слышался шелест травы и английские голоса.

Около фонтана стояла девушка в белом платье и смотрела в его сторону. Он сразу увидел, что она не только красива, но и умна. Темно-каштановые волосы, разделенные на пробор и убранные за уши, свободными локонами лежали на шее. Овальное личико, полные губы и широко расставленные глаза, которые говорили о добродушии, несмотря на их серьезное выражение. Глаза были серые, с довольно тяжелыми веками и задумчивые. Она стояла в спокойной позе, небрежно поправляя белое платье. И тем не менее она нервничала — это было заметно даже по тому, как были сдвинуты ее брови.

Напротив нее стоял темноволосый молодой человек в костюме из легкой шерсти, который смотрел в видоискатель небольшой кинокамеры. Раздалось негромкое жужжание и пощелкивание аппарата. Прижавшись щекой к корпусу камеры, молодой человек сказал:

— Делайте что-нибудь! Улыбнитесь, словом, все что угодно, только двигайтесь! Если вы будете просто так стоять, получится обыкновенная фотография.

— Но что же я могу сделать, Джордж?

— Я же сказал: улыбнитесь или…

Девушка, очевидно, была скована смущением, которое охватывает человека, когда он знает, что его движения каким-то образом регистрируются. Сначала у нее был слишком неестественно серьезный вид, потом ей удалось улыбнуться. Она подняла вверх свою белую сумочку и помахала ею в воздухе. Затем огляделась, как бы отыскивая, куда бы сбежать, и наконец рассмеялась, глядя прямо в объектив камеры.

— Мы зря изводим пленку, — зарычал молодой человек, словно подражая режиссеру на съемках.

Человеку, наблюдавшему всю эту сцену из дверного проема всего в каких-нибудь десяти футах от группы, вдруг стало ясно, что эта девушка находится в высшей степени нервном, даже опасном состоянии духа, что ее здоровый цвет лица решительно ни о чем не говорит и что назойливое стрекотание кинокамеры действует на нее как кошмар.

— Но что же я могу сделать?

— Ну, походите, подвигайтесь. Пройдите вон туда, направо. Я хочу захватить эти колонны, которые позади вас.

Другой член группы, который, подбоченив-

шись, наблюдал эту сцену, фыркнул. Это был невысокий подвижный человек, чьи черные очки в какой-то степени скрывали тот факт, что он был несколько старше, чем можно было судить по его одежде праздного туриста. Видна была увядшая кожа на висках, из-под шляпы-панамы с опущенными полями выбивались седеющие волосы.

— Несчастные туристы, — проговорил он с уничтожающим презрением. — Вот вы кто: несчастные туристы. Вам обязательно нужны эти колонны, которые находятся позади нее. Просто Марджори вам в этом кадре не нужна. И внутренний дворик в Помпеях вам тоже не нужен. Вам нужна Марджори на фоне дома в Помпеях для того, чтобы показать, что вы там были. Я считаю, что это отвратительно.

— А что в этом, собственно, плохого? — раздался громовой голос. Он исходил от более высокого и плотного человека с короткой рыжеватой бородкой, который стоял по другую сторону от провинившейся пары.

— Туристы, — проговорил человек в панаме.

— Я с тобой совершенно не согласен, — возразил дородный человек. — И я не понимаю, чего ты хочешь, Маркус. Всякий раз, как мы оказываемся

возле какой-нибудь достопримечательности, вы тянете нас прочь только на том основании (если я вас правильно понял), что это достопримечательности. Позвольте вас спросить: какого черта… — он произнес это слово так, что оно громом прокатилось по саду, — для чего еще нужно ехать в какое-то место, если не для того, чтобы его осмотреть? Ваше возражение состоит в том, что с этой целью по миру разъезжают толпы людей. Вам не приходит в голову, что, если тысячи людей приезжают посмотреть какое-то место, это, возможно, происходит потому, что на него стоит посмотреть?

— Веди себя прилично, — сказал человек в панаме. — И перестань кричать. Ты ничего не понимаешь. И никогда не поймешь. Что ты нашел здесь, например? Где мы находимся?

— Это очень просто выяснить, — отозвался его собеседник. — Что вы скажете, молодой человек?

Он обернулся к темноволосому человеку с кинокамерой. Последний неохотно выключил аппарат, прекратив снимать девушку, которая теперь смеялась. Вложив камеру в футляр, который висел у него через плечо, он достал из кармана путеводитель и стал прилежно перелистывать страницы. Затем откашлялся, прочищая горло.

— «Номер тридцать четыре, две звездочки. Вилла Ариуса Диомеда…» — прочитал он внушительно. — Хотя всего-навсего «так называемая», в связи с тем…

— Чепуха! — оборвал его толстяк. — Ту мы видели десять минут тому назад. Там еще были скелеты.

— Какие скелеты? — возразила девушка. — Мы не видели никаких скелетов, доктор Джо.

Лицо дородного мужчины, который тоже был в темных очках, приобрело еще более огненный цвет.

— Я и не говорил, что мы видели скелеты, — ответил он, надвигая поглубже свою кепку из твида. — Я сказал, что в этом доме нашли все эти скелеты. Мы его прошли. Разве вы не помните? Там, в доме, были слуги, они хотели выбежать, но им преградила путь раскаленная лава, вот они и остались лежать на пороге, словно кегли. Там их впоследствии и нашли. Это был дом с колоннами, выкрашенными в зеленый цвет.

Низенький подвижный человечек в шляпе-панаме скрестил руки. На лице у него появилось какое-то злобное выражение.

— Тебе, возможно, небезынтересно узнать, Джо, что это не так.

— Что не так? — осведомился доктор Джо.

— А то, что они выкрашены в зеленый цвет. Снова и снова я нахожу подтверждение своей мысли, — говорил человечек, — что средний человек — вы, или вы, или вы — совершенно не способен правильно описать то, что он видит и слышит. Ты ненаблюдателен. Ты не способен к тому, чтобы правильно видеть. Что скажете, профессор?

Он обернулся через плечо. Там стояли еще два человека, последние из группы. Они находились в тени, в центре колоннады перистиля. Наш наблюдатель не сразу их заметил и сумел разглядеть гораздо хуже, чем тех, кто стоял на ярко освещенном месте. Он только увидел, что один из них был молод, а другой — не очень. С помощью увеличительного стекла они рассматривали кусочек застывшей лавы, который, по-видимому, подобрали возле балюстрады перистиля. На обоих были темные очки.

— Бог с ней, с виллой Ариуса Диомеда, — сказали из-за балюстрады. — Чей это дом?

— Сейчас найду, — подал голос молодой человек с камерой и путеводителем. — Я перепутал страницы. Это номер тридцать девять, да? Правильно. Вот он. Номер тридцать девять. Три

звездочки. Дом Аулюса Лепидуса, отравителя.

Наступило молчание.

До этого времени они производили впечатление семейной или дружеской группы, в которой старшие ее члены несколько раздражены от жары или усталости. Некоторое семейное сходство в неменьшей степени, чем стремление подкусить друг друга, позволяло предполагать, что доктор Джо и человек в панаме (его называли Маркус) — братья. Девушка по имени Марджори тоже, по-видимому, была их родственница. Все как обычно.

Но в тот момент, когда были прочитаны слова из путеводителя, атмосфера среди членов группы изменилась столь разительно, как если бы вдруг резко похолодало или внезапно наступили сумерки. Только молодой человек с путеводителем остался к этому нечувствительным. Все остальные обернулись и застыли на месте. Четыре пары очков были направлены на девушку — она стояла словно в середине круга масок. Солнечные лучи отражались от стекол, отчего они сделались тусклыми, непрозрачными и зловещими.

Молчание нарушил доктор Джо.

— Кто-кто? — беспокойно спросил он.

— Отравитель, — ответил молодой человек. —

По рисунку, выложенному в мозаичном полу при входе в атриум и изображающему меч и очищенное от коры ивовое дерево («лепидус» означает «очищенный от коры», отсюда — «приятный», «остроумный»), Момзен определил, что эта вилла принадлежит…

— Да, но что же он все-таки сделал?

— …Который, по свидетельству Варро, умертвил пятерых членов своей семьи, накормив их соусом из ядовитых грибов, — продолжал молодой человек.

Он огляделся вокруг с живейшим интересом, словно ожидая увидеть, что трупы все еще находятся там.

— Что же, неплохо, — добавил он. — В те времена, я полагаю, не составляло особого труда совершить массовое убийство и остаться безнаказанным.

И в этот момент он вдруг почувствовал, что что-то неладно; его коротко подстриженные волосы зашевелились на затылке. Он захлопнул книгу.

— В чем дело? — спросил он негромким голосом. — В чем дело? Я сказал что-то не то?

— Ну что вы, конечно нет, — ответила Марджори с полным самообладанием. — Между прочим, у дяди Маркуса хобби: он интересуется всякими

преступлениями. Правда, дядя?

— Совершенно верно, — подтвердил тот. Он обернулся к молодому человеку. — Скажите мне, мистер… я все время забываю ваше имя…

— Вы прекрасно знаете, как его зовут! — воскликнула Марджори.

По преувеличенному уважению, которое молодой человек оказывал Маркусу Чесни, было ясно, что Маркус не только дядюшка Марджори, он заменяет ей отца.

— Хардинг, сэр. Джордж Хардинг.

— Ах да. Итак, мистер Хардинг, скажите мне: вы когда-нибудь слышали о таком местечке, которое называется Содбери-Кросс? Оно находится недалеко от Бата.

— Нет, сэр. А что?

— Мы там живем, — сказал Маркус.

Он подошел к фонтану и присел на его каменный край лицом к ним, словно собираясь держать перед ними речь. Сняв шляпу и темные очки, он положил их на колено. Он как будто бы снял маску, под которой обнаружилось, что у него жесткие седеющие волосы, которые торчали во все стороны, несмотря на то что их в течение шестидесяти лет пытались привести в должный вид. Его умные голубые глаза блеснули недобрым

блеском. Время от времени он потирал морщинистую кожу на виске.

— Итак, мистер Хардинг, — продолжал он, — давайте посмотрим в лицо фактам. Насколько я понимаю, то, что происходит между вами и Марджори, — это не простой пароходный флирт. Насколько я понимаю, вы оба относитесь к этому серьезно, — по крайней мере, вам так кажется.

Среди членов группы снова произошли некоторые изменения. Они касались и тех двух, которые стояли внутри балюстрады перистиля. Один из них (как заметил наблюдавший за ними человек) был жизнерадостный пожилой человек в фетровой шляпе, сдвинутой на затылок, так что видна была большая лысина. Глаза были скрыты очками, однако круглое его лицо носило на себе следы хорошо прожитой жизни. Он прокашлялся.

— Мне кажется, — сказал он, — если вы меня извините, я спущусь вниз и…

Его спутник, удивительно некрасивый молодой человек, повернулся спиной и принялся изучать внутренность дома, делая вид, что его это не касается.

Маркус посмотрел на них.

— Чепуха, — решительно заявил он. — Вы, правда, не являетесь членами нашей семьи, од-

нако вам все известно, поэтому стойте там, где стоите, и к черту вашу деликатность.

— Вы действительно думаете, дядя Маркус, что это подходящее место для того, чтобы рассказывать об этом? — спокойно проговорила девушка.

— Да, моя дорогая, я думаю именно так.

— Совершенно согласен, — бурно присоединился к нему доктор Джо. Он принял строгий, чопорный, многозначительный вид. — В первый раз в жизни, Маркус, ты совершенно прав.

Джордж Хардинг, в свою очередь, принял такой же строгий, чопорный, даже напыщенный вид.

— Могу уверить вас, сэр… — начал он торжественным тоном.

— Да-да, я все это знаю, — сказал Маркус. — И сделайте милость, перестаньте смущаться. Ничего в этом нет необычного. Люди женятся и выходят замуж, зная при этом, что они будут делать, когда поженятся, как и вы, я надеюсь, знаете. Кстати сказать, разрешение на это замужество зависит исключительно от меня.

— И от меня тоже, — строго заметил доктор Джо.

— Если тебе угодно, — отозвался Маркус с раздражением. — И от моего брата, разумеется. Мы с вами знакомы уже месяц — в условиях сов-

местного путешествия. Как только вы начали ухаживать за моей племянницей, я тут же телеграфировал моему поверенному с просьбой навести о вас справки. Все у вас, по-видимому, в порядке; у меня нет оснований быть недовольным. Семьи у вас нет, денег тоже…

Джордж Хардинг хотел было что-то объяснить, но Маркус не дал ему сказать ни слова.

— Да-да, мне все известно о химических опытах, которые, возможно, принесут вам целое состояние. Я не вложил бы в это дело ни пенса, даже если бы от этого зависела жизнь вас обоих. У меня нет ни малейшего интереса к этим «новым химическим процессам»; ненавижу новые процессы, особенно химические: ими интересуются одни только дураки, а на меня они наводят зеленую скуку. Впрочем, вы, может быть, чего-нибудь этим добьетесь. Если вы будете действовать твердо и без глупостей, вам хватит на жизнь и того, что у вас уже есть, и, кроме того, вы кое-что получите и от Марджори. Это понятно?

Джордж снова попытался что-то объяснить; на сей раз его перебила Марджори. Ее лицо слегка покраснело, но глаза были ясные, и она держала себя в руках.

— Просто скажите «да», — посоветовала она. —

Больше вам ничего сказать не дадут.

Лысый господин в фетровой шляпе, который стоял, опершись локтями на балюстраду, и наблюдал за ними, слегка нахмурившись, помахал рукой, словно учитель, требующий внимания в классе.

— Одну минуточку, Маркус, — вмешался он в разговор. — Вы просите меня и Уилбера присутствовать при этом деле, хотя мы и не являемся членами вашей семьи. Поэтому позвольте мне сказать. Неужели так уж необходимо подвергать молодого человека перекрестному допросу, как будто бы…

Маркус наградил его негодующим взглядом.

— Мне бы хотелось, — сказал он, — чтобы некоторые люди отказались от нелепой мысли, что всякий вопрос — это непременно допрос, притом перекрестный. Все писатели, по-видимому, придерживаются такого мнения. Даже вы, профессор, грешите этим. Это раздражает меня неимоверно. Я расспрашиваю мистера Хардинга, — это вам ясно?

— Да… — ответил Джордж.

— Да ладно вам, — добродушно сказал профессор.

Маркус поерзал на своем фонтане, устраиваясь

поудобнее, так что едва не свалился в воду. Лицо его стало еще более непроницаемым.

— Раз мы выяснили этот вопрос, — продолжал он несколько другим тоном, — вы должны кое-что узнать о нашем семействе. Марджори ничего вам не говорила? Я так и думал. Если вы воображаете, что мы принадлежим к праздным богачам, которые привыкли к тому, что могут ни с того ни с сего устроить себе каникулы в такое время года, выбросьте это из головы. Я богат, это правда, но я не бездельник и путешествую нечасто. И все остальные тоже. Я за этим слежу. Я работаю. И хотя я считаю себя скорее ученым, чем бизнесменом, деловая часть от этого не страдает. Мой брат Джозеф — практикующий врач в Содбери-Кросс; он работает, несмотря на свою природную лень. За этим я тоже слежу. Доктор он не блестящий, однако люди его любят.

Физиономия доктора Джо под темными очками так и пылала.

— Пожалуйста, успокойся, — холодно велел Маркус. — Теперь Уилбер, Уилбер Эммет, вот он — управляющий моим предприятием.

Он кивнул в сторону высокого и поразительно некрасивого молодого человека, который стоял внутри балюстрады перистиля. На лице Уилбе-

ра Эммета сохранялось каменное выражение. К Маркусу он относился с таким же почтением, как и Джордж Хардинг, однако у него почтение сочеталось с чопорностью и чувством собственного достоинства, словно он всегда был готов записать распоряжение.

— Поскольку я нанял его на работу, могу вас уверить, что он тоже работает. Профессор Ингрем, этот толстяк с лысым черепом, просто друг нашей семьи. Он ничего не делает, но если бы это зависело от меня, работал бы обязательно. Итак, мистер Хардинг, я хочу, чтобы вы с самого начала это поняли, и хочу, чтобы вы поняли меня. Я — глава этого семейства, имейте это в виду. Я не тиран. Меня нельзя упрекнуть в скупости или в том, что я предъявляю необоснованные требования, — это может подтвердить каждый. — Он вытянул шею. — И в то же время я упрямый старик, который повсюду сует свой нос и которому непременно нужно докопаться до сути в любом деле. Я всегда стремлюсь настоять на своем, и обычно мне это удается. Вам это ясно?

— Да, — сказал Джордж.

— Отлично, — улыбаясь, заметил Маркус. — Пошли дальше. Принимая во внимание все вышесказанное, вы, вероятно, удивляетесь, поче-

му мы все-таки устроили себе эти трехмесячные каникулы. Я вам объясню. Потому что в деревне Содбери-Кросс появился маньяк, которому нравится травить людей целыми пачками.

Снова наступило молчание. Маркус надел свои очки, и снова круг темных очков оказался полным.

— Вы что, проглотили язык? — поинтересовался Маркус. — Разве я сказал, что в деревне есть фонтанчик для питья или рыночная площадь? Я сказал, что там есть маньяк, преступник, который забавляется, устраивая массовые отравления. Исключительно для того, чтобы доставить удовольствие этому человеку, трое детей и восемнадцатилетняя девушка были отравлены стрихнином. Один из детей погиб. Ребенок, к которому была особенно привязана Марджори.

Джордж Хардинг открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал. Он посмотрел на путеводитель, который держал в руке, и поспешно засунул его себе в карман.

— Простите… — начал он.

— Нет, вы послушайте меня. Марджори несколько недель была больна, у нее был нервный шок. Именно из-за этого, и… вообще создалась такая атмосфера… — Маркус поправил очки. — Словом,

мы решили совершить это путешествие.

— Никогда не отличалась крепким здоровьем, — пробормотал доктор Джо, глядя в землю.

Маркус знаком велел ему замолчать.

— В среду, мистер Хардинг, мы отправляемся домой на «Хакозаки Мару» из Неаполя. Поэтому вам не мешает знать, что произошло в Содбери-Кросс семнадцатого июня. У нас там есть одна женщина, ее зовут миссис Терри, она держит лавочку на Хай-стрит, в которой продаются табак и разные сладости. Отравление было вызвано стрихнином, который находился в шоколадных конфетах, купленных в лавочке миссис Терри. Как правило (вы, конечно, это понимаете), она не торгует отравленными конфетами. Полиция полагает, что кто-то каким-то образом подменил конфеты, подсунув отравленные взамен нормальных, безобидных. — Он нерешительно помолчал. — Дело в том, что это мог сделать только человек, хорошо известный в Содбери-Кросс. Только такой человек мог иметь доступ к конфетам и сделать свое дело в определенное время и при определенных обстоятельствах. Ясно ли я излагаю?

Темные очки Маркуса уставились прямо в глаза собеседнику.

— Мне кажется, да, сэр.

— Если говорить обо мне, — продолжал Маркус, — то мне очень хочется вернуться домой.

— Господи, конечно! — с жаром воскликнул доктор Джо. — Приличные сигареты, настоящий чай, приличное…

Из своего укрытия в перистиле в первый раз подал голос человек с серьезным и удивительно некрасивым лицом. У него был глубокий, звучный голос, благодаря которому его несколько загадочные слова приобрели оттенок зловещего прорицания. Руки он держал в карманах блестящей синей куртки.

— Сэр, — сказал Уилбер Эммет, — нам не следовало отсутствовать в июле и августе. Я не доверяю Маккрекену, и меня беспокоят «ранние серебряные».

— Поймите меня правильно, мистер Хардинг, — настойчиво говорил Маркус. — Мы не какие-нибудь отверженные. Мы действуем по собственной воле. Хотим — уезжаем в отпуск, хотим — возвращаемся, когда нам заблагорассудится, по крайней мере я. Я особенно стремлюсь попасть домой, потому что мне кажется, я могу решить проблему, которая всех их мучает. Ответ мне был частично известен уже несколько меся-

цев тому назад. Однако есть некоторые… — Снова в нерешительности он поднял руку, помахал ею в воздухе и опустил на колено. — Если вы приедете в Содбери-Кросс, вы увидите, что там существуют разного рода инсинуации. Известная атмосфера. Известные сплетни. Вы к этому готовы?

— Да, — ответил Джордж.

У человека, который смотрел на них из двери атриума, эта группа навсегда осталась в памяти: в саду, в обрамлении древних колонн, — эта картина была как бы символом того, чему впоследствии суждено было случиться. В настоящий момент, однако, его мысли были далеки от метафизики. Он не стал заходить в дом Аулюса Лепидуса, отравителя. Вместо этого он повернулся и вышел на улицу Мавзолеев, по которой прошел несколько шагов вверх, в направлении ворот Геркуланума. Крошечная струйка дыма, стелясь и извиваясь, поднималось над конусом Везувия. Инспектор-детектив Эндрю Макэндрю Эллиот из отдела уголовного сыска сел на высокую ступеньку, закурил сигарету и задумчиво посмотрел на коричневую ящерицу, которая выскочила на дорогу.

# Глава вторая
# Горькие сласти

В ночь, когда произошло убийство в «Бельгарде», загородном доме мистера Маркуса Чесни, инспектор Эллиот выехал из Лондона на своей машине, которой он гордился сверх всякой меры, и в половине двенадцатого прибыл в Содбери-Кросс. Была чудесная ночь, правда слишком темная после сверкающего солнечного дня и очень теплая для начала октября.

«Во всей этой истории есть что-то фатальное, какой-то рок», — мрачно размышлял он. Когда комиссар Хэдли вызвал его и распорядился, чтобы он принял это дело, он ничего не сказал ему о своих мыслях. Ему не давало покоя не только то, чему он был свидетелем в Помпеях, но и эта ужасная сцена в аптеке.

— Как всегда, — горько жаловался Хэдли, — нас вызвали только тогда, когда след уже простыл, так что нам абсолютно не за что зацепиться. Почти четыре месяца! Вы отлично размотали это дело в Крукид-Хиндже, там тоже прошло достаточно много времени и не осталось следов, так

что, может быть, у вас что-нибудь получится. Однако особых надежд не питайте. Вам что-нибудь об этом известно?

— Я… в свое время я кое-что об этом читал, сэр.

— Там снова заварилась каша. С тех пор как семейство Чесни вернулось из-за границы, там черт знает что творится: анонимные письма, надписи на стенах — словом, все такое… Скверное это дело, мой мальчик, — травить маленьких детей.

Эллиот помедлил. В нем кипел глухой гнев.

— Вы думаете, это сделал кто-то из членов семьи, сэр?

— Не знаю. У майора Кроу — это главный констебль, шеф местной полиции — есть на этот счет свои соображения. Кроу — весьма впечатлительный человек, хотя по его виду этого не скажешь. Если у него появляется идея, он вцепляется в нее мертвой хваткой, и тогда его с места не сдвинешь. Но все равно он познакомит вас с фактами. Он хороший человек, под его началом работать будет приятно. Да, если понадобится помощь, там поблизости находится Фелл. Он в Бате, проходит там курс лечения. Вы можете ему позвонить, пусть немного поработает для разнообразия.

Эндрю Макэндрю Эллиот, серьезный молодой человек, с душой, в которой прочно жила ми-

лая Шотландия, заметно приободрился, узнав о возможности связаться с толстяком-доктором. Доктору Феллу можно даже рассказать, что у тебя на душе, — такой он человек.

Итак, в половине двенадцатого он прибыл в Содбери-Кросс и остановил машину у дверей полицейского участка. Содбери-Кросс по своему статусу — это нечто среднее между городом и деревней. Однако он расположен на лондонской дороге, и там находится рынок, поэтому движение довольно значительное. В это время ночи все было погружено в сон. Фары машины скользнули по рядам мертвых окон; единственное пятно света — освещенные часы над «Бриллиантовым юбилеем», где торгуют газированной водой.

Майор Кроу и комиссар Бостуик ожидали его в кабинете комиссара.

— Простите, что так поздно, — сказал Эллиот, обращаясь к первому, — но у меня спустило колесо по дороге, недалеко от Кана, и…

— О, ничего страшного, — ответил шеф местной полиции. — Мы все равно ночные птицы. Где думаете остановиться?

— Комиссар советовал остановиться в «Синем льве».

— Вот и отлично, ничего не может быть луч-

ше. Что вы предпочитаете: разбудить их и сразу устроиться на ночь или сначала мы вам расскажем кое-что об этом деле?

— Я бы хотел сначала ознакомиться с делом, если для вас это не слишком поздно.

В кабинете некоторое время царила тишина, если не считать громкого тиканья часов; нервно подрагивал огонек газового рожка. Майор Кроу достал пачку сигарет. Это был человек с мягкими манерами, тихим голосом и коротко подстриженными седеющими усами: один из тех отставных военных, чьи успешные действия обычно вызывают у людей удивление, пока они не убедятся, что перед ними настоящий классный специалист. Шеф местной полиции закурил сигарету и помолчал, пристально рассматривая пол у себя под ногами.

— Это я должен перед вами извиниться, инспектор, — сказал он. — Раз уж собирались призвать на помощь Скотленд-Ярд, мы должны были сделать это уже давно. Но здесь в последние дни, с тех пор как вернулись домой Чесни, было довольно много хлопот. Люди ведь думают, что как только на помощь приходит Скотленд-Ярд, — в его улыбке не было ни малейшего желания кого-либо обидеть, — так дело начинает двигаться

вперед семимильными шагами. Тут многие считают, что мы должны арестовать одну девушку, ее зовут мисс Уиллс, Марджори Уиллс. Но у нас нет никаких улик.

Эллиот никак не комментировал это сообщение, хотя ему очень хотелось это сделать.

— Вы поймете всю сложность ситуации, — продолжал майор, — если я вам обрисую, что собой представляет лавочка миссис Терри. Вы видели сотни таких заведений. Это очень небольшое помещение, узкое, но достаточно глубокое. С левой стороны — прилавок для сигарет и табака, с правой — для конфет. Узкий проход — там едва можно повернуться — ведет во внутренние помещения лавки, где находится небольшая библиотека. Встречались вам такие?

Эллиот кивнул.

— В Содбери-Кросс имеются только три лавки, торгующие табачными и кондитерскими изделиями, но больше всего покупателей всегда в лавочке миссис Терри. Все туда ходят. Хозяйка — веселая, добродушная женщина и очень деловая. Муж у нее умер, оставив ей пятерых детей. Вам это известно?

Эллиот снова кивнул.

— И вы, конечно, знаете, как продаются кон-

феты в таких лавочках. Некоторые предметы находятся на витрине, под таким плоским стеклом. Что же касается конфет, то они просто лежат на прилавке в открытых коробках или в стеклянных банках. Так вот, поверх витрины лежали пять открытых коробок, слегка наклоненных, чтобы было видно содержимое. В трех коробках были шоколадные конфеты с помадкой, в одной — просто шоколадки, завернутые в бумажку, и еще в одной — карамельки.

Теперь представьте себе, что вы хотите подложить туда отравленные конфеты. Ничего нет проще. Покупаете конфеты где-то в другом месте: они все одинаковые, их можно купить где угодно. Берете шприц, набираете в него раствор стрихнина на спирту и вводите один-два грана[1] в десяток конфет. Отверстие крошечное, его никто не заметит.

Затем вы входите в лавку миссис Терри (или в какую-нибудь другую лавочку), держа конфеты в руке. Спрашиваете сигарет, миссис Терри идет за соответствующий прилавок. Предположим, вы спросили полсотни или сотню «Плейеров», тогда ей нужно не только повернуться к вам

---

**[1] Notes: 1**
*Гран* — 0,0648 грамма.

спиной, но и протянуть руку или даже подняться по стремянке, чтобы достать блок или коробку с таким количеством. Пока она это делает, вы просто протягиваете руку за спину и бросаете приготовленные конфеты в соответствующую коробку. Через лавку за день проходит сотня народу — кто может знать, кто может доказать, что это сделали вы?

Майор Кроу встал со своего места, на щеках у него появился легкий румянец.

— Именно так это и было сделано, сэр? — спросил Эллиот.

— Подождите! Вы видите, с какой дьявольской легкостью может это сделать человек, которому безразлично, кого убивать, лишь бы получить от этого удовольствие и при этом остаться безнаказанным. Вы понимаете, в чем наши затруднения?

Прежде всего я должен вам рассказать о Маркусе Чесни, его семье и его друзьях. Чесни живут в большом доме примерно в миле отсюда — вы могли его видеть. Отличный дом, великолепно обставленный, все самое лучшее и самое современное. Называется он «Бельгард», это такой сорт персика.

— Чего, сэр?

— Персика, — ответил главный констебль. — Вы когда-нибудь слышали о знаменитых оранжереях Чесни? У них под оранжереями пол-акра[2] земли. Его дед, а после его отец разводили персики, которые считались чуть ли не лучшими в мире. Маркус продолжает это дело. Персики у них крупные, они продаются в отелях Вест-Энда за фантастическую цену. Он их выращивает независимо от сезона, утверждая, что ни солнце, ни климат не имеют никакого значения для выращивания персиков. Как он это делает — его секрет, который стоит десятки тысяч. Он выращивает «бельгард», «ранние серебряные» и (его особая специальность) «королевские». И конечно, получает неплохую прибыль. Я слышал, что его годовой доход исчисляется шестизначным числом.

Тут майор Кроу помолчал, внимательно глядя на своего гостя.

— Что касается самого Чесни, — продолжал он, — его не очень-то любят в нашей округе. Это умный, но достаточно жесткий и неприятный человек. Люди либо явно его не любят, либо платят ему дань уважения, хотя и не очень охотно. Вы

---

**[2] Notes: 2**
*Акр* — около 0,4 гектара.

знаете, как это бывает в пабе: «А, это он, старик Чесни!» — а затем многозначительный кивок головой, легкая усмешка, и кружка со стуком ставится на стойку. И все понимают, что в этой семье что-то не так, хотя никто не может сказать, что именно.

Марджори Уиллс, его племянница, дочь его покойной сестры. Весьма приятная молодая особа — так, по крайней мере, кажется. Но с характером. При всей своей воспитанности и невинном виде, выражается порою так — я сам слышал, — что впору сержанту в полицейском участке.

Затем следует Джо Чесни, доктор. Он искупает грехи всего семейства: его все любят. Он бегает по городу, как бешеный буйвол, и я не стал бы особо доверять его профессиональным качествам, однако многие люди клянутся его именем. Он не живет вместе с Маркусом, тот не потерпел бы амбулатории в «Бельгарде». Доктор живет неподалеку, нужно только немного пройти по дороге. Есть там еще профессор в отставке, по имени Ингрем, — тихий, приятный человек, большой приятель Маркуса. У него маленький коттедж на той же самой дороге, в округе о нем отзываются хорошо. И наконец, управляющий и главный

садовник чесниевского «питомника», его зовут Эммет — незначительный человек, о котором никто ничего не знает.

Итак, семнадцатого июня, в четверг, был базарный день — и в городе было достаточно много народа. Мне кажется, мы можем считать установленным фактом, что до этого дня в лавке миссис Терри не было отравленных конфет. Основания: у нее пятеро детей, как я уже говорил, и у одного из этих детишек шестнадцатого числа был день рождения. Миссис Терри устроила ему вечером небольшой праздник, позвала гостей. Для этих гостей она (в числе прочего угощения) взяла по горсти конфет из каждой коробки, что стояли на прилавке. И никто не пострадал.

Что касается четверга, у нас имеется список людей — всех до одного, — которые заходили в лавку в тот день. Это не так трудно, как может показаться, потому что большинство из них брали библиотечные книги, а миссис Терри ведет учет. Чужих в лавке в тот день не было — это можно считать установленным. Кстати, в лавку заходил и сам Маркус Чесни. И доктор Джо Чесни тоже. Но ни профессор Ингрем, ни молодой Эммет там не были.

Эллиот достал записную книжку и погрузился

в изучение непонятных значков, покрывающих ее страницы.

— А мисс Уиллс? — спросил он, снова ощутив теплоту ночи, потрескивание газового рожка и тревожные глаза шефа местной полиции.

— Я как раз собираюсь об этом сказать, — продолжал майор Кроу. — Мисс Уиллс, по сути дела, в лавке не была совсем. А дело было так: часа в четыре дня, как раз когда кончились занятия в школе, она приехала в Содбери-Кросс на машине своего дяди. Зашла в мясную лавку к Пакеру, чтобы уладить какое-то недоразумение. Выходя из мясной лавки, она встретила маленького Фрэнки Дейла, восьмилетнего школьника. По свидетельству многих людей, она всегда испытывала особую нежность к этому мальчику. Она сказала ему (это слышал один из свидетелей): «Фрэнки, милый, сбегай, пожалуйста, к миссис Терри и купи для меня шоколадных конфет на три пенса, ладно?» — и дала ему шестипенсовик.

Лавочка миссис Терри находится примерно в пятидесяти ярдах[3] от мясной. Фрэнки послушно выполнил поручение. Как я уже говорил, на стекле поверх витрины стояли три коробки конфет.

---

**[3] Notes: 3**
*Ярд* — 91,44 сантиметра.

Фрэнки, как все дети, не сказал точно, что ему требуется. Он просто указал на среднюю коробку и произнес: «Дайте мне вот этих на три пенса».

— Прошу прощения, сэр, — перебил его Эллиот. — А до этого момента кто-нибудь покупал шоколадные конфеты?

— Нет, в тот день был большой спрос на лакричную карамель, шоколадные батончики и драже, а конфет в тот день не продавали.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Миссис Терри отвесила ему то, что он просил. Цена на эти конфеты шесть пенсов за четверть фунта; он получил три унции[4], это составило шесть конфет. Затем Фрэнки вернулся бегом к мисс Уиллс, неся в руках пакетик с конфетами. В тот день шел дождь, и на мисс Уиллс был плащ с глубокими карманами. Она положила пакетик в карман. Затем, словно передумав, она достала пакетик снова. Какой пакетик — неизвестно, но это был пакетик. Понятно?

— Да.

— Она раскрыла его, заглянула внутрь и сказала: «Фрэнки, ты принес мне мелкие конфеты с белой начинкой, а мне хотелось тех, что покруп-

---

**[4] Notes: 4**
*Унция* — 28,35 грамма.

нее, с розовой. Беги назад и попроси миссис Терри обменять, хорошо?» Миссис Терри, конечно, любезно их обменяла. Она высыпала конфеты в среднюю коробку и положила в пакетик других, из правой. Фрэнки отдал их мисс Уиллс, которая сказала ему, чтобы он оставил сдачу с шестипенсовика себе.

Конец этой истории, — сказал майор Кроу, глубоко вбирая в себя воздух и глядя на своего слушателя мрачным взглядом, — рассказать недолго. Фрэнки не сразу истратил свои три пенса: он побежал домой, так как было время чая. Но после чая снова вернулся. Возможно, что он тогда же решил купить те же самые конфеты, которые покупал для мисс Уиллс, — это нам неизвестно. Но он их купил, заплатив два пенса, именно за те самые мелкие конфеты с белой начинкой, а оставшийся пенс истратил на лакрицу. Около четверти седьмого в лавку пришла Луиза Кертен (она работает служанкой у мистера и миссис Эндерсон) с двумя хозяйскими детьми и купила полфунта смеси — шоколадных конфет из всех трех коробок.

Все, кто пробовал конфеты из средней коробки, жаловались, что они горькие. Фрэнки, бедняжечку, это не остановило — он ведь истратил свои

два пенса, — и он съел все конфеты до одной. Боли начались примерно через час, и он умер в страшных мучениях в одиннадцать часов вечера. Луизе Кертен и эндерсоновским детям повезло больше. Малышка Дороти Эндерсон откусила кусочек конфетки и закричала, что есть невозможно: она слишком горькая — «противная», как она выразилась. Луиза Кертен попробовала, откусив кусочек, из любопытства. Томми Эндерсон поднял страшный крик, требуя, чтобы ему тоже дали попробовать. Тогда Луиза откусила кусочек от другой конфеты и обнаружила, что она тоже горькая. Она решила, что шоколад испортился, и положила конфеты в сумочку, собираясь потом вернуться и пожаловаться миссис Терри. Все они остались живы, но Луизу в ту ночь спасли с великим трудом. Сами понимаете, отравление стрихнином.

Майор Кроу замолчал. Все это он говорил спокойным тоном, однако Эллиоту не понравился его взгляд. Загасив сигарету, майор сел на место.

— Я служу в этих краях уже двенадцать лет, — добавил он, — и ни разу за все это время мне не приходилось видеть такого страшного волнения, как то, которое охватило городок после этих событий. Поначалу, конечно, было выявлено, что

миссис Терри торгует отравленными конфетами, все обвинения были направлены против нее. Мне кажется, некоторые люди считают, что конфеты могут испортиться так же, как, например, мясо. Миссис Терри была в истерике, вы понимаете? Она кричала, рыдала, закрыв лицо передником. В ее лавке перебили все окна. А отец Фрэнки чуть не помешался от горя.

Однако через день-другой они поуспокоились и начали задавать вопросы. Джо Чесни прямо заявил в баре «Голубого льва», что это было умышленное отравление. Его вызывали к Фрэнки, когда тому стало плохо, и он пользовал мальчика. Фрэнки съел три конфеты, проглотив более шести гран стрихнина, в то время как известно, что смертельной дозой является одна шестнадцатая грана. Остальные три жертвы получили на троих два грана. Исследовали все оставшиеся конфеты из средней коробки. В двух из них обнаружилось более двух гран спиртового раствора стрихнина — так же, как и в двух конфетах из того пакетика, который купила Луиза, не считая тех двух, которые они съели втроем. Другими словами, обнаружилось, что было отравлено десять конфет, причем в каждой из них доза стрихнина превышала смертельную. В городе по-

явился убийца, — убийца, желающий причинить своей жертве как можно больше страданий.

Итак, совершенно очевидно: существовали три возможные версии.

Номер один. Миссис Терри умышленно отравила конфеты. Чему никто не верил после того, как улеглась первая волна возмущения.

Номер два. Кто-то, кто заходил в лавку в течение дня, высыпал горсть отравленных конфет в среднюю коробку, когда миссис Терри повернулась к нему спиной. Так, как я вам уже говорил.

Номер три. Это сделала мисс Уиллс. Когда Фрэнки принес ей пакетик с обычными, безвредными конфетами, в кармане ее плаща уже лежал аналогичный пакет с заранее заготовленными — отравленными. Она положила в карман обычные, достала оттуда отравленные и попросила Фрэнки вернуть их назад и поменять. Таким образом отравленные конфеты оказались в средней коробке. Вы следите за изложением событий?

Эллиот нахмурился:

— Да, сэр, все это понятно. Однако…

— Совершенно верно! — перебил его майор, глядя на своего гостя гипнотическим взглядом. — Я знаю, что вы хотите сказать. Вот в чем закавыка.

Она купила шесть конфет. А в коробке оказалось в общей сложности десять. Если в том пакетике, который она вернула, было шесть конфет, откуда взялись остальные четыре? А если в пакетике было бы десять конфет вместо шести, миссис Терри наверняка бы заметила это, высыпая конфеты в коробку.

Комиссар Бостуик из местной полиции до сих пор не произнес ни слова. Это был высокий грузный человек, он сидел сложив руки и устремив взор на календарь. Тут он прокашлялся, прочищая горло.

— Некоторые люди считают, что могла и не заметить, — сказал он. — В особенности если она торопилась.

Снова прочистив горло, он добавил:

— Скотленд-Ярд или там не Скотленд-Ярд, но мы доберемся до этой сволочи, поймаем проклятого убийцу, даже если это будет последнее дело в нашей жизни.

Воздух в душной комнате словно завибрировал от этой вспышки. Майор Кроу посмотрел на Эллиота.

— Бостуик, — проговорил он, — воспитан в правилах благопристойности. И если уж он так говорит, можете себе представить, что думают

остальные!

— Понятно, — сказал Эллиот, внутренне содрогнувшись. — А что, действительно считают, что мисс Уиллс…

— Это вам придется выяснить самому. Люди, как правило, не склонны заниматься всякими тонкостями. Это наше дело. Вот в чем беда. Прежде всего всех поразила полная бессмысленность происшедшего; было такое впечатление, что за этим стоит некий извращенный ум. К тому же… ну… нам ничем не помогает тот факт (хотя, к счастью, завсегдатаи «Голубого льва» этого не знают), что обстоятельства этого дела полностью совпадают со знаменитым случаем отравления в Брайтоне, который произошел шестьдесят лет тому назад. Вам приходилось слышать о деле Христианы Эдмундс в тысяча восемьсот семьдесят первом году? Она использовала ту же самую уловку с отравленными конфетами и ребенком, которого попросила их заменить. Запасной, заранее подготовленный пакет был у нее, кажется, в муфте, она ловко подсунула его ребенку, словно фокусник.

Эллиот подумал, вспомнил.

— Христиана Эдмундс, если я правильно помню, — сказал он, — была психически ненор-

мальна. Она умерла в Бродмуре.

— Да, — подтвердил майор, не делая попытки смягчить положение. — И некоторые считают, что наша девица кончит тем же.

После неловкой паузы он продолжал рассудительным тоном:

— Но давайте подумаем, какие у нас данные для того, чтобы возбудить против нее дело. Впрочем, речь идет скорее об отсутствии таковых. Ничего, ну решительно ничего! Прежде всего — никак нельзя установить, откуда она достала яд: нет никаких доказательств того, что она покупала, взяла у кого-то, украла или нашла хотя бы миллионную часть грана яда. Местные жители отвечают на этот вопрос весьма легко: она любимица доктора Чесни; а Джо Чесни, как они говорят, человек крайне рассеянный и неаккуратный, стрихнин у него валяется повсюду, все равно что табак. Совершенно верно, у него в амбулатории есть стрихнин, однако он дал нам полный отчет о его наличии и применении.

Во-вторых, сама миссис Терри клянется, что в пакетике, который возвратил ей Фрэнки Дейл, было только шесть конфет.

В-третьих, если преступление совершила Марджори Уиллс, она вела себя до чрезвычайности

глупо. Она не приняла даже тех мер предосторожности, которые приняла Христиана Эдмундс. В конце концов, Брайтон — большой город, и женщина, которая выбрала для своей цели незнакомого ребенка, имеет все шансы остаться неузнанной. А эта девица! Посреди дороги, в городишке, где все друг друга знают, заговорить с мальчиком, которого считают ее любимцем, в присутствии свидетелей? Да она сделала все возможное, черт меня побери, чтобы привлечь к себе внимание! Если она действительно собиралась отравить конфеты, она бы сделала это, не вызывая подозрения, так, как я вам говорил, помните?

— Согласен, инспектор, предположим, мы предъявим ей обвинения — но в них нет ни одного пункта, который опытный адвокат не разбил бы в пух и прах; и мы не можем произвести арест ради того только, чтобы доставить удовольствие разным Джонам и Дикам. Помимо всего прочего, я надеюсь, что это неправда. Она славная девушка, и до сих пор про нее никто не мог сказать ничего дурного, разве только, что все Чесни немного странные.

— А когда против нее возмутилось общественное мнение — до или после того, как они уехали

за границу?

— Ну, подспудно подозрение существовало, а вот вышло на поверхность после того, как они уехали, тут уж страсти разгорелись вовсю. А теперь, когда они вернулись, стало еще хуже прежнего. Тут вот наш комиссар боится, как бы какие-нибудь горячие головы не отправились громить оранжереи Маркуса Чесни. Я, правда, эти страхи не разделяю. Наш обыватель много болтает, однако он достаточно спокоен и терпелив. Он ждет, пока начнут действовать власти, и начинает бунтовать только в том случае, если они этого не сделают. Господи, я-то очень бы хотел сделать все, что можно! — жалобно воскликнул он. — У меня у самого есть дети, и мне, как и всякому другому, не нравится это дело. К тому же сам Маркус Чесни ведет себя так, что это нисколько не помогает делу. Вернувшись домой, он поднял страшный крик, уверяя всех и каждого, что сам раскроет это преступление, если мы на это неспособны. Насколько я понимаю, он был здесь позавчера, говорил какие-то глупости, задавал вопросы…

Эллиот навострил уши.

— Правда? — спросил он. — А какие вопросы он задавал?

Шеф местной полиции вопросительно посмотрел на комиссара Бостуика. У того отчаянно заклокотало в груди, прежде чем слова поднялись к горлу, а потом на язык.

— Этому господину хотелось узнать, — саркастически проговорил Бостуик, — какого именно размера были конфетные коробки на прилавке миссис Терри. Я спросил его, зачем ему нужны эти сведения. Он разозлился и заявил, что это не мое дело. Я сказал, что в таком случае пусть он обратится к самой миссис Терри. Тогда он сказал, — комиссар усмехнулся с некоторым удовлетворением, — тогда он заявил, что у него есть еще один вопрос, но, поскольку я такой безнадежный дурак, он мне его не задаст, а отвечать за последствия придется мне самому. Он сказал, что ему всегда было известно, что я не отличаюсь наблюдательностью, а теперь он убедился, что у меня вообще в голове пусто.

— У него, по-видимому, idée fixe[5], — объяснил майор, — он считает, что человек в большинстве своем не способен точно описать то, что он видит или слышит…

Эллиот не успел ответить, так как в этот мо-

---

**[5] Notes: 5**
Навязчивая идея *(фр.)*.

мент зазвонил телефон. Майор Кроу несколько раздраженно посмотрел на часы, чье громкое тиканье наполняло всю комнату и стрелки показывали двадцать минут первого. Бостуик грузно поднялся, подошел к аппарату и снял трубку, пока Эллиот и шеф местной полиции предавались своим неспокойным мыслям. Майор устал и находился в подавленном настроении; что же касается Эллиота, то для определения его состояния духа следовало бы употребить значительно более энергичное выражение. Голос Бостуика вывел их из оцепенения — вероятно, несколько визгливый оттенок, с которым он спросил: «Что?» Майор Кроу резко обернулся, его стул со стуком полетел к письменному столу.

— Это доктор Джо, — с трудом проговорил комиссар. — Поговорите с ним лучше сами, сэр.

У него на лбу блестели капли пота, хотя по выражению глаз ничего нельзя было прочитать. Он протянул трубку майору.

Майор поднес ее к уху и молча слушал около минуты. Из трубки доносились звуки речи, хотя слов разобрать было нельзя. Затем шеф местной полиции осторожно положил трубку на рычаг.

— Это Джо Чесни, — зачем-то повторил он. — Умер Маркус Чесни. Доктор считает, что он

отравлен цианистым калием.

В комнате снова слышалось только тиканье часов и покашливание майора Кроу.

— Похоже на то, — продолжал он, — что Маркус подтвердил свою излюбленную теорию своим последним вздохом. Если я правильно понял то, что сказал доктор, присутствующие видели своими собственными глазами, как его отравили, и ни один человек не может сказать, как это произошло.

# Глава третья
# Горький миндаль

«Бельгард» — из тех домов, о которых обычно говорят, что он без всяких глупостей. Он достаточно велик, однако не является наследственным владением и отнюдь на это не претендует. Это солидная постройка из желтого голландского кирпича с синим фронтоном, слегка потемневшим от времени; само здание с крутой двускатной крышей сильно вытянуто в глубину.

В этот момент, однако, инспектору Эллиоту трудно было заметить все детали. Небо было сплошь покрыто облаками, все окна по фасаду были темны, а вот сбоку, слева, с той стороны, которая была им не видна, когда они подъезжали, лился такой поток яркого света, что они заметили его еще с главной дороги. Эллиот остановил машину на подъездной аллее, и майор Кроу вместе с Бостуиком — они сидели на заднем сиденье — вышли из машины.

— Одну минутку, сэр, — почтительно обратился Эллиот к майору. — Прежде чем мы войдем в дом, нужно кое-что уточнить. Каково здесь мое

положение? Меня прислали сюда в связи с делом, связанным с кондитерской, что же касается этого…

В темноте ему было видно, что майор Кроу смотрит на него с мрачной улыбкой.

— Вы любите, чтобы все было по порядку, не так ли? — спросил его шеф местной полиции. — Ладно-ладно, это и к лучшему, — торопливо добавил он. — Дело это ваше. Вы будете его вести, ну, разумеется, под началом комиссара Бостуика. А я, как только выясню, что здесь произошло, сразу же отправлюсь домой спать. Итак, начинайте.

Вместо того чтобы постучаться в парадную дверь, Эллиот сразу же направился к левой стороне дома и заглянул за угол. «Бельгард», как он убедился, был не такой уж большой. На этой стороне дома было всего три комнаты, расположенные в ряд. Высокие стеклянные двери выходили на неширокую лужайку, окаймленную рядом высоких каштанов, расположенных параллельно линии окон. В первой комнате — если считать от фасада — было темно. Свет шел из стеклянных дверей двух следующих комнат, главным образом из третьей. В этом свете ровная зелень лужайки выглядела как театральная декорация; он высвечивал каждый листик и на каштанах,

отбрасывая на землю картинные тени.

Эллиот заглянул в первую из освещенных комнат. Там было пусто. Обе двери, защищенные тяжелыми бархатными портьерами, были открыты. Такие комнаты, как эта, обычно носят название «музыкальных», эта же была обставлена с учетом современности: там, кроме рояля, была еще и радиола. Кресла в комнате стояли в полном беспорядке. Раздвижные двери (закрытые) вели в самую дальнюю из трех комнат. Всюду царила тишина, вызывающая самые неприятные предположения.

— Хелло! — позвал Эллиот.

Никакого ответа. Он прошел дальше, с тем чтобы заглянуть в окно другой освещенной комнаты, в которую вели раздвижные двери, и замер на месте. В узком проходе на лужайке между домом и каштанами, как раз под окном дальней комнаты, кучей лежали вещи — самого странного ассортимента, который ему когда-либо приходилось видеть. Первое, что он рассмотрел, был цилиндр, высокий блестящий цилиндр старомодного фасона с сильно помятым ворсом. Возле него валялся длинный старомодный плащ с глубокими карманами, тоже сильно поношенный. Рядом был брошен шерстяной шарф и темные

очки. И наконец, среди этой кучи одежды стоял черный кожаный саквояж несколько большего размера, чем те, что носят доктора, но меньше обычного чемодана. На черной коже саквояжа виднелась надпись, сделанная масляной краской: «Р. Г. Немо, доктор медицины».

— Похоже на то, — невозмутимо заметил майор Кроу, — что здесь кто-то раздевался.

Эллиот не ответил. Он только что заглянул в комнату — впечатление было самое неприятное.

Обе двери были распахнуты настежь. Обстановка в комнате указывала на то, что это было нечто вроде конторы или кабинета. В центре находился большой письменный стол, на котором лежали книга для записей, бювар и подносик для карандашей. Возле стола, по левую руку от Эллиота, — рабочее кресло. Человек в этом кресле должен был сидеть лицом к двери, ведущей в другую комнату. Бронзовая лампа на столе испускала свет такой необычайной яркости, что Эллиот сразу сообразил: в нее ввинчена лампочка от юпитера — его используют фотографы для внутренних съемок; абажур лампы был наклонен таким образом, что весь поток света должен был быть направлен на того, кто сидит за столом в кресле. И там действительно кто-то сидел.

Маркус Чесни сидел боком, подняв плечи и вцепившись в ручки кресла, словно он пытался подняться на ноги. Однако эта поза — иллюзия; только кажется, что сидит живой человек, а на самом деле ноги беспомощно лежат на полу, тело держится тем, что он облокотился на спинку кресла. Лицо посинело, на лбу резко выступили синие распухшие вены. Его седые волосы по сравнению с лицом казались особенно светлыми. Набухшие веки были закрыты, на губах выступила легкая пена.

Все эти детали заливала ослепительным безжалостным светом специальная фотолампа, наклоненная и направленная на мертвое лицо.

На стене, за спиной Маркуса Чесни, находилась каминная полка полированного дерева, на которой стояли часы с белым циферблатом и маятником, неутомимо ходившим взад-вперед, отсчитывая секунды. Стрелки указывали на двадцать минут первого.

— Да, он скончался, — проговорил майор Кроу тоном, который ему хотелось бы считать деловым. — Однако… посмотрите-ка на него…

Голос его дрогнул при взгляде на страшное лицо. Часы тикали необычайно громко. Даже оттуда, из-за окна, они почувствовали запах горь-

кого миндаля.

— Да, сэр? — отозвался Эллиот, отмечая в уме все эти детали.

— Нелегко он умирал, судя по его виду. Страдал от боли, я хочу сказать.

— Да, наверное.

— Джо Чесни говорит, что это цианистый калий. К тому же запах… Не могу сказать, что мне приходилось раньше с ним встречаться, но это же всем известно. Но с другой стороны, разве этот яд не убивает мгновенно? Как молния, без всякой боли?

— Нет, сэр. Такого яда не существует. Этот действует быстро, однако все-таки в пределах нескольких минут, а не…

Нет, так не годится. Нужно заниматься делом. Стоя в дверях комнаты, Эллиот охватил мысленным взором все ужасные детали, и они сложились для него в картины необычайной яркости. Вот мертвый человек сидит за столом напротив двери, которая находится по другую сторону комнаты, на него направлен яркий свет. Это было похоже на подмостки, освещенные снизу софитами. Если бы двери были открыты, а в другой комнате сидели люди, было бы полное ощущение сцены. Раздвижные двери служили бы

занавесом, Маркус Чесни — актером. А под окном лежали эти сценические аксессуары: цилиндр, плащ, коричневый шарф, пара темных очков и черный саквояж с написанным на нем именем таинственного доктора.

Ну ладно, с этим можно подождать.

Эллиот заметил время по часам — оно секунда в секунду совпадало со временем на каминных часах — и занес его в свою записную книжку. После этого он вошел в комнату.

Вокруг лица Маркуса Чесни запах горького миндаля был значительно сильнее. Он умер совсем недавно, руки его по-прежнему судорожно сжимали ручки кресла. Он был одет в смокинг, крахмальная манишка его рубашки вздулась и выпирала из жилета, в нагрудном кармашке, за носовым платком, торчал сложенный листок бумаги.

Если он принял яд, Эллиот не видел на столе никаких следов: ни флакона, ни пакетика, ни коробочки, из которых он мог бы его вынуть. Письменный стол был чисто прибран. Помимо аккуратного бювара и подносика, там находилось только два предмета: один из них — карандаш, скорее не круглый или восьмиугольный, а плоский, синего цвета, и лежал он не на подносике,

а на бюваре; кроме карандаша, на столе лежала двухфунтовая коробка дешевых шоколадных конфет. Она была не раскрыта; на блестящей картонной крышке — синие цветы, какие обычно рисуют на обоях, и надпись золотыми буквами: «Сливочные мятные, от Генри».

— Хелло! — раздался зычный голос из другой комнаты.

Шагов они не услышали из-за толстого ковра, который лежал на полу. Кроме того, в не освещенной юпитером части комнаты было настолько темно, что они почти не разглядели, как кто-то сначала подергал, а потом открыл раздвижные двери. В комнату торопливо вошел доктор Джозеф Чесни и резко остановился.

— О! — сказал доктор Джо. Он тяжело дышал. — Это вы, майор. И Бостуик. Слава богу…

Майор коротко с ним поздоровался.

— А мы как раз думали, куда вы делись, — проговорил он. — Это инспектор Эллиот, его направили к нам на помощь из Скотленд-Ярда. Расскажите ему, пожалуйста, что здесь произошло.

Доктор смерил Эллиота испытующим взглядом. С его приходом атмосфера в комнате изменилась, словно от порыва ветра; к запаху горького миндаля примешался запах бренди. Его короткие

рыжие усы шевелились при движении губ и при дыхании. Здесь, у себя дома, он казался не таким агрессивным, как тогда, в Италии, и даже не таким громоздким, несмотря на костюм из твида. У него были жиденькие рыжие волосы и такие же брови над свирепо-добродушными глазами; покрытые морщинами щеки пребывали в постоянном движении, да и вся нижняя часть лица все время двигалась, как на шарнирах. Сейчас, однако, в выражении его толстого лица не было и тени добродушия.

— Я не знаю, что здесь произошло, — ответил он ворчливо. — Меня здесь не было. Я не могу находиться сразу в десяти местах одновременно. Я был наверху, у меня там еще другой пациент.

— Другой пациент? Кто?

— Уилбер Эммет.

— Уилбер Эммет! — воскликнул майор. — Он не…

— Нет, он жив. Хотя и получил хороший удар по голове. Сотрясение мозга, — объяснил доктор Джо, крепко потирая руки таким движением, словно он их моет. — Послушайте, не пройти ли нам в другую комнату? Не то чтобы мне неприятно было находиться рядом с ним, — он указал в сторону брата, — но эти юпитеры не могут

служить вечно. Если их долго держать включенными, они перегорят и вы окажетесь в темноте, когда вам понадобится… то да се, — он снова «помыл» руки, — когда будете искать улики и все такое прочее. Верно?

Шеф местной полиции одобрительно кивнул, и Эллиот выключил лампу, обернув руку платком. Джозеф Чесни быстро зашагал в другую комнату. В музыкальной комнате он обернулся к ним с видом, который Эллиот определил как нервно-агрессивный.

Майор Кроу слегка прикрыл двери.

— А теперь, — отрывисто проговорил он, — если нам разрешат воспользоваться телефоном, вы, комиссар, можете позвонить доктору и попросить его…

— Зачем вам нужен доктор? Я сам доктор. Я сам могу вам сказать, что он мертв.

— Так полагается по правилам, Чесни, вы же знаете.

— Если у вас есть какие-нибудь претензии ко мне как к профессионалу…

— Глупости, мой мальчик. Итак, инспектор…

Доктор Джо обернулся к Эллиоту.

— Значит, вы из Скотленд-Ярда? — спросил он, а потом, вдруг что-то сообразив, прогово-

рил: — Стоп-стоп! А как это вы так быстро здесь очутились? — Он снова подумал. — Это невозможно.

— Я прибыл сюда по другому делу, доктор. По делу отравления.

— О! — сказал доктор, меняясь в лице. — Ну и работенка вам предстоит!

— Я это понимаю, — согласился Эллиот. — А теперь, доктор, не могли бы вы дать нам хоть какое-то представление о том, что здесь произошло?

— Идиотские шутки — вот что здесь произошло! — вдруг взорвался доктор. — Идиотские шутки! Маркусу захотелось устроить представление. Вот он его и устроил, черт бы его побрал!

— Представление?

— Не знаю точно, что именно они там делали, — говорил доктор, — потому что меня здесь не было, но могу сказать, что собирались делать, потому что спорили они в течение всего обеда. Разговоры об этом идут уже давно, но за обедом они приняли более конкретный характер. Маркус говорил, что девяносто девять человек из ста никуда не годятся как свидетели. Он утверждал, что они не могут рассказать, что происходит у них перед глазами; что, если случается пожар,

дорожное происшествие, уличные беспорядки и все такое, полиция получает такие противоречивые показания, что их никак невозможно использовать при расследовании. — Он вдруг с любопытством обернулся к Эллиоту. — Кстати сказать, это правда?

— Да, очень часто случается именно так. Но все-таки: как же все это было?

— Ну, все они, конечно, не согласились с Маркусом; каждый со своей точки зрения, но все решительно заявили, что их-то никто не проведет. Я тогда сказал себе, — проговорил доктор Джо, словно оправдываясь, — я и теперь так считаю, что Маркус не прав — во всяком случае, когда дело касается меня, — но он сказал, что хочет устроить небольшое испытание. Он предложил им принять участие в психологическом опыте, который в свое время проводился в каком-то университете. Сказал, что устроит им небольшой спектакль. А в конце им будет предложено ответить на ряд вопросов в связи с тем, что только что они видели. И он готов поспорить, что шестьдесят процентов ответов будут неверными.

Доктор Джо обратился к майору Кроу:

— Вы же знаете Маркуса. Я всегда говорил, что он похож на этого профессора — как его там… ну,

вы знаете, нас постоянно заставляли читать его книги, когда мы учились в школе… тот самый, который был способен пройти двадцать миль ради того, чтобы найти какой-нибудь никому не нужный цветок и дать его точное описание. А уж если Маркусу втемяшится в голову какая-нибудь идея, ему непременно нужно ее осуществить тут же, на месте: хлоп-шлеп — и готово! Вот они и разыграли эту сценку. А в середине представления… ну, в середине является какой-то неизвестный и убивает Маркуса. Если я правильно их понял, *все они видели убийцу, следили за каждым его движением.* И в то же время все они говорят разное и не могут прийти к согласию ни по одному пункту.

Доктор Джо замолчал. Его голос превратился в хриплый крик, лицо пылало, глаза были такие, что Эллиоту на миг показалось, что он не выдержит и расплачется. Зрелище было бы карикатурное, если бы не было ясно, что бедняга абсолютно искренен.

— А как выглядел убийца? — спросил майор Кроу. — Разве они не могли дать его описание?

— Нет. Он был весь закутан, настоящий человек-невидимка.

— Как это?

— Ну, это же известно. Длинный плащ, под-

нятый воротник, шарф, закрывавший голову и лицо. Темные очки, шляпа, надвинутая на самые глаза. Вид довольно страшный, по их словам, однако они считали, что так полагается по спектаклю. Господи, какой ужас! Это чудовище входит в комнату…

— Однако…

— Простите меня, сэр, — вмешался инспектор Эллиот. Ему хотелось выстроить все факты в соответствующем порядке, поскольку он начинал понимать, что это дело — весьма крепкий орешек. — Вы говорите, что «они» это видели. Кто это — «они»?

— Профессор Ингрем, Марджори и этот молодой, Джордж, как его там дальше…

— Больше никого не было?

— Никого. Мне, по крайней мере, неизвестно, был ли кто-нибудь еще. Маркус хотел, чтобы я тоже присутствовал. Но как я уже говорил, у меня были вечерние визиты. Маркус сказал, что он собирается начать довольно поздно и подождет меня, если я обещаю прийти не позже полуночи. Я, естественно, не мог ничего обещать. Сказал, что постараюсь, но, если не приду до без четверти двенадцать, пусть начинает без меня.

Доктор Джо раза два высморкался и успокоил-

ся, пришел в себя. Он сел, вытянул свои огромные руки, похожие на медвежьи лапы, и уронил их на колени.

— В котором часу началось представление? — продолжал Эллиот.

— Точно в двенадцать часов, как они говорят. Это единственный пункт, черт возьми, по которому у них нет разногласий.

— Теперь о настоящем убийце, доктор. Вы можете нам что-нибудь сказать на основании своих собственных сведений?

— Нет! В двенадцать часов я только-только выходил от пациентки на другом конце города. Трудный случай — роды. Я думал, что сумею сюда доехать, чтобы поспеть к началу. Но не успел. Приехал примерно в десять минут первого, только для того, чтобы убедиться, что бедняге уже ничем не поможешь, — ни я, ни кто-нибудь другой ничего не смог бы сделать.

Тут, по-видимому, какая-то новая мысль засветилась в его мозгу. Он поднял покрасневшие глаза.

— Но я вам скажу кое-что другое, — продолжал он угрожающим голосом. — Во всем этом деле есть одна хорошая сторона, одно преимущество. Уж я-то им воспользуюсь! Я суну его им в глотку,

будьте уверены!

Послушайте, инспектор. Вы говорите, что приехали сюда по делу об отравленных конфетах в лавке миссис Терри, поэтому вы, вероятно, догадываетесь, что именно я хочу сказать, но я все равно скажу. Вот уже больше трех месяцев, почти что четыре, люди в городе твердят, что моя племянница — убийца. Они утверждают, что она отравляет людей, чтобы посмотреть, как они корчатся в предсмертных муках. Мне они этого не говорят. Пусть бы попробовали! Но ведь утверждают же! А теперь я заставлю их заткнуться! Ведь ясно одно: кто бы ни убил моего брата, это не Марджори. Значит, она не может быть отравительницей. Даже если Маркусу пришлось поплатиться жизнью, для того чтобы это доказать, дело того стоит. Вы слышите меня? Стоит!

Он вскочил с несколько виноватым видом и опустил кулак. Дверь в противоположном конце комнаты, ведущая, по всей видимости, в коридор, отворилась, и в комнату вошла Марджори Уиллс.

В музыкальной комнате была хрустальная люстра, и все электрические свечки в ней горели. Войдя в комнату, Марджори прищурилась от слишком яркого света. Она быстро, неслышно

прошла в своих черных туфельках по ковру и положила руку на плечо доктора Джо.

— Пожалуйста, пойдемте наверх, — взволнованным голосом попросила она, — мне не нравится, как дышит Уилбер.

Потом она огляделась и испуганно вздрогнула, увидев всех остальных. Поначалу ее серые глаза ничего не выражали; только когда она увидела Эллиота, они задержались, сощурившись, на его лице. В них было настойчивое желание сосредоточиться, вспомнить, но оно исчезло, когда она взяла себя в руки.

Она сказала:

— Мы с вами… мы когда-нибудь раньше встречались?

# Глава четвертая
# Черные очки

И тут Эллиот сделал еще одну ошибку. По причине, известной ему одному, он ответил резко — даже не просто ответил, а рявкнул, — так что главный констебль обернулся к нему с удивлением.

— Мне кажется, что нет, мисс Уиллс, — сказал он. — Не хотите ли присесть?

Она по-прежнему смотрела на него, словно пытаясь что-то сообразить; а уж как оживились его собственные воспоминания, не стоило и говорить. Никогда в жизни не встречал он человека, чье присутствие ощущалось бы с такой невероятной силой, это было похоже на физическое прикосновение. Он, казалось, знал, что она будет делать, как повернет голову, как поднимет руку, как поднесет ее ко лбу.

— Напрасно ты так волнуешься, Марджори, — сказал доктор Джо, погладив ее по руке. — Этот человек — инспектор из Скотленд-Ярда. Он…

— Скотленд-Ярд! — сказала девушка. — Неужели дело так плохо?

И вдруг рассмеялась.

Потом сразу же перестала, причем эта веселая вспышка так и не коснулась ее глаз. Эллиот не забыл ни одной самой мелкой подробности: он помнил и блестящие темно-каштановые волосы, заправленные за уши, так что локоны вились на шее; широкий лоб, дуги бровей, задумчивые серые глаза; губы, которые, казалось, всегда находились в покое. Он видел теперь, что она не красавица, однако для него это не имело никакого значения, он этого не замечал.

— Прошу прощения, — сказала она, очнувшись и отводя от него недоуменный взгляд. — Боюсь, что я вас не слышала. Что вы сказали?

— Пожалуйста, присядьте, мисс Уиллс. Если вы в состоянии, мы бы хотели услышать, что вы можете нам рассказать об обстоятельствах смерти вашего дядюшки.

Она бросила быстрый взгляд на двери, ведущие в темную комнату. Потом постояла с минуту, глядя в пол, сжала несколько раз руки и откинула голову, обретя хотя бы внешнее спокойствие. Однако чувство юмора и разум, которые он ей приписывал, не выдержали, очевидно, четырех месяцев нападок и сплетен, которые злые языки распускали у нее за спиной.

— Неужели лампочка перегорела? — спросила она и с силой потерла лоб тыльной стороной ладони. — Вы уже приехали для того, чтобы меня арестовать?

— Нет.

— В таком случае… ну хорошо: о чем вы хотите меня спросить?

— Просто расскажите мне обо всем своими словами, мисс Уиллс. Доктор Чесни, если вы хотите вернуться к своему пациенту…

Трезвая и спокойная шотландская вежливость Эллиота возымела свое действие. Девушка посмотрела на него испытующим взглядом, и ее дыхание стало более спокойным. Взяв стул, который он ей пододвинул, она села и положила ногу на ногу. Она была одета в строгое черное вечернее платье без всяких украшений, на ней не было даже кольца, подарка жениха при помолвке.

— Скажите, инспектор, мы обязательно должны находиться именно здесь? Я имею в виду — в этой комнате?

— Да.

— У моего дяди была теория, — сказала она. — А всякий раз, когда появлялась теория, ему непременно нужно было ее проверить. И вот вам результат.

Она рассказала ему об этой теории.

— Насколько я понимаю, мисс Уиллс, все это началось со спора за обедом?

— Да.

— Кто начал этот спор? Я хочу сказать: кто первым затронул эту тему?

— Дядя Маркус, — ответила девушка, словно удивленная этим вопросом.

— А вы были с ним не согласны?

— Да.

— Почему, мисс Уиллс? По какой причине?

— Ах, да разве это имеет какое-нибудь значение? — воскликнула девушка, слегка раскрыв глаза и делая нетерпеливый жест. Однако, заметив, какой решительный у Эллиота подбородок, она продолжала говорить, волнуясь и не вполне понимая, что к чему. — Почему? Да просто для того, чтобы чем-нибудь заняться. С тех пор как мы вернулись домой, здесь было довольно противно, несмотря на то что был Джордж. А может быть, именно из-за Джорджа. Джордж — мой жених. Я встретила его во время путешествия. А кроме того, дядя Маркус так в себе уверен. К тому же я ему сказала именно то, что думала, то, что считаю верным.

— Это о чем?

— Все мужчины ненаблюдательны, — спокойно говорила Марджори. — Поэтому вы такие никудышные свидетели. Вы ни на что не обращаете внимания. Вы слишком заняты своими делами, смотрите внутрь себя, все ваше внимание сосредоточено на ваших заботах, на работе. Поэтому вы ничего не замечаете. Хотите, я это докажу? Вы постоянно шутите, что мы, женщины, всегда замечаем, что надето на другой женщине, до самой последней детали — пояс там или браслет. И что же, вы думаете, мы не замечаем, что надето на мужчине? И не можем это описать? Дело тут не в том, что мы следим друг за другом, дело в простой наблюдательности. А вы когда-нибудь замечаете, что надето на других? На каком-нибудь мужчине, например? Нет. Если у него костюм не совсем уж неприличный, вы и внимания не обратите. Вы замечаете детали? Какие у человека туфли, какие руки?

Она помолчала, взглянув через плечо на закрытые двери.

— Я все это говорю, потому что я клятвенно уверяла дядю Маркуса, что ни одна умная женщина никогда не ошибется по поводу того, что она видела. Я говорила, что, если он устроит свой спектакль, я не сделаю ни одной ошибки. И я

была права.

Марджори наклонилась вперед, отчаянно пытаясь все объяснить.

— Вы понимаете, — продолжала она, — кто-то вошел в…

— Одну минуточку, мисс Уиллс. Кто еще был не согласен с утверждением вашего дядюшки?

— Дядя Джо, просто из принципа. И профессор Ингрем тоже очень возражал. Он, вы знаете, профессор психологии. Он сказал, что, вообще-то, утверждение верное, но что он никогда ошибки не сделает. Он сказал, что специально развивал в себе наблюдательность и знает все ловушки и фокусы. Он предложил дяде Маркусу пари в пятьдесят фунтов.

Она взглянула в ту сторону, где стояло кресло доктора Джо, но его там уже не было — великое достижение: он удалился, никем не замеченный. Комиссар вернулся в комнату, а майор Кроу стоял у рояля, опершись о него локтями.

— А ваш… жених?

— Джордж? О, он тоже был не согласен. Но он настаивал на том, чтобы ему разрешили заснять все представление на пленку — у него есть небольшой киноаппарат — так, чтобы потом не было никаких споров.

Эллиот выпрямился:

— Вы хотите сказать, что у вас есть пленка, на которой заснято все, что здесь произошло?

— Да, конечно. Для этого и понадобился юпитер.

— Понятно, — сказал Эллиот с глубоким вздохом облегчения. — Итак, кто должен был присутствовать при этом представлении?

— Только профессор Ингрем, Джордж и я. Дядя Джо был занят: у него были вечерние визиты.

— А как же этот другой человек, которого оглушили и чуть было не убили? Этот мистер Эммет? Разве он там не был?

— Нет-нет. Он должен был ассистировать дяде Маркусу, понимаете? Быть вторым актером в спектакле. Вот как все это произошло, хотя мы узнали об этом только позднее, — объяснила она. — После обеда дядя Маркус и Уилбер Эммет уединились и стали совещаться по поводу спектакля, который они собирались для нас разыграть, совсем как когда придумывают шарады. В качестве сцены должен был служить кабинет дяди Маркуса, вон тот, а мы должны были сидеть здесь и смотреть. Уилбер должен был войти в комнату, одетый в какие-то немыслимые одеяния — чем замысловатее, тем лучше, — и

мы потом должны были все это описать. Вместе с дядей Маркусом они должны были разыграть какую-то дурацкую сценку, которую мы тоже должны были описать со всевозможной точностью, без ошибок. Дядя Маркус приготовил для нас список вопросов. И вот, около полуночи дядя Маркус позвал нас всех сюда и сказал, что надо делать…

— Одну минутку, пожалуйста, — перебил ее Эллиот. — Вы говорите — «около полуночи»; не слишком ли поздно для такой забавы?

В ее глазах мелькнуло выражение, которое можно было бы определить как раздражение и неуверенность.

— Конечно, вы совершенно правы. Профессор Ингрем был недоволен, ему хотелось уйти домой. Понимаете, обед у нас кончился в четверть десятого. Мы с Джорджем сидели в библиотеке, играли в бесконечные партии в джин-рамми и не понимали, что же происходит. Но дядя Маркус требовал, чтобы мы сидели и ждали.

— Он что-нибудь объяснил?

— Он сказал, что ожидает возвращения дяди Джо, так чтобы и он мог к нам присоединиться. Однако к без четверти двенадцать он не появился, и мы решили начинать.

— Еще одно, мисс Уиллс. В то время вы еще не знали, что мистер Эммет будет участвовать… что он будет помогать вашему дяде в качестве актера в спектакле?

— О, конечно нет. После обеда мы Уилбера вообще не видели. Знали только, что они с дядей Маркусом заперлись в этих двух комнатах и что-то готовят.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Ну вот, дядя Маркус позвал нас всех сюда, — говорила она, — и сказал, что мы должны делать. Шторы на окнах были задернуты, а эти двери закрыты, так что кабинета мы не видели. Стоя здесь, в этой комнате, он прочел нам небольшую лекцию.

— Не могли бы вы припомнить точно, что он говорил?

Она кивнула:

— Мне кажется, могу. Он сказал: «Прежде всего, во время представления вы должны сидеть в абсолютной темноте». Джордж возразил, спрашивая, как же в таких условиях можно снимать фильм. Маркус объяснил ему, что он взял у меня лампочку для юпитера, ту самую, которую я купила днем по его просьбе, и ввинтил ее в лампу в кабинете, установив ее так, что она будет освещать как раз

место действия. У нас таким образом будут все условия для того, чтобы сосредоточить на нем свое внимание.

В этот момент Эллиот почувствовал, что на него катится волна неуверенности, столь же ясно ощутимая, как если бы это был запах ее духов.

— И все-таки мне казалось, что в этом был какой-то подвох, — добавила она.

— Почему?

— Да стоило только посмотреть на дядю Маркуса! — воскликнула она. — Ведь когда живешь рядом с человеком всю свою жизнь, как я… А кроме того, я сужу по тому, что он сказал; а сказал он вот что: «Второе: вы не должны ничего говорить, не должны вмешиваться, что бы ни случилось. Это ясно?» И наконец, прежде чем уйти в другую комнату, он сказал: «Будьте внимательны. Здесь могут быть ловушки». С этими словами он прошел в свой кабинет и закрыл двери. Я выключила свет, и через несколько секунд представление началось. Оно началось с того, что дядя Маркус распахнул дверь настежь. Мне стало беспокойно и тревожно, сама не знаю почему.

Он был один. Кабинет был виден почти весь. После того как дядя Маркус открыл двери, он медленно прошел на середину комнаты, к своему

столу, и сел в стоящее за ним кресло, так что оказался лицом к нам. Юпитер был ввинчен в лампу с бронзовым абажуром, которая стояла на передней части стола, несколько вправо, так что освещала все пространство, не загораживая от нас дядю Маркуса. Стена позади него была залита ослепительным светом, на ней резко выделялась тень от его фигуры. Был виден белый циферблат часов на камине за его спиной, сверкающий маятник, который раскачивался взад и вперед, отсчитывая секунды. Часы показывали полночь.

Дядя Маркус сидел лицом к нам. На столе лежала коробка конфет, кроме того, карандаш и ручка. Он взял сначала карандаш, а потом ручку и сделал вид, что пишет ими по очереди. Потом обернулся. Одна из стеклянных дверей, ведущих на лужайку, отворилась, и в кабинете появилось какое-то страшное существо в цилиндре и темных очках.

Марджори замолчала, ей было трудно даже откашляться. Однако она продолжала рассказывать:

— В нем было около шести футов роста, не считая цилиндра с измятыми полями. Одет он был в длинный грязный дождевик, воротник был поднят. Лицо было закутано чем-то коричневым,

а поверх этого — черные очки. На руках были надеты какие-то блестящие перчатки, он нес нечто вроде саквояжа. Мы, конечно, не знали, кто это такой; однако мне сразу не понравился его вид. Он был похож скорее на насекомое, чем на человека. Высокий такой, тощий и в огромных черных очках. Джордж крутил аппарат, громко сказав: «Чш-ш-ш! Тихо! Человек-невидимка!» А тот повернулся и посмотрел в нашу сторону.

Он поставил этот свой саквояж на стол, постоял так спиной к нам и потом двинулся к другому концу стола. Дядя Маркус ему что-то сказал, но он за все время не произнес ни слова: говорил только дядя Маркус. В комнате была полная тишина, никаких звуков, кроме тиканья часов и стрекотанья аппарата, который крутил Джордж. Дядя Маркус, по-моему, сказал: «Итак, вы снова сделали то, что проделали раньше. Что будете делать дальше?» В это время (как я и говорила) страшный человек находился возле правого края стола. Действуя с необычайной быстротой, он достал маленькую коробочку из кармана своего плаща и вытряхнул оттуда толстую зеленую капсулу, похожую на те, в которых нам давали касторку, когда мы были детьми. Потом так же быстро нагнулся, запрокинул дяде Маркусу голо-

ву и всунул капсулу ему в глотку.

Марджори Уиллс замолчала.

Голос ее дрожал; она подняла руку к своему собственному горлу, кашлянула раз или два. Ей было трудно оторвать глаза от этой двери (теперь она была темной), и девушка в конце концов развернула свое кресло так, чтобы сидеть к ней лицом. Эллиот сделал то же самое.

— Что же дальше? — спросил он.

— Я ничего не могла с собой поделать, — продолжала она. — Я вскрикнула или вскочила на ноги — словом, что-то такое сделала. Я не должна была бы так реагировать, ведь дядя Маркус предупредил нас: мы не должны удивляться, что бы ни произошло, что бы мы ни увидели. Кроме того, во всем этом не было, по-видимому, ничего необычного; дядя Маркус проглотил капсулу, хотя ему это как будто бы не очень понравилось, потому что он поднял голову и бросил свирепый взгляд на закутанное лицо.

Как только это было проделано, существо в цилиндре забрало свой саквояж, сделало какое-то странное движение, словно от чего-то уворачиваясь, и вышло через стеклянную дверь. Дядя Маркус посидел за столом еще несколько секунд, несколько раз сглотнул слюну и передвинул

коробку с конфетами на другое место. Затем внезапно упал лицом на стол.

Нет-нет! — воскликнула Марджори, заметив, что присутствующие зашевелились. — Это он только сделал вид, это означало конец представления. Потому что сразу после этого дядя Маркус встал, улыбаясь, подошел к дверям в нашу комнату и закрыл их. Это означало, что занавес закрылся.

Мы зажгли в комнате свет. Профессор Ингрем постучал в дверь и предложил дяде Маркусу выйти к нам и раскланяться. Дядя Маркус открыл двери. Вид у него был просто сияющий, он был страшно доволен собой и в то же время как будто бы досадовал на что-то. В кармашке смокинга у него торчала сложенная бумажка, и он дотронулся до нее пальцем. Он сказал: «Итак, друзья мои, возьмите бумагу и карандаши и приготовьтесь ответить на некоторые вопросы». Профессор Ингрем сказал: «Между прочим, кто этот жуткий тип, ваш партнер?» Дядя Маркус ответил: «О, просто Уилбер. Он помог мне придумать это представление». А потом крикнул: «Ладно, Уилбер, теперь вы можете войти».

Однако ответа не последовало. Дядя Маркус крикнул снова — и опять никакого ответа. На-

конец он рассердился и подошел к стеклянной двери. Одна из этих дверей — вы видите? — была оставлена открытой, потому что ночь была очень теплая. Обе комнаты были освещены, и нам была хорошо видна лужайка между домом и деревьями. Все атрибуты этого ужасного оборотня валялись на земле: цилиндр, черные очки, саквояж с именем доктора, написанным на нем, но Уилбера мы сначала не заметили.

Мы нашли его в тени одного из деревьев по другую сторону от лужайки. Он лежал лицом вниз и был без сознания. Изо рта и из носа на траву стекали струйки крови, затылок был мягкий на ощупь. Возле него лежала кочерга, которой его ударили. Он находился без сознания уже довольно долгое время.

Губы у нее кривились помимо воли, когда она объяснила:

— Вы понимаете, этот человек в цилиндре и очках — это был совсем не Уилбер.

# Глава пятая
# Временно исполняющий обязанности

— Не Уилбер? — повторил Эллиот.

Он хорошо понял, что она имеет в виду. Эта непонятная фигура в старомодном цилиндре словно зашевелилась, начала двигаться в его воображении.

— Я ведь еще не кончила, — сказала Марджори с тихим отчаянием. — Я не рассказала, как все было с дядей Маркусом. Это началось сразу после того, как мы нашли Уилбера, лежащего под деревом. Я не знаю, сколько нужно времени для того, чтобы появились первые симптомы. Но когда мы поднимали Уилбера с земли, я обернулась и увидела, что дяде Маркусу нехорошо.

Честное слово, я вдруг почувствовала, что мне самой дурно. Понимаю, это похоже на интуицию, внутреннее озарение, но что тут поделаешь? В ту самую минуту я все поняла. Он стоял, прислонившись к дереву, согнувшись чуть ли не пополам, и пытался вздохнуть. Он стоял спиной к свету, идущему из комнат, так что я не могла его как

следует разглядеть, но с одной стороны лицо его оказалось на свету, и я обратила внимание на кожу: она была шероховатая, свинцового оттенка. Я сказала: «Что с вами, дядя Маркус? Вам нехорошо?» Я, наверное, не просто сказала, а закричала. В ответ он только отчаянно замотал головой и сделал такой жест, как будто пытался меня оттолкнуть. Потом стал топать ногой; дыхание вырывалось из его груди со звуком, напоминавшим то ли стон, то ли вой. Я подбежала к нему вместе с профессором Ингремом. Но он стукнул профессора по руке и…

Она не могла продолжать. Она ударила себя по щеке. Закрыла глаза. Ударила еще раз.

Майор Кроу подошел к ней.

— Ну-ну, успокойтесь, — грубовато сказал он.

Комиссар Бостуик не произнес ни слова; он сидел, спокойно сложив руки, и смотрел на нее с любопытством.

— Он начал *бегать*, — продолжала она, глядя вокруг блуждающим взором. — Этого я до конца своей жизни не забуду: он начал бегать. Взад-вперед, взад-вперед, всего несколько шагов — он не мог выносить эту боль. Джордж вместе с профессором пытались схватить его и удержать, но он вырвался и побежал в дом, к себе в кабинет.

Около стола он упал. Мы подняли его и посадили в кресло, за все время он не произнес ни слова. Я побежала к телефону и позвонила дяде Джо. Я знала, где его искать: миссис Эмсворт вот-вот должна была родить. Дядя Джо вошел в дом, пока я еще звонила по телефону, однако было уже поздно. К тому времени вся комната наполнилась запахом горького миндаля. Я все еще думала, что есть какая-то надежда, но Джордж сказал: «Пойдемте отсюда. Бедняга скончался. Я знаю, что это за яд». И он был прав, это был действительно тот самый яд.

— Вот не повезло, — проворчал майор Кроу. Это было не вполне уместное замечание, но оно было искренним.

Комиссар Бостуик по-прежнему хранил молчание.

— Мисс Уиллс, — сказал Эллиот, — мне очень неприятно, что приходится вас расспрашивать в такой момент…

— Ничего, мне уже лучше. Вполне могу говорить.

— Вы считаете, что вашему дяде дали яд в этой зеленой капсуле?

— Конечно. Он ничего не мог сказать, поскольку у него был поражен дыхательный нерв, однако

он пытался указать на горло.

— А не мог он еще что-нибудь проглотить за это время?

— Нет.

— Не могли бы вы мне подробнее описать, как выглядела эта капсула?

— Я уже говорила, она была похожа на капсулу с касторкой, какие нам давали, когда мы были детьми. Размером она напоминает виноградину и сделана из толстого желатина. Кажется, ее невозможно проглотить, но на самом деле она глотается довольно легко. В наших краях ими пользуются очень часто.

Она вдруг замолчала и бросила на него быстрый взгляд. Лицо ее залила краска.

Эллиот сделал вид, что ничего не заметил.

— Так… Теперь вернемся к тому, что там произошло. Вы считаете, что перед самым представлением кто-то ударил мистера Эммета по голове…

— Да, я так считаю.

— Затем этот кто-то облачился в это нелепое одеяние, закутав лицо, так что даже мистер Маркус Чесни не мог его узнать. И затем этот кто-то исполнил роль мистера Эммета в представлении. Однако безобидную капсулу, которую должен

был проглотить мистер Чесни по ходу пьесы, он заменил отравленной.

— Ах, я не знаю! Да, наверное, так и было.

— Благодарю вас, мисс Уиллс. Пока не буду вас больше беспокоить. — Эллиот поднялся на ноги. — А где сейчас профессор Ингрем и мистер Хардинг, вы не знаете?

— Наверху, у Уилбера. По крайней мере, они там были.

— Попросите их, пожалуйста, сойти вниз, хорошо? Да, еще одно.

Марджори уже встала, но все еще медлила, не торопясь, по-видимому, уходить. Она удивленно посмотрела на инспектора.

— Вы мне еще понадобитесь для того, чтобы дать подробные показания о том, что вы видели и слышали во время этого представления, — продолжал Эллиот. — А сейчас давайте уточним одну маленькую деталь: вы описали костюм этого человека — плащ, цилиндр и так далее. А что у него было на ногах? Какие на нем были брюки и туфли?

У нее на лице появилось напряженное выражение.

— На ногах?..

— Да. Вы недавно говорили, — продолжал

Эллиот, чувствуя, что у него слегка звенит в ушах, — что всегда обращаете внимание на туфли. Так что было на ногах у этого человека?

— Лампа стояла на столе, — заговорила Марджори, немного подумав, — так что внизу было довольно темно. Однако мне кажется, что я могу вам сказать. Да, я в этом уверена. — Удивленные искорки в ее глазах стали еще более заметными. — На нем были обычные фрачные брюки, черные, с блестящей продольной полоской, и… черные лакированные туфли.

— А остальные мужчины сегодня тоже были во фраках, мисс Уиллс?

— Да. Все, кроме дяди Джо. Ему нужно было ехать по визитам, и он говорил, что фрак производит на пациентов скверное впечатление. Они считают, что, если доктор одет таким образом, он думает не о деле. Но неужели вы считаете…

Эллиот улыбнулся, хотя чувствовал, что его улыбка — сплошное лицемерие.

— Как вы думаете, многие люди в ваших краях обычно переодеваются к обеду?

— Никто. Я, по крайней мере, таких не знаю, — сказала Марджори. Было заметно, что ее охватывает смятение. — Мы, как правило, и сами не переодеваемся. Но сегодня дядя Маркус почему-

то попросил нас переодеться к обеду, я не знаю зачем.

— В первый раз?

— По крайней мере, в первый раз с тех давних пор, когда у нас собиралось много гостей. Профессора Ингрема нельзя считать гостем, а Джорджа — тем более.

— Благодарю вас, мисс Уиллс. Если у майора Кроу или комиссара Бостуика нет к вам никаких вопросов…

Оба полицейских отрицательно покачали головой, хотя вид у Бостуика был достаточно угрожающий. Марджори немного задержалась, испытующе глядя на Эллиота, потом вышла, закрыв за собой дверь подчеркнуто осторожно, хотя ему показалось, что он видел, как она дрожит. В ярко освещенной комнате наступило молчание.

— Хм… — хмыкнул майор Кроу. — Вы знаете, — продолжал он, устремив свои маленькие глазки на Эллиота, — не нравятся мне показания этой девицы.

— Я с вами совершенно согласен, мне они тоже не нравятся, — заявил Бостуик, неторопливо складывая руки на животе.

— На поверхности все как будто бы достаточно

ясно, — ворчливо продолжал Кроу, бормоча себе под нос. — Кто-то подслушал Чесни и Уилбера Эммета и подсмотрел за ними, когда они готовили свое представление, и догадался, что они собираются делать. Этот человек оглушил Эммета, занял его место в инсценировке и заменил безвредную капсулу отравленной. Желатин растворяется не сразу, на это требуется одна-две минуты, поэтому Чесни ничего не заметил, глотая капсулу, то есть он не закричал сразу же, что его отравили, не пытался остановить убийцу. И убийца успел исчезнуть, сбросив свой маскарадный костюм. Когда желатин растворяется, яд делает свое дело в течение нескольких минут. Все совершенно ясно. Да, на поверхности. Но…

— Да-да, — внес свою лепту Бостуик, когда шеф местной полиции запнулся на последнем слове. — Зачем понадобилось пробивать голову Эммету? Зачем, сэр?

Эллиот вдруг заметил, что от этой грузной фигуры исходит значительно более сильная эманация мысли, чем он мог предполагать. Бостуик был его начальник, старший по команде, и тем не менее он этого не ожидал. До этого комиссар сидел в углу, раскачиваясь взад и вперед и ударяясь спиной о стену через равные промежутки

времени; теперь же он прямо и открыто смотрел Эллиоту в глаза с явным недоверием к тому, что тот говорил. Будто вдруг вместо тусклой лампочки включился прожектор.

— Совершенно верно, инспектор, — согласился с ним майор Кроу. — Правильно сказал Бостуик: зачем нужно было сбивать с ног Эммета? Почему бы не сделать так, чтобы *Эммет* дал Чесни проглотить отравленную капсулу, не меняя хода дела? Если убийца знал, что они собираются делать, ему достаточно было просто подменить капсулу. Зачем было рисковать? Проламывать Эммету череп, переодеваться, рискуя, что тебя каждую минуту могут узнать, входить в комнату на виду у всех? Зачем нужно было подвергать себя такому чудовищному риску, когда достаточно было просто заменить капсулу и предоставить всю черную работу другому?

— Мне кажется, — задумчиво проговорил Эллиот, — что в этом-то и состояла вся суть преступления.

— Вся суть преступления?

— Да, сэр. Когда готовилось и репетировалось это представление, совсем не предполагалось, что Чесни *проглотит* эту капсулу.

— Хм… — произнес майор Кроу после неболь-

шой паузы.

— Он собирался только сделать вид, что глотает. Понимаете, все это действо строилось как серия ловушек для зрителей. С вами, наверное, проделывали подобные опыты на уроках психологии в колледже?

— Ничего такого у нас не было, — сказал майор Кроу.

— И у нас тоже не было, — проворчал комиссар Бостуик.

В душе Эллиота всколыхнулось все его природное упрямство. И не столько оттого, что именно говорилось, сколько оттого, что в комнате возникла атмосфера враждебности. Он вдруг испугался, а не получается ли так, что он хвастает, а потом решил: пусть думают, что хотят, ему это решительно безразлично, хотя уши у него горели.

— Преподаватель, — продолжал он говорить, — берет пузырек с какой-то жидкостью, пробует ее на язык, морщится и сообщает, что у этой жидкости горький вкус. Затем передает пузырек вам. В нем чистая вода. Но если вы недостаточно сосредоточены, вы будете уверять, что жидкость горькая, потому что вам это внушили. Или она действительно горькая, а он только сделал вид, что ее попробовал, и предлагает вам сделать то

же самое, и вы, если были недостаточно внимательны, как следует хлебнете горькую жидкость.

По всей вероятности, нечто похожее произошло и здесь. Мистер Чесни предупредил всех, что во время представления будут разные ловушки и надо стараться в них не попасть. Помните, мисс Уиллс говорила, что он удивился и рассердился, когда капсулу сунули ему в рот. Вероятно, предполагалось, что Эммет только сделает вид, что дает ему лекарство, а он притворится, что его глотает. А настоящий убийца на самом деле заставил его проглотить, затолкнув его ему в рот, вот и все. Чтобы не нарушать хода действия, Чесни не стал протестовать. — Эллиот покачал головой. — И я буду очень удивлен, если в списке вопросов, который он подготовил, не окажется такого, например: «Сколько времени понадобилось для того, чтобы проглотить капсулу?» — или чего-нибудь в этом роде.

На майора Кроу это произвело впечатление.

— Черт возьми, звучит вполне убедительно, — проговорил он голосом, в котором слышалось некоторое облегчение. — Но послушайте, инспектор, даже если… подумать только… Боже мой, ведь это значит, что мы имеем дело с психически ненормальным человеком.

— Похоже, что это так, сэр.

— Давайте посмотрим в лицо фактам, — сказал майор Кроу. — Маньяк он, лунатик или еще кто-нибудь — называйте его как хотите, — но он человек из этого дома.

— А-а… вот в чем дело, — пробормотал Бостуик. — Продолжайте, продолжайте.

— Прежде всего, — говорил шеф местной полиции кротким голосом, — откуда мог посторонний человек узнать, что в этот вечер должен состояться тест, проверка наблюдательности? Они и сами узнали об этом только за обедом; столь же маловероятно предполагать, что посторонний человек так кстати оказался в нужный момент под окнами и мог подслушать, что придумали Чесни и Эммет. Еще менее вероятно, что в этот вечер там оказался незнакомый человек при полном параде, во фрачных брюках и лакированных туфлях, именно тогда, когда они решили переодеться к обеду. Признаю, что ни один из этих доводов не является решающим, все это только предположения. Но… вы понимаете, в чем заключается трудность?

— Понимаю, — мрачно отозвался Эллиот.

— Если это сделал кто-нибудь, принадлежащий к этому дому, кто это мог быть? Джо Чесни

отсутствовал, он находился у пациентки и вышел от нее уже после полуночи, следовательно, его можно исключить. Уилбера Эммета чуть не прикончил тот же самый убийца. В доме больше никого не было, только горничные и кухарка, которых, естественно, нельзя принимать в расчет. Единственная оставшаяся возможность — да, я знаю, это звучит фантастически невероятно, — но тем не менее остается единственная возможность. Она заключается в том, что убийцей был один из трех человек, которые, как считалось, смотрели на представление в этой комнате. Это означает, что он, этот человек, выскользнул из комнаты в темноте, оглушил несчастного Эммета, надел его маскарадный костюм, дал Чесни отравленную пилюлю и незаметно вернулся на место, прежде чем зажегся свет.

— Согласен с вами, сэр, это маловероятно, — сухо подтвердил Эллиот.

— Но ведь никаких других улик у нас нет, верно?

Эллиот не ответил.

Ему было ясно, что сейчас пока еще рано строить какие-либо версии. Пока не будет проведено вскрытие, нельзя даже с определенностью сказать, отчего умер Чесни, хотя можно было

предположить, что причина — один из цианидов из группы синильных кислот. Однако он понял, что имел в виду шеф местной полиции, говоря о единственной возможности.

Он оглядел музыкальную комнату. Она была обшита серыми панелями, кое-где с позолотой, размером приблизительно в пятьдесят квадратных футов. Стеклянные двери на лужайку были закрыты плотными бархатными портьерами темно-серого цвета. Что касается мебели, то там были только рояль, радиола, высокий шкафчик стиля буль около двери в коридор, четыре небольших кресла, обитые парчой, и две скамеечки под ноги. Центр, таким образом, был относительно свободен; и если постараться не задеть рояль, стоящий у двери на лужайку, спокойно можно пересечь комнату в темноте, ни за что не задев. А ковер был такой плотный и толстый, как они это видели, что двигаться можно было совершенно бесшумно.

— Хорошо, — сказал шеф местной полиции. — Давайте попробуем.

Выключатель находился позади шкафчика буль, около двери, ведущей в коридор; Эллиот повернул его, и комната погрузилась во тьму, словно на нее надели шапку-невидимку. Свет до

этого был такой яркий, что у Эллиота еще некоторое время плыли перед глазами, постепенно съеживаясь, очертания свечей в люстре. Даже при открытых портьерах невозможно было ничего различить, так как небо было затянуто тучами. Послышался легкий металлический звук: кто-то задергивал портьеры.

— Вот я машу руками, — послышался из темноты голос майора Кроу. — Вы что-нибудь видите?

— Абсолютно ничего, — ответил Эллиот. — Оставайтесь на месте, я сейчас открою раздвижную дверь.

Он ощупью пересек комнату, обойдя кресло, и нашел эту дверь. Она открылась легко, без малейшего звука. Войдя в кабинет, он миновал несколько футов, пока не нащупал бронзовую лампу. Он повернул выключатель, и мощный поток безжизненного белого света брызнул на противоположную стену. Затем Эллиот вернулся в музыкальную комнату, чтобы посмотреть на нее оттуда.

— Хм, — хмыкнул главный констебль. Единственным живым предметом в этом «кабинете» были часы. Они увидели эти часы — на каминной полке полированного дерева, за спиной мертвого человека, неумолимо и деятельно отмеряющие

время. Это были большие часы из позолоченной бронзы, циферблат их составлял около шести дюймов; бронзовый маятник раскачивался взад и вперед, отбрасывая танцующие блики. Под часами по-прежнему сидел мертвый человек. Стрелки показывали время: без пяти час.

Стол был из красного дерева, на нем лежал коричневый бювар; бронзовая лампа стояла в передней части стола, немного правее центра. Они видели сбоку коробку конфет с голубыми лентами на крышке. Встав на цыпочки, Эллиот мог разглядеть карандаш, лежащий на бюваре, а вот ручки, о которой говорила Марджори, нигде не было видно.

Слева от них можно было разглядеть стеклянную дверь, справа у стены стояло закрытое бюро, а на нем — лампа под зеленым абажуром; также здесь находился очень длинный шкафчик-картотека, выкрашенный под дерево. Больше в комнате ничего не было, если не считать еще одного кресла и груды журналов и каталогов на полу. Все это они видели как бы в просцениуме, сквозь арку дверного проема. Судя по расположению кресел в музыкальной комнате, свидетели находились приблизительно в пятнадцати футах от Маркуса Чесни.

— Я тут ничего особенного не вижу, — нерешительно заметил майор Кроу. — А вы?

Взгляд Эллиота снова задержался на сложенном листке бумаги, который он заметил раньше: тот торчал у Маркуса в кармашке фрака, за носовым платком.

— Посмотрите-ка сюда, сэр, — сказал он. — Судя по тому, что говорила нам мисс Уиллс, это, должно быть, список вопросов, который приготовил мистер Чесни.

— Да, но что из этого следует? — чуть не закричал главный констебль. — Предположим, что он приготовил список вопросов. Какое это имеет значение?..

— Только одно, сэр, — сказал Эллиот, которому тоже хотелось крикнуть в ответ. — Разве вы не видите, что все представление было задумано как серия ловушек для свидетелей? По крайней мере, половина того, что мы видим, вероятнее всего, содержит в себе какие-нибудь подвохи. И убийца этим воспользовался. Трюки ему помогли: служили ему прикрытием, думаю, что и сейчас служат. Если бы мы могли точно установить, что они видели — или им казалось, что они видят, — мы бы, возможно, сумели напасть на след убийцы. Даже самый сумасшедший лунатик

не стал бы совершать убийство так открыто и неосторожно, если бы что-то в планах мистера Чесни не служило бы ему прикрытием, если бы это не обеспечивало ему алиби, не сбивало бы полицию со следа. Господи боже мой, неужели это не ясно?

Майор Кроу посмотрел на него.

— Вы меня извините, инспектор, — проговорил он с подчеркнутой любезностью, — но ваше поведение в течение всего этого вечера кажется мне несколько странным. Кроме того, мне любопытно было бы узнать, откуда вам известна фамилия жениха мисс Уиллс. Я ее не называл.

(О, черт!)

— Прошу прощения, сэр.

— Ничего, пожалуйста, — ответил майор Кроу тем же официальным тоном. — Не имеет значения. Кстати, в том, что касается списка вопросов, я склонен с вами согласиться. Давайте посмотрим, что можно из этого извлечь. Вы правы: если там есть каверзные вопросы или вопросы, указывающие на ловушки, мы их там и обнаружим.

Он вытащил листок из кармашка покойного, развернул его и расправил, положив на бювар. Вот что было написано на этой бумажке аккуратным каллиграфическим почерком:

«1. Была ли на столе коробка? Если была, опишите ее.

2. Какие предметы я взял со стола? В каком порядке?

3. Который был час?

4. Какого роста был человек, вошедший в комнату через стеклянную дверь?

5. Опишите, как он был одет.

6. Что у него было в правой руке? Опишите этот предмет.

7. Опишите его действия. Взял ли он что-нибудь со стола?

8. Что он дал мне проглотить? Сколько мне понадобилось времени, чтобы это проглотить?

9. Сколько времени он находился в комнате?

10. Говорил ли кто-нибудь в этот момент? Если говорил или говорили, то что именно?

На каждый из этих вопросов должен быть дан буквально правильный ответ, иначе он не засчитывается».

— На вид кажется, что все достаточно просто, — пробормотал майор Кроу, — но, конечно, здесь полно ловушек. Обратите внимание на нотабене. И вы, по-видимому, правы относительно того, что на самом деле он ничего не должен был глотать. Обратите внимание на восьмой вопрос.

И все-таки…

Он сложил бумажку и протянул ее Эллиоту, который аккуратно спрятал ее в свою записную книжку. Затем майор Кроу несколько отступил назад, в сторону раздвижной двери, и внимательно посмотрел на часы:

— И все-таки, как я и говорил…

В музыкальную комнату ворвался поток света, когда отворилась дверь в коридор. На пороге стоял человек, его силуэт отчетливо вырисовывался в дверном проеме, в глаза сразу же бросалась блестящая лысина.

— Хелло, — раздался резкий, несколько манерный голос. — Кто вы такие? Что вы здесь делаете?

— Полиция, — ответил майор Кроу. — Все в порядке, входите, Ингрем. Включите, пожалуйста, свет, если вам нетрудно.

Пошарив по стене не с той стороны двери, где нужно, вновь пришедший нашел наконец выключатель позади шкафчика буль и зажег свет. Эллиот сразу же понял, что его первое мимолетное впечатление от профессора Гилберта Ингрема, которое он составил себе во внутреннем дворике в Помпеях, придется слегка пересмотреть.

Круглое лицо, сияющее добродушием, склонность к полноте и слегка подпрыгивающая походка создавали впечатление, что профессор Ингрем — толстенький коротышка. Подкрепляло это впечатление старательно бесхитростное выражение его голубых глаз, курносый нос и два клочка темных волос, торчащие над ушами по обе стороны лысого черепа. У него была манера наклонить голову и смотреть вверх исподлобья, с лукавым, чудаковатым видом, — этот жест как бы отражал его отношение к жизни. Однако этот образ казался сейчас несколько смазанным; во всей его фигуре сквозило нечто похожее на страх. Лицо было покрыто пятнами; манишка, заложенная в крупную складку, вздулась и выпирала из-под жилета, как хорошо поднявшееся тесто из кастрюли; и он потирал пальцы правой руки один о другой, словно стараясь стряхнуть с них мел. И Эллиот увидел, что в действительности это был человек среднего роста и совсем не такой уж толстый.

— Пытаетесь восстановить, как было совершено преступление, а? — спросил он. — Добрый вечер, майор; здравствуйте, комиссар.

Его манеру вести себя отличала некая небрежная любезность, которая распространялась на

всех посредством одной мимолетной улыбки, похожей на то, как кучер одним ударом хлыста погоняет упряжку лошадей. Главное, что увидел Эллиот в этом лице, был проницательный ум, сквозивший за особой бесхитростной усмешкой.

— А это, как я полагаю, — нерешительно добавил он, — человек из Скотленд-Ярда, о котором мне говорил Джо Чесни? Добрый вечер, инспектор.

— Да, — подтвердил майор Кроу. — Послушайте, Ингрем, — продолжал он с некоторым раздражением, — вы ведь понимаете… мм… мы рассчитываем на вас.

— Рассчитываете на меня?

— Ну как же, ведь вы профессор психологии. Вас-то не могут обмануть разные трюки. Вы сами так говорили. Вы можете нам рассказать, что случилось во время этого проклятого представления. Ведь сможете, правда?

Профессор Ингрем бросил быстрый взгляд на присутствующих. Выражение его лица изменилось еще больше.

— Думаю, что смогу, — серьезно ответил он.

— Ну вот и отлично, — изрек майор Кроу, выражая готовность рассмотреть новые данные. — Мисс Уиллс сказала нам, что в этом спектакле

предполагались какие-то фокусы-покусы.

— Правда? Так вы с ней уже говорили?

— Да. И, судя по тому, что мы слышали, все представление было задумано как серия трюков…

— Более того, — проговорил профессор Ингрем, глядя ему прямо в глаза. — Я случайно знаю, что во время представления должны были показать, каким образом в лавке миссис Терри появились отравленные конфеты, — так, что никто не увидел, как убийца это проделал.

# Глава шестая
# Будьте готовы: ловушки!

Для того чтобы скрыть рой новых мыслей, закрутившихся у него в голове, Эллиот прошел в кабинет, прежде чем кто-либо отозвался на слова профессора. Он включил лампу под зеленым абажуром, стоявшую на бюро, и выключил юпитер на столе. По контрасту обычный свет казался слабым, но все равно тело Маркуса Чесни, в последний раз сидящего за столом в своем кресле, было отчетливо видно.

Так что же? За два дня до своей смерти, судя по свидетельству комиссара Бостуика, Маркус Чесни был в полиции и задавал вопросы относительно точных размеров коробки с шоколадными конфетами в лавке миссис Терри. Сейчас на столе тоже лежала коробка дешевых шоколадных конфет. Она фигурировала в представлении. Но каким образом?

Эллиот вернулся в музыкальную комнату, где той же самой проблемой был занят майор Кроу.

— Но каким же образом, — допытывался главный констебль, — мог он объяснить, что кто-то

отравил конфеты у миссис Терри, показав, как этот человек, это пугало (кто уж он там был — неизвестно), засунул зеленую капсулу ему в глотку?

Профессор Ингрем слегка пожал плечами. В его глазах, когда он посмотрел в другую комнату, сохранялось напряженное выражение.

— Это я вряд ли сумею вам сказать, — ответил он, — но если вы хотите знать мое мнение, я догадываюсь, что Чесни придумал эпизод с капсулой как дополнительный, проходящий, просто как часть представления, возможно даже вовсе ненужную часть. Мне кажется, наиболее важным моментом, который предлагался нашему вниманию, был момент, связанный с коробкой конфет, которая лежит сейчас на столе.

— Пожалуй, я больше не буду принимать во всем этом участия, — проговорил шеф местной полиции, немного помолчав. — Работайте дальше вы, инспектор.

Эллиот указал на одно из парчовых кресел, и профессор Ингрем осторожно уселся.

— Итак, сэр, мистер Чесни говорил вам, что действительной целью этого представления было показать, как можно было незаметно отравить конфеты?

— Нет, но он на это намекнул.

— Когда?

— Незадолго до начала представления. Я прижал его к стенке, так и сказал ему: «Признавайтесь!» Эта реплика, специально для вас, звучит совсем как в дешевой комедии. — Профессор Ингрем вздрогнул, невинно-бесхитростное выражение его лица сменилось умным и проницательным. — Вы знаете, инспектор, за обедом я понял, что в желании Чесни непременно показать нам этот спектакль было что-то непонятное. Цель его называлась как будто ненароком, словно для того, чтобы мы подумали, поспорили и наконец разобрались, в чем заключается настоящая задача, настоящая проблема. Но он все время собирался ввести эту настоящую задачу. Это было у него задумано еще до того, как мы сели обедать. Я сразу это понял. А тут еще молодой Эммет, у него все время рот был до ушей, как только он думал, что его никто не видит.

— Ну и что, сэр?

— Что? Вот почему я возражал против того, что представление было назначено на такое позднее время: целых три часа после обеда мы должны были ждать, пока он соизволит начать. Человеческое тщеславие и самолюбие — это святая вещь,

и я готов с ними считаться, но на сей раз это было слишком. Я откровенно заявил: «В чем ваша игра? Я же вижу, что вы прячете что-то в рукаве». И он сказал мне на ушко: «Следите внимательно и тогда, может быть, увидите, каким образом были отравлены конфеты у миссис Терри, но готов поспорить на что угодно, что вы хоть увидите, да не поймете».

— У него была своя теория?

— Очевидно, была.

— Теория, которую он собирался доказать перед всеми вами?

— Очевидно.

— И что, — небрежно спросил Эллиот, — у него были определенные подозрения по поводу того, кто отравитель?

Профессор Ингрем бросил на него быстрый взгляд. В его глазах сквозило явное беспокойство. Можно было бы даже сказать, что у него загнанный вид, насколько это слово вообще применимо, когда речь идет о человеке с таким добрым, сердечным лицом.

— Именно такое впечатление у меня сложилось, — подтвердил он.

— Он вам что-нибудь сказал? Как-нибудь намекнул?

— Нет. Это испортило бы все дело.

— И вы думаете, что преступник убил его, потому что он знал?

— Мне это представляется вполне вероятным. — Профессор Ингрем пошевелился в своем кресле. — Скажите, инспектор, вы умный человек? Вы способны к тому, чтобы понять, разобраться? — На его губах мелькнула улыбка. — Одну минутку, постойте, позвольте мне объяснить, почему я задаю этот вопрос. При всем моем уважении к моему другу Бостуику я никак не могу сказать, что настоящее расследование — по крайней мере, в том виде, как оно велось до сих пор, — делает ему честь.

Лицо майора Кроу приняло мрачное, чопорное выражение.

— Комиссар Бостуик, — медленно проговорил он, — старается исполнить свой долг…

— Господи, да бросьте вы эту чепуху, — беззлобно отозвался профессор Ингрем. — Конечно, он исполняет свой долг. И все мы это делаем, помогай нам Бог. Однако исполнение долга отнюдь не равнозначно выяснению истины; иногда получается совсем наоборот. Я не утверждаю, что полиция состоит в заговоре против Марджори Уиллс, но очень неприятно, что племянница мое-

го друга не может спокойно пройти по Хай-стрит: того и гляди кто-нибудь — даже ребятишки — запустит в нее комком грязи. Что сделано для того, чтобы разобраться в этом деле с отравленными конфетами? Найден ли путь решения этой проблемы? Что это за преступление? *Почему* были отравлены конфеты в лавке миссис Терри?

Он стукнул кулаком по ручке кресла.

— Комиссар Бостуик, — продолжал он, — придерживается утешительной и заманчивой доктрины, что, если человек не в себе, тут ничего не поделаешь. И для того чтобы подкрепить обвинение против Марджори, они ссылаются на сходный случай — хорошенькая параллель, черт возьми! — на Христиану Эдмундс.

Майор Кроу ничего на это не сказал.

— Сходный! Нельзя себе и представить менее похожих случаев, если исходить из самого главного: каковы были мотивы преступления? Христиана Эдмундс была психически ненормальна, если вам угодно, однако у нее было вполне реальное основание для совершения преступления, как у каждого убийцы. Эта молодая особа в тысяча девятьсот семьдесят первом году в Брайтоне отчаянно влюбилась в женатого доктора, который не отвечал ей взаимностью. Сначала

она пыталась, безусловно, отравить стрихнином его жену. Это обнаружилось. Ей отказали от дома, и она в бешенстве удалилась. Для того чтобы доказать, что она невиновна, для того чтобы — как она сама утверждала — доказать, что в городе гуляет отравитель, который не имеет никакого отношения к мисс Христиане Эдмундс, она придумала отравить конфеты в кондитерской лавке, в результате чего погибло множество людей. Очень хорошо, только где же тут параллель? Можно ли сказать что-либо подобное о Марджори? Ради всего святого, где здесь мотив? Все наоборот: ее собственный fiancé[6], когда он приехал в Содбери-Кросс и узнал, что о ней говорят, готов был струсить и бежать из города.

В этот момент лицо профессора Ингрема приобрело такое выражение, которое можно было определить только как ангельски-кровожадное, что еще усиливалось треском его манишки. Он отсмеялся и несколько успокоился.

— Ладно, — сказал он. — Это ведь вы задали вопрос.

— А что, — неожиданно спросил Эллиот, — была ли мисс Уиллс помолвлена с кем-нибудь

---

**[6] Notes: 6**
Жених *(фр.)*.

раньше?

— А почему вы об этом спрашиваете?

— Была или не была, сэр?

Ингрем снова бросил на него загадочный, непроницаемый взгляд:

— Насколько мне известно, нет. Мне кажется, Уилбер Эммет был к ней неравнодушен. Да и сейчас влюблен в нее. Однако его красный нос и — прошу прощения — полное отсутствие привлекательности вряд ли служили бы ему хорошей рекомендацией даже в том случае, если бы к нему благоволил Маркус. Надеюсь, я могу рассчитывать на вашу скромность?

Здесь вмешался майор Кроу.

— Чесни, как мне говорили, — заметил он бесцветным, лишенным всякого выражения тоном, — не поощрял ни одного из поклонников, всех отваживал от дома.

— В какой-то степени это верно, — не сразу отозвался профессор Ингрем. — Эти мартовские коты, как он их называл, нарушали его спокойную жизнь. Нельзя сказать, чтобы он их действительно отваживал, но…

— Я никак не могу понять, — сказал майор Кроу, — почему этот молодой человек, которого Марджори встретила за границей, так легко по-

лучил его одобрение.

— Вы хотите сказать, — прямо спросил его профессор Ингрем, — что ему вдруг захотелось поскорее выдать ее замуж?

— Я совсем не это имел в виду.

— Черта лысого не это! Но во всяком случае, вы не правы. Маркусу понравился молодой Хардинг. У него есть будущее; возможно, помогла и его чрезвычайная почтительность по отношению к Маркусу. Однако позвольте вас спросить, почему мы обсуждаем этот вопрос? Что бы ни было истинно или ложно в этом мире, — при этом манишка профессора Ингрема свирепо хрустнула, — абсолютно ясно одно: Марджори Уиллс не имеет ни малейшего отношения к убийству своего дяди.

Атмосфера в комнате снова переменилась, словно повысилась или понизилась температура. Следующий вопрос задал Эллиот:

— Вы знаете, что думает обо всем этом сама мисс Уиллс?

— А что?

— Она тоже считает, что кто-то ударил по голове мистера Эммета, сыграл предназначенную ему роль в представлении и дал мистеру Чесни отравленную капсулу?

Ингрем посмотрел на него с любопытством:

— Да. Это объяснение представляется наиболее вероятным, разве не так?

— Следовательно, когда мистер Чесни и мистер Эммет обсуждали свои планы в этой комнате после обеда, их кто-то подслушал, верно? Под дверью в коридор или под стеклянными дверьми на лужайку?

— Понятно, — пробормотал профессор.

Минуту или две на губах его бродила легкая улыбка. Он сидел, наклонившись вперед, положив руки на колени и растопырив локти, словно крылья. Его лицо приняло бессмысленное выражение, которое появляется у умного человека, когда он обращается к своим мыслям и быстро и уверенно приводит имеющиеся у него факты в нужную систему. Затем он снова улыбнулся.

— Понятно, — повторил он. — А теперь позвольте мне задать вопрос вместо вас, инспектор! — Он помахал в воздухе рукой, как это делают гипнотизеры. — Вот он, ваш следующий вопрос: «Где находились Марджори и Джордж Хардинг между четвертью десятого и двенадцатью?» Но это еще не все, вы пойдете дальше: «Где вы все находились в то время, когда разыгрывалось представление?» Вот что важно. «Возможно ли,

чтобы один из вас, зрителей, выскользнул в темноте из комнаты и сыграл роль зловещего чудища в цилиндре?» Вы ведь это хотите узнать, правда?

Майор Кроу прищурился.

— Да, — сказал он.

— Это справедливый вопрос, — сказал профессор Ингрем довольным тоном. — И он заслуживает честного ответа, который заключается в следующем: я готов поклясться перед любым судом в мире, что ни один из нас не выходил из комнаты во время представления.

— Хм… Несколько смелое утверждение, не правда ли?

— Нисколько.

— Вы знаете, насколько там было темно?

— Я отлично знаю, насколько было темно. Во-первых, притом что в соседней комнате горел этот юпитер, здесь было совсем не так уж темно. Во-вторых, у меня есть и другие основания это утверждать, что подтвердят мои друзья, которые были там вместе со мною. Собственно, мы можем их спросить.

Он встал со своего кресла и жестом фокусника протянул руку по направлению к двери в коридор, в то время как Марджори и Джордж Хардинг входили в комнату.

Эллиот внимательно смотрел на новоявленного fiancé.

В Помпеях он видел только затылок Хардинга, и полная картина, которая предстала перед ним теперь, не доставила ему никакого удовольствия. Джорджу Хардингу было лет двадцать пять — двадцать шесть, не больше. У него была располагающая, открытая манера себя вести; в нем не было и тени неловкости, и он двигался среди людей так же естественно, как ходит кошка по каминной полке, на которой стоят вазочки и статуэтки. Он был довольно красив, в несколько восточноевропейском стиле: черные курчавые волосы, которые казались жесткими, как проволока, широкое лицо и необычайно выразительные глаза. Именно с такой наружностью было особенно трудно примириться простой душе Эллиота, получившего воспитание в одной из небольших частных школ в Англии. Этот человек был, по-видимому, желанным гостем в любом обществе (и отлично это знал).

Через дверь, ведущую в кабинет, Хардинг увидел тело Маркуса Чесни, и лицо его тут же приняло озабоченно-сочувственное выражение.

— Нельзя ли закрыть эти двери? — спросил он, беря Марджори под руку. — Я хочу сказать: вы

ничего не имеете против?

Марджори высвободила свою руку, к его явному удивлению.

— Все в порядке, ничего страшного, — сказала она, глядя тем не менее прямо в лицо Эллиота.

Эллиот закрыл двери.

— Марджори сказала, что вы хотите меня видеть, — продолжал Хардинг, оглядывая присутствующих с самым дружелюбным видом. Его лицо омрачилось. — Только скажите мне, чем я могу помочь? Что здесь можно сказать? Все это ужасно, отвратительно, это… о, вы понимаете…

(Сейчас мы видим его глазами Эллиота, и совсем необязательно таким, каков он есть на самом деле; и поэтому было бы несправедливо подчеркивать то кислое впечатление, которое произвели на него простые, непосредственные слова Хардинга и такой же простой, естественный жест, их сопровождавший. Майору Кроу и комиссару Бостуику, которым Хардинг нравился, все это показалось вполне искренним.)

Эллиот предложил ему сесть.

— Вы — мистер Хардинг?

— Совершенно верно, — подтвердил тот с таким же выражением, какое бывает у маленького щенка, который хочет угодить. — Марджори

говорит, вы хотите, чтобы все мы рассказали, что здесь произошло, когда… словом, когда бедный старый джентльмен… когда его убили.

— Он хочет гораздо большего, — засмеялся профессор Ингрем. — Он подозревает, что вы, или Марджори, или я…

— Одну минутку, сэр, — резко оборвал его Эллиот. Он повернулся к двум другим. — Сядьте, пожалуйста. — (В комнате возникла некоторая неловкость.) — Да, нам потребуется заявление. Но я хочу задать вам еще несколько вопросов, и ответы на них могут оказаться более важными, чем любое заявление. Вы знаете, что мистер Маркус Чесни приготовил для вас список вопросов, связанных с его спектаклем?

После легкой паузы ответила Марджори:

— Да, конечно. Я сама вам об этом сказала.

— Если вам зададут эти самые вопросы, вы сможете дать на них точные ответы?

— Да, но послушайте, — сказал Хардинг. — Я могу сделать еще лучше, если вы хотите знать, что и как там происходило. Я снял все это на пленку.

— А пленка у вас цветная?

— Цветная? Господи, конечно нет. Самая обычная, черно-белая. Цветная пленка для внутренних съемок да еще при таком свете была бы…

— Тогда боюсь, что в некоторых наших затруднениях фильм нам не поможет, — сказал Эллиот. — А где у вас этот фильм?

— Я сунул его под крышку радиолы, когда началась вся эта суматоха.

Его, казалось, разочаровало то, как Эллиот принял его заявление, словно он почувствовал, что намечается некоторый спад напряжения. Эллиот подошел к радиоле и поднял крышку. Открытый кожаный футляр с аппаратом внутри лежал на покрытом зеленым сукном диске проигрывателя. За спиной Эллиота трое свидетелей неловко уселись в кресла и смотрели на него; он их видел, они отражались в стекле картины, висевшей над радиолой. Кроме того, он заметил в том же самом стекле удивленный, вопросительный взгляд, который майор Кроу бросил в сторону комиссара Бостуика.

— Вот у меня этот список, — объяснил Эллиот, доставая бумажку из записной книжки. — Вопросы сформулированы лучше, чем те, что мог бы придумать я, поскольку они направлены на то, чтобы выяснить наиболее важные моменты…

— Какие моменты? — быстро спросила Марджори.

— Мы здесь находимся именно для того, чтобы

все выяснить. Я буду задавать каждый вопрос всем вам по очереди и попросил бы каждого из вас давать наиболее точные и полные ответы.

Профессор Ингрем приподнял почти незаметные брови:

— А вы не боитесь, инспектор, что мы тут уже состряпали для вас соответствующую историю?

— Я бы не советовал вам это делать, сэр. И я думаю, что вы действительно этого не сделали, потому что доктор Чесни мне говорил, что вы всегда и во всем противоречите друг другу. И если это изменится, я сразу пойму, в чем дело. Итак, можете ли вы оправдать то, чем хвалитесь, и ответить на вопросы с максимальной точностью?

— Да, — ответил профессор Ингрем с загадочной улыбкой.

— Да, — со злостью бросила Марджори.

— Я не уверен, — сказал Хардинг. — Я больше думал о том, чтобы все попало в кадр, было заснято, и поэтому не мог обращать внимание на детали. Но все равно я думаю, что смогу. В нашем деле нужно всегда смотреть во все глаза…

— А чем вы занимаетесь, мистер Хардинг?

— Я занимаюсь химическими исследованиями, — ответил Хардинг с такой твердостью, словно он бросал кому-то вызов. — Но это не важ-

но. Начинайте.

Эллиот закрыл крышку радиолы и положил на нее свою записную книжку. Это было похоже на то, как кондуктор поднимает флажок, давая знак машинисту отправлять поезд, на то, как начинает крутиться колесо, как раздвигается занавес и зажигаются огни рампы.

Эллиот знал, что этот список вопросов содержит все ключи к раскрытию истины — при том, конечно, условии, что у него хватит ума правильно оценить не только значение ответов, но и значение самих вопросов.

— Первый вопрос… — начал он и услышал, как за его спиной скрипнули кресла, оттого что те трое напряглись, приготовившись слушать и отвечать.

# Глава седьмая
# Все свидетели говорят разное

— Вопрос первый: *«Была ли на столе коробка? Если была, опишите ее».* Мисс Уиллс?

Мягкие губы Марджори сжались в соответствии с серьезностью момента. Она не отрываясь смотрела на Эллиота, по глазам было видно, что она сердится.

— Если вы говорите, что это важно, я вам отвечу, — сказала она. — Но все это выглядит довольно мерзко, вы не находите? Сидим здесь и задаем разные вопросы, словно в игрушки играем, а он… — Она посмотрела на закрытую дверь и снова отвернулась.

— Это важно, мисс Уиллс. *«Была ли на столе коробка? Если была, опишите ее».*

— Конечно, на столе лежала коробка. Она находилась справа от дяди Маркуса, ближе к переднему краю. Двухфунтовая коробка, «Шоколадная карамель» от Генри. Мне не было видно этикетки, поскольку я сидела, но я знала, что это именно «Шоколадная карамель» от Генри, по картинке: на крышке были нарисованы ярко-зе-

леные цветы.

Джордж Хардинг повернулся и посмотрел на нее.

— Глупости, — сказал он.

— Что значит — глупости?

— Цвет, — сказал он. — Я не знаю, что это за конфеты, хотя согласен, это была двухфунтовая коробка, и на ней были нарисованы цветы. Однако я не согласен, что они были ярко-зеленые. Они были синие. Определенно синие.

Выражение лица Марджори не изменилось. Она повернула голову высокомерным, почти классически изящным движением.

— Ангел мой, — проговорила она, — сегодня был достаточно ужасный день. Неужели так необходимо действовать мне на нервы? Мне и без того хочется кричать. Пожалуйста, прекрати. Цветы были зеленые. Мужчины вечно путают синее и зеленое. Хватит, хватит, хватит! По крайней мере, на сегодня.

— Ладно-ладно, пусть будут зеленые, если так ты говоришь, — сказал Хардинг, не зная, обижаться ему или каяться. — Нет, черт возьми, все равно это неправда! — воскликнул он, вскакивая на ноги. — Мы ведь должны говорить правду. Эти цветы были синие, темно-синие и…

— Ангел мой драгоценный…

— Одну минутку, — резко перебил ее Эллиот. — Профессор Ингрем может разрешить этот спор. Итак, сэр, кто из них прав?

— Оба они правы, — ответил Ингрем, кладя ногу на ногу ленивым, небрежным движением. — И следовательно, они в то же время оба ошибаются.

— Но не может же быть, чтобы мы оба ошибались! — протестующе воскликнул Хардинг.

— А я считаю, что может, — вежливо ответил ему профессор Ингрем. Он обернулся к Эллиоту. — Инспектор, я говорю вам истинную правду. Я мог бы объяснить это и сейчас, но предпочел бы подождать. Один из последующих вопросов объяснит, что я имею в виду.

Эллиот поднял голову.

— Откуда вы знаете, какой будет следующий вопрос, сэр? — спросил он.

Наступило молчание, которое, казалось, растекалось по всей комнате так, что заполнило каждый уголок. Можно было даже себе представить, что слышно тиканье часов в кабинете, несмотря на закрытые двери.

— Я, конечно, этого не знаю, — вежливо отозвался профессор Ингрем. — Я просто предвижу

вопрос, который неизбежно должен появиться в этом списке.

— Вы раньше видели этот список, сэр?

— Нет, не видел. Ради всего святого, инспектор, не пытайтесь запутать меня этими пустяками, в особенности сейчас, в такой момент. Я ведь старый боевой конь, старый фокусник, старый обманщик. Эти штучки всем давно известны: я сам тысячу раз их использовал на своих занятиях. Отлично знаю, как они работают. Однако на том основании, что я не желаю поддаваться обману, у вас может сложиться ложное впечатление, что я сам пытаюсь вас обмануть. Это не так. Если вы продолжите задавать вопросы по этому списку, то поймете, что́ я имею в виду.

— Она была зеленая, — сказала Марджори, полуприкрыв глаза и устремив их в потолок. — Она была зеленая, зеленая, зеленая! Продолжайте, пожалуйста.

Эллиот взял свой карандаш.

— Тогда следующий вопрос. *«Какие предметы я взял со стола? В каком порядке?»* Какие предметы, — пояснил Эллиот, — взял мистер Чесни со стола сразу, как только сел в кресло, и в каком это было порядке? Мисс Уиллс?

Марджори ответила сразу же:

— Я вам уже говорила. Как только он сел, он взял карандаш и сделал вид, что пишет им на бюваре, потом положил его снова на стол. Затем взял ручку и тоже сделал вид, что пишет. Он отложил ее в сторону как раз в тот момент, когда вошло это чудище в цилиндре.

— А что скажете вы, мистер Хардинг?

— Да, все верно, — подтвердил Хардинг. — По крайней мере, первая часть. Он взял карандаш — был он темно-синий или черный, — потом положил его на место. А вот второй предмет — не ручка. Это тоже был карандаш примерно такого же цвета, только покороче.

Снова Марджори повернулась к нему.

— Джордж, — сказала она, не меняя тона. — Ты нарочно это делаешь, чтобы мучить меня? Пожалуйста, скажи, мне важно знать. Неужели так обязательно придираться к каждому моему слову? — Затем она воскликнула: — *Я знаю,* это была ручка. Я видела маленькое перышко и колпачок на ручке: она была темно-синяя или черная; совсем небольшая ручка. И не пытайся, пожалуйста…

— Ну, если ты так ставишь вопрос!.. — проговорил Хардинг тоном, в котором обида смешивалась с высокомерием. Он посмотрел на нее своим

«красноречивым» взором, и, к великой досаде Эллиота, выражение ее лица изменилось, стало тревожным. Воображению Эллиота представилась картина «Пара влюбленных», в которой юношеское обаяние Хардинга подчиняет своей тиранической воле умную, но влюбленную женщину и делает с ней все, что ему угодно.

— Прошу прощения, — сказала Марджори. — И все равно — это была ручка.

— Карандаш.

— А что вы скажете, профессор Ингрем? Карандаш или ручка?

— По правде сказать, — ответил профессор, — это было ни то ни другое.

— Господи помилуй! — прошептал майор Кроу совсем по-домашнему, словно он был не официальным лицом, а просто обыкновенным человеком.

Профессор Ингрем поднял руку.

— Неужели вы не понимаете? — спросил он. — Неужели вам не становится ясно, что все это — сплошные трюки и ловушки? Чего вы, собственно, ожидали? — В его голосе послышалось легкое раздражение. — Маркус просто подстроил вам самую обыкновенную ловушку, и вы в нее попались. Сначала, как вы правильно сказали, он

взял обыкновенный карандаш и сделал вид, что им пишет. Это подготовило ваш ум. Затем он взял в руку предмет, который не был ни карандашом, ни ручкой, хотя по виду и по размеру вполне мог сойти за карандаш, и сделал вид, что пишет им. В вашем мозгу немедленно возникла психологическая иллюзия, что перед вами карандаш или ручка. Но разумеется, это не то и не другое.

— Тогда что же это? — спросил Эллиот.

— Я не знаю.

— Но…

Невинные глазки Ингрема сверкнули.

— Спокойно, инспектор, — попросил он каким-то совсем непрофессиональным тоном. — Я обещал вам сказать, в чем заключается фокус. Я обещал указать, что здесь не так. Но я не обещал сказать, *что* именно он взял со стола, и, должен признаться, я этого не знаю.

— Но разве вы не можете это описать?

— Могу до некоторой степени. — Профессор, казалось, был сильно обеспокоен. — Это был предмет, похожий на ручку, но тоньше и меньше размером; темно-синего цвета, как мне кажется. Насколько я помню, Маркусу не сразу удалось взять его в руку.

— Да, сэр, но какой же предмет может так вы-

глядеть?

— Я не знаю, это меня и беспокоит. Он… постойте-постойте! — Здесь Ингрем крепко вцепился в ручки кресла и подался вперед в такой позе, словно собирался вскочить. Затем лицо его залила волна облегчения или какого-то другого чувства. Он спокойно откинулся в кресле, произнеся что-то вроде «уф-ф-ф!», и посмотрел на своих собеседников. — Понял, — сообщил он. — Теперь я знаю, что это такое.

— Да, сэр?

— Это стрела для метательной трубки.

— Что-что?

— Мне так кажется. Это именно она, — говорил профессор с таким видом, словно ему удалось взять трудный барьер. — У нас были такие стрелки в музее естественной истории при университете. Это тонкие, заостренные на конце черноватые щепочки примерно в три дюйма длиной. Ими пользуются то ли в Южной Америке, то ли на Малайских островах или на острове Борнео — точно не знаю, я не очень-то силен в географии.

Эллиот посмотрел на Марджори:

— У вашего дядюшки были в доме стрелы для метательной трубки, мисс Уиллс?

— Конечно не было. Я, по крайней мере, об этом не слышала.

Майор Кроу заинтересованно вмешался в разговор.

— Вы хотите сказать, — обратился он к профессору Ингрему, — отравленная стрела?

— Нет-нет-нет, совсем не обязательно. Мы здесь имеем, как мне кажется, отличный пример того, как внушение действует на наше воображение — до такой степени, что никто из нас уже не помнит, что именно он видел. Через минуту кто-нибудь вспомнит, что видел на стреле яд, и тогда мы вообще ничего не сможем сделать. Не будем увлекаться! — сказал Ингрем. Он перевел дыхание и широко развел руками. — Я ведь только сказал, что видел предмет, *напоминающий* стрелку для метательной трубки, и больше ничего. Это ясно? В таком случае — продолжим ваши вопросы.

Джордж Хардинг кивнул.

— Да, — согласился он, и Эллиот вдруг заметил удивленное выражение на его лице и быстрый взгляд, который он бросил на профессора. Это выражение мгновенно исчезло, и Эллиот потом никак не мог понять его значение. — Похоже, что мы стоим на месте, не можем двинуться дальше. Давайте поскорее эти вопросы.

Эллиот нерешительно молчал. Его взволновало новое предположение, и ему хотелось его обдумать. Однако с этим можно было подождать.

— Следующий вопрос, — он заглянул в свой листок, — относится, по всей видимости, к появлению закутанного незнакомца, который вошел с лужайки через стеклянную дверь. Впрочем, считайте, как хотите. *«Который был час?»*

— Полночь, — не задумываясь ответила Марджори.

— Около полуночи, — подтвердил Джордж Хардинг.

— Если говорить совершенно точно, — сказал профессор Ингрем, складывая руки ладонями вместе, — было ровно без одной минуты двенадцать.

Здесь он замолчал, глядя вокруг вопросительным взглядом, и Эллиот задал ему вопрос, которого он, по-видимому, ожидал:

— Понятно, сэр. Но у меня теперь возникает собственный вопрос: как вы узнали, что было точно без одной минуты двенадцать — по своим собственным часам, вот этим, или по часам, что стоят на камине? Я знаю, что сейчас эти часы показывают правильное время, но были ли они верными тогда?

— Этот вопрос приходил в голову и мне, — ответил профессор Ингрем несколько сухо. — Я подумал, что Маркус мог переставить часы, чтобы мы увидели неверное время и потом клятвенно уверяли, что видели это своими глазами. Но я стою за честную игру. — Снова на лице у него появилось сердитое выражение. — Такого рода трюк — это уже не по правилам. Ведь все это — проверка наблюдательности. Маркус распорядился, чтобы свет был потушен, и поэтому мы не могли видеть наши собственные часы. Следовательно, если он предлагает нам часы, по которым мы должны определить время, единственная возможность определить время — это именно по этим часам. Я рассматриваю это как условие игры. Я могу сказать, когда произошло то-то и то-то — по этим часам. Однако я не могу сказать, показывали ли эти часы правильное время.

— Ну а я — могу, — заявила Марджори. — Разумеется, часы шли верно.

В голосе ее слышалась горячность, удивление и даже некоторое недоумение, словно она никак не ожидала такого поворота событий, словно тщетные попытки воззвать к разуму привели ее в такое состояние, где уже не было места усталости.

— Я имею все основания утверждать это точно. И дело тут не в наблюдательности, в моей наблюдательности. Я могу это доказать. С легкостью. Конечно, время было правильным. Но какое это имеет значение — вот что непонятно.

— Это может иметь очень существенное значение, — сказал майор Кроу, — для установления алиби кого-то, кого здесь не было.

— Джо Чесни, — пробормотал профессор Ингрем, присвистнув. — Прошу прощения, — добавил он официальным тоном.

Так же как несколько минут тому назад, ему удалось обратить на себя всеобщее внимание просто мимолетной улыбкой, так и теперь ему удалось добиться того же с помощью совсем иного средства — с помощью невольно вырвавшегося слова. Эллиот пытался вспомнить, как словарь определяет слово «внушение». Как бы там ни было, ему удалось замутить воду.

— Дядя Джо? — воскликнула Марджори. — А при чем тут он?

— Продолжайте ваши вопросы, инспектор, — предложил профессор, улыбнувшись девушке ободряющей улыбкой.

Эллиот быстро сделал какую-то заметку в своей книжке. Он решил ускорить дело.

— Мы можем уточнить эти моменты потом, если вы ничего не имеете против. Отвечайте мне насколько возможно короче. Следующий вопрос: *«Каков был рост человека, вошедшего через стеклянную дверь?»*

— Шесть футов[7], — без запинки ответила Марджори. — Во всяком случае, он был того же роста, что Уилбер. Точно такого же роста, как Уилбер и дядя Дж… — Она запнулась.

— Шесть футов, приблизительно верно, — заявил Хардинг после некоторого размышления. — Я бы сказал, может быть, чуть-чуть повыше, однако тут мог сыграть роль этот дикий головной убор.

Профессор Ингрем прочистил горло.

— Я прекрасно знаю, — сказал он, — что ничто не вызывает против человека такого раздражения, как его стремление всем и во всем противоречить.

Несмотря на кажущееся спокойствие, царившее в комнате, было ясно: в душе у каждого нарастает раздражение, приближаясь к точке кипения. Так сильна была роль внушения, взбаламутившего тихие волны. Глаза Марджори

---

**[7] Notes: 7**
*Фут* — 30,48 сантиметра.

горели неестественным блеском.

— О, это просто невыносимо! Сейчас вы еще начнете утверждать, что он был толстяк низенького роста.

— Нет, моя дорогая. Спокойнее, пожалуйста. — Профессор Ингрем посмотрел на Эллиота. — Вот ответ на ваш вопрос, инспектор. Рост человека, который вошел в комнату через стеклянную дверь, составлял пять футов девять дюймов[8], он примерно такого же роста, как, скажем… мистер Хардинг или. я. Или же (обратите на это внимание) это был человек ростом в шесть футов, который ходил, подогнув колени — под широким плащом это можно сделать незаметно, — чтобы казаться ниже ростом. Как бы то ни было, его рост составлял пять футов девять дюймов.

Наступило молчание.

Майор Кроу, водрузивший на нос очки в роговой оправе, несколько противоречащие его военной наружности, вытер пот со лба. Он делал какие-то заметки на обратной стороне конверта.

— Послушайте… — начал он.

— Да?

— Теперь я вас спрошу, — сказал главный

---

**[8] Notes: 8**
Приблизительно 172,5 сантиметра.

констебль сердито-увещевающим тоном. — Спрашиваю вас как мужчина мужчину: что это за ответ? Либо его рост пять футов девять дюймов, либо, возможно, он может составлять шесть футов. Послушайте, Ингрем, мне кажется, что именно вы внушаете нам всем какие-то идеи. Где только можно, вы противоречите всем и каждому. Давайте-ка послушаем, что у нас тут получается.

— С удовольствием.

— Вы все согласны с тем, что на столе лежала двухфунтовая коробка шоколадных конфет и что первым из двух предметов, который взял со стола Чесни, был карандаш. Но посмотрите, что получается с остальными вопросами. Я тут записал все ответы.

Он перекинул конверт профессору Ингрему, который просмотрел то, что было написано, и затем передал этот удивительный документ остальным:

*«Что я видел?*

*Какого цвета была коробка конфет?*

Мисс Уиллс. Она была зеленая.

Мистер Хардинг. Она была синяя.

Проф. Ингрем. И зеленая, и синяя.

*Какой предмет взял Чесни вторым?*

Мисс Уиллс. Это была ручка.

Мистер Хардинг. Это был карандаш.

Проф. Ингрем. Стрела для метательной трубки.

*Сколько было времени?*

Мисс Уиллс. Полночь.

Мистер Хардинг. Около полуночи.

Проф. Ингрем. Без одной минуты 12.

*Какого роста был этот тип в шляпе?*

Мисс Уиллс. Шесть футов.

Мистер Хардинг. Шесть футов.

Проф. Ингрем. Пять футов девять дюймов».

— Единственное, в чем все примерно согласны, — продолжал майор Кроу, — это время. И скорее всего, это самый неправильный ответ из всех.

Профессор Ингрем вскочил на ноги.

— Я вас не совсем понимаю, майор, — заявил он. — Вы спрашиваете меня как опытного, квалифицированного свидетеля, что там происходило. Вы ожидаете, что в показаниях встретятся противоречия. Вы жаждете указать нам на эти противоречия. А потом по неизвестной причине вы начинаете сердиться, когда я вам на них указываю.

— Знаю, и все это прекрасно, — возразил майор Кроу, протягивая ему конверт. — Но что вы тут

говорите о коробке? Коробка может быть либо синяя, либо зеленая. Но не может же она быть, черт возьми, и синей и зеленой одновременно! А вы утверждаете, что это так. — Тут главный констебль, не обращая внимания на отчаянные знаки Эллиота и Бостуика и пренебрегая полицейскими правилами, брякнул: — Вам, может быть, интересно было бы узнать, что коробка в той комнате была *синяя.* Цветы на ней были синие. А еще на столе был только один-единственный предмет — плоский карандаш. И никаких признаков другого предмета: ни ручки, ни карандаша, ни стрелки для метательной трубки. Одна только синяя коробка с конфетами, один карандаш — ничего другого. Можно вас спросить, что вы на это скажете?

Профессор Ингрем снова уселся в кресло, сохраняя на лице ироническую улыбку.

— Только одно, — сказал он. — Если мне дадут возможность и минуту времени, я все объясню.

— Хорошо-хорошо, — проворчал майор Кроу, поднимая руки, словно в церемонном восточном приветствии. — Пусть будет по-вашему, объясняйте, когда хотите; я отстраняюсь. Продолжайте, инспектор. Простите, что я вмешался. Это ваша компетенция.

В течение следующих нескольких минут Эллиот начал думать, что их спорам наступает конец. На следующие два вопроса и частично на третий ответы были почти идентичными. Эти вопросы, касающиеся внешности существа, вошедшего через стеклянную дверь, выглядели так: *«Опишите одежду вошедшего. Что у него было в правой руке? Опишите этот предмет. Опишите его действия».*

На основе этого описания возник образ гротескного чудища, которое, по-видимому, произвело на всех одинаковое впечатление. Никто из них не пропустил ни малейшей детали, начиная с цилиндра и до черных лакированных туфель — все было названо: и коричневый шерстяной шарф, и черные очки, и черные фрачные брюки. Каждый дал верное описание черного саквояжа, на котором было написано белой масляной краской: «Р. Г. Немо, Д. М.»[9] — и который человек нес в правой руке. Единственная новая деталь заключалась в том, что на нем были резиновые перчатки.

Это единодушие поначалу озадачило и встревожило Эллиота, но потом он вспомнил, что у всех свидетелей была отличная возможность

---

**[9] Notes: 9**
Доктор медицины.

осмотреть этот маскарадный костюм. Почти все вещи, принадлежащие Немо, включая черный саквояж, были брошены на лужайке, под окнами кабинета. Свидетели видели эти вещи не только во время представления, но и позже, когда пошли искать Уилбера Эммета.

Но все равно они не пропустили ни одного движения этого пришельца в течение всего представления. Фигура этого слепого черного Немо, которая кланялась и кивала, отбрасывая страшную тень в ослепительном свете, заполнила, казалось, весь экран их воображения, как кошмар. Они описали, как он вошел. Они описали, как он обернулся и посмотрел на них, когда Джордж Хардинг, находившийся среди зрителей, неосторожно вскрикнул. Они описали, как он ставил саквояж на стол, стоя к ним спиной. Потом они рассказали, как он подошел к правому краю стола, достал из кармана коробочку с капсулами, вынул оттуда капсулу и…

Но где же, черт побери, нужно искать ключ к разгадке?

Вот что Эллиоту нужно было знать. Он подходил уже почти к самому концу списка и пока ни в чем не мог найти зацепки. В показаниях свидетелей были противоречия, это верно, но как это

могло ему помочь?

— Время идет, — сказал он. — Давайте продолжим наши вопросы. *«Взял ли он что-нибудь со стола?»*

Все три голоса раздались почти одновременно.

— Нет, — ответила Марджори.

— Нет, — сказал Джордж Хардинг.

— Да, — отчеканил профессор Ингрем.

В кутерьме, которая за этим последовала, отчетливо был слышен голос Хардинга:

— Сэр, я готов поклясться, что он этого не делал. Он даже не прикасался к этому столу. Он…

— Конечно не прикасался, — подтвердила Марджори. — И вообще, что он мог оттуда взять? Единственный предмет, который, по-видимому, исчез, — это ручка, или карандаш, или стрела — называйте это как хотите, — и я знаю, что он этого не брал. А этот тип в цилиндре ни разу не подходил к середине стола, где лежит бювар. Так что же он мог взять?

Профессор Ингрем призвал всех к молчанию. Вид у него был довольно мрачный и непреклонный.

— Именно это я все время терпеливо пытаюсь вам сказать, — проговорил он. — А именно: он взял со стола коробку «Шоколадной карамели» от

Генри с зелеными цветами и положил на ее место коробку мятных помадок в шоколаде с синими цветами на крышке. Она и сейчас лежит на столе. Вы хотели истинной правды? Вот она, пожалуйста. Не спрашивайте меня, как он это сделал. Когда он поставил свой черный саквояж на стол, тот оказался перед зеленой коробкой. Когда же он убрал его со стола и вышел из комнаты, на столе осталась лежать синяя коробка. Я повторяю: не спрашивайте меня, как он подменил коробки. Я не фокусник. Однако я подозреваю, что ключ к проблеме многих весьма непривлекательных отравлений находится именно в этом коротком действии. Предлагаю вам поломать над этим голову. Кроме того, я надеюсь, что это устранит сомнения майора Кроу по поводу моей психики и моей порядочности. А теперь, прежде чем еще кто-нибудь выйдет из себя, дайте мне, пожалуйста, сигарету.

# Глава восьмая
# Коробка с секретами

Эллиот так и не узнал, получил ли профессор Ингрем свою сигарету. Он вдруг понял, ему открылся секрет некоего жонглерского трюка.

— Простите меня, — сказал он. — Я скоро вернусь.

И, обогнув рояль, он вышел через стеклянную дверь.

Выйдя на лужайку, обернулся и задернул за собой тяжелую бархатную портьеру. На лужайке, в этом узком проходе между домом и ровным рядом похожих на призраки каштанов, было значительно прохладнее. Там было и темнее, яркого света не было — в кабинете горела только одна обыкновенная лампочка. Он испытывал ощущение, которое охватывает человека в тот глухой полуночный час, когда плоть человеческая кажется такой непрочной. Ему еще послышалось где-то в отдалении звонок колокольчика, однако он не придал этому значения, поскольку все его внимание было сосредоточено на вещах, принадлежащих доктору Немо, которые лежали под

окном кабинета.

Этот черный саквояж…

Теперь он понял, почему его вид показался ему странно знакомым. Несколько большего размера, чем обычный докторский чемоданчик, хотя такой же формы, и гораздо меньше обыкновенного чемодана. Такой саквояж был выставлен в качестве экспоната в Черном музее в Скотленд-Ярде.

Эллиот опустился на колени перед саквояжем, который стоял между цилиндром и плащом. Он был сделан из лакированной кожи и казался совсем новым. В углу отчетливо была видна надпись, грубо намалеванная при помощи трафарета: «Доктор Немо». Обернув руку платком, Эллиот открыл саквояж. Внутри лежала двухфунтовая коробка шоколадной карамели с рисунком, изображающим зеленые цветы на крышке.

— Вот, оказывается, в чем дело, — вслух проговорил он.

Этот саквояж — «друг воришки». Эллиот поднял его с земли и осмотрел дно. Эту конструкцию изобрели и использовали фокусники на потеху публике, а затем принцип взяли на вооружение воры, промышляющие в больших универмагах, ювелирных магазинах — словом, повсюду, где на прилавках свободно лежат дорогие вещи.

Вы входите в магазин, держа в руках саквояж, не вызывая никаких подозрений. Небрежно ставите его на прилавок и рассматриваете разные предметы на полках и на витринах. А ваш саквояж тем временем стоит поверх того самого предмета, который собираетесь украсть. Дно саквояжа снабжено специальным пружинным устройством, которое захватывает и препровождает в саквояж то, что находится под ним. И вы, не делая при этом никаких подозрительных движений, берете саквояж и выходите из магазина.

Гениальный трюк «доктора Немо» становился совершенно ясным. Он вошел в кабинет и поставил саквояж на стол, стоя в это время спиной к зрителям. Саквояж был поставлен не перед коробкой, а сверху, на нее. Устройство было рассчитано и на более громоздкие предметы, чем сравнительно легкая конфетная коробка. В глубоком кармане его плаща находилась коробка с мятными конфетами. Либо в то время, когда он нагибался, чтобы поставить саквояж, либо тогда, когда он брал его со стола, этот человек положил коробку на стол, так что она была скрыта и саквояжем, и его спиной. Перед аудиторией, ослепленной ярким светом и достаточно взволнованной, это было не так уж трудно. И все это

было сделано с помощью Маркуса Чесни — как составная часть плана Маркуса Чесни, направленного на то, чтобы расставить для свидетелей всевозможные ловушки…

Но как можно использовать этот факт для того, чтобы раскрыть данное преступление или отравление в кондитерской лавке? Значит ли это, что в лавке миссис Терри вся коробка конфет была заменена на другую?

— Эгей! — шепотом позвал кто-то.

Эллиот вскочил от неожиданности. Это был хриплый, сердитый и настойчивый шепот, шедший откуда-то сверху. Он поднял голову и увидел доктора Чесни, который выглядывал из окна верхнего этажа. Доктор Джо так далеко высунулся из окна, что Эллиот боялся, что его крупное тело перевесит и он вывалится вниз, словно мешок с бельем.

— Вы что там все, оглохли? — шептал доктор Джо. — Не слышите, что звонит звонок? Почему никто не открывает? Он звонит уже минут пять. Не могу же я, черт возьми, делать все сам! У меня пациент…

Эллиот очнулся. Это, конечно, полицейский с фотографом и дактилоскопистом, которых вызывали из соседнего участка за двенадцать миль

отсюда.

— Эй, погодите! — рычал доктор Джо.

— Да?

— Пошлите-ка сюда Марджори. Он зовет ее.

Эллиот быстро посмотрел на доктора:

— Он в сознании? Могу я с ним поговорить?

Красная волосатая рука в болтающемся рукаве делала отрицательные движения. Рыжая бородка доктора Джо, освещенная снизу, придавала ему прямо-таки мефистофелевский вид.

— Нет, мой мальчик. Он без сознания, еще не пришел в сознание — по крайней мере, в том смысле, как вам это нужно. И сегодня его никак нельзя беспокоить, да и завтра тоже, а может быть, еще и через неделю, а то и через месяц. Ясно? И пошлите сюда Марджори. От этих горничных никакого толку. Одна все роняет, а другая прячется в кровати. Господи, да…

Голова скрылась. Очень медленно Эллиот собрал все вещи «доктора Немо». Далекий звонок замолчал. Свежий ветерок, возвещая окончание ночи, всколыхнул листья, принес с земли густой запах осеннего гниения, а затем, словно усилился ветер или открылось окно, донесся другой, сладковатый запах. Он был похож на запах, наполнявший дом. И Эллиот вспомнил:

где-то неподалеку в темноте находятся обширные теплицы. Это запах персиковых и миндальных деревьев, плоды которых зреют между июлем и ноябрем, — запах горького миндаля, наполнявший весь «Бельгард».

Он отнес вещи «доктора Немо» в кабинет, и в тот же момент дверь, ведущая в кабинет из коридора, отворилась, впуская комиссара Бостуика и двух вновь пришедших, которых комиссар представил как доктора Веста и сержанта Матьюса. За ними шел майор Кроу. Матьюсу были даны соответствующие инструкции по поводу фотографий и отпечатков пальцев, а доктор Вест склонился над телом Маркуса Чесни.

Майор Кроу посмотрел на Эллиота.

— Что скажете, инспектор? — спросил он. — Почему вы вдруг решили удалиться? И что вы там обнаружили?

— Я нашел объяснение тому, как подменили шоколадные коробки, сэр, — сказал Эллиот и объяснил, в чем дело.

На главного констебля это произвело впечатление.

— Ловко, — признался он. — Чертовски ловко. Предположим, что это так, но послушайте, откуда Чесни раздобыл такой хитрый чемодан?

— Его можно купить в Лондоне в магазинах, торгующих реквизитом, которым пользуются маги и фокусники.

— Вы хотите сказать, что он специально за ним посылал?

— Похоже на то, сэр.

Майор Кроу внимательно осмотрел саквояж.

— Из чего можно заключить, — медленно проговорил он, — что он задумал этот спектакль уже давно. Вы знаете, инспектор, — он, казалось, боролся с желанием дать этому чемодану хорошего пинка, — чем больше мы занимаемся этим проклятым представлением, тем большее значение оно приобретает и… тем меньше, похоже, нам помогает. Чего мы добились? Где мы находимся? Погодите! В этом списке Маркуса Чесни есть еще вопросы?

— Да, сэр. Еще три вопроса.

— Тогда пойдем туда и продолжим, — сказал главный констебль, бросая расстроенный взгляд в сторону закрытой двери. Но прежде, чем мы туда пойдем, я хочу вас спросить, не заметили ли вы одной вещи, которая особенно меня поразила во всей этой непонятной истории.

— Что именно?

Майор Кроу встал в позу. Он протянул вперед

костлявую руку, указывая пальцем в сторону камина, словно выступая с обличением.

— Эти часы, инспектор. Здесь что-то не то. Какие-то фокусы-покусы, — заявил он.

Они посмотрели на часы. Доктор Вест повернул слепящую лампу так, чтобы свет падал на тело, и снова они увидели белый мраморный циферблат, который, казалось, насмешливо смотрел на них из своего бронзового обрамления. Часы показывали без двадцати два.

— Хелло! Мне пора домой, — вдруг объявил майор Кроу. — Однако все-таки взгляните на них. А что, если Чесни перевел часы, изменив таким образом время? Он мог это сделать перед тем, как начать свое представление. А потом, когда все кончилось (вы помните?), он закрыл двери и вошел в музыкальную комнату только после того, как Ингрем постучался и предложил ему выйти и поклониться публике. В течение этого времени он вполне мог снова перевести стрелки в прежнее положение. Разве нет?

Эллиот в сомнении покачал головой:

— Вероятно, мог, сэр. Если ему это было нужно.

— Конечно мог. Ничего нет проще. — Майор Кроу подошел к каминной полке, обогнув кресло, в котором сидел покойник. Он взял часы в руки и

повернул их, слегка постукав, чтобы посмотреть обратную сторону. — Видите, здесь есть две такие штучки? Одна — это ключ, с помощью которого их заводят, а другая — головка стерженька для того, чтобы переводить стрелки, — стоп-стоп!

Он склонился, внимательно вглядываясь, и Эллиот присоединился к нему. И действительно, на обратной стороне часов был маленький бронзовый ключик, там же, где должен был находиться стерженек или шпиндель, было всего только крохотное круглое отверстие.

— Он сломан, — сказал Эллиот, — отломался внутри, под внешним корпусом часов.

Он нагнулся пониже. Внутри микроскопического отверстия можно было рассмотреть крохотный блестящий шпенек, а вокруг отверстия была заметна свежая царапина на слегка потемневшем металле корпуса.

— Сломано было недавно, — пояснил он. — Вот что, по-видимому, имела в виду мисс Уиллс, когда говорила, что часы идут верно. Понимаете? До тех пор, пока часами не займется часовщик, никто не может изменить положение стрелок, как бы ни старался.

Майор Кроу внимательно смотрел на часы.

— Ерунда, — сказал он. — Ничего нет проще.

Вот так…

Он снова повернул часы циферблатом вверх.

– *Осторожно, сэр!* — воскликнул Эллиот.

Даже мистер Кроу вынужден был отступить; он почувствовал себя побежденным. Металлические стрелки были слишком малы и хрупки. Попытка подвинуть их в том или другом направлении привела бы только к тому, что они либо согнулись бы, либо сломались. Было ясно, что изменить их положение нельзя было в течение одной-двух секунд. Эллиот распрямился. Против своей воли он улыбнулся. Стрелки вызывающе продолжали двигаться по своему законному пути, металлический винт, закрепивший их положение, насмешливо подмигивал ему, и тиканье этих часов вызывало в нем такое веселье, что он едва не расхохотался в лицо главному констеблю. Это было символично. Перед ними были часы — кошмар писателя детективных романов, — часы, с которыми нельзя было устроить никаких фокусов.

— Вот так-то, — сказал он.

— Совсем не так-то, — возразил майор Кроу.

— Но, сэр…

— Есть в этих часах какая-то закавыка, — настаивал шеф местной полиции так торжественно

и с такой уверенностью, что казалось, будто он дает показания под присягой. — Признаюсь, я не знаю, что именно. Но не пройдет и нескольких часов, как вы убедитесь, что я был прав.

Именно в этот момент лампочка от юпитера стала мерцать, в ней показался дымок, и она вдруг погасла. Все вздрогнули от неожиданности, а лампа под зеленым абажуром показалась после этого слабой и тусклой. Но доктор Вест уже распрямился, закончив осмотр; это был немолодой человек в пенсне, вид у него был усталый.

— Что вы хотите, чтобы я вам сказал по поводу этого случая? — обратился он к майору Кроу.

— Ну, что явилось причиной смерти?

— Это синильная кислота или один из цианидов. Утром я произведу вскрытие и отвечу вам более определенно. Вы, вероятно, думаете о цианистом калии, — сказал доктор Вест, как бы извиняясь. — Это только один вариант из группы цианистых солей, получаемых из синильной кислоты. Но я согласен: цианистый калий — это наиболее распространенный яд.

— Разрешите признаться в собственном невежестве, — сказал майор Кроу. — Я читал кое-что о стрихнине в связи с тем, июньским делом, но здесь я совсем ничего не могу понять. Ну, предпо-

ложим, кто-то убил Чесни с помощью синильной кислоты или одного из ее цианистых производных. Где берутся такие вещи? Каким образом их можно достать?

— У меня есть кое-какие заметки, — отвечал доктор, роясь в кармане; движения его нельзя было назвать иначе как медленно-торопливыми. Он говорил со скромным удовлетворением: — Мы нечасто имеем случай наблюдать отравление синильной кислотой. Это случается редко, очень редко. Я сделал кое-какие заметки в связи с делом Вилли Оуенса, и мне показалось, что их стоит захватить с собой.

Он начал в своей обычной приятной манере:

— Чистую синильную кислоту (HCN) почти невозможно достать для неспециалиста, для человека, не связанного с такими делами профессионально. Однако, с другой стороны, любой хороший химик может легко получить ее из неядовитых веществ (имею в виду вещества, не включенные в список ядов). Ее соль, цианистый калий, используется в самых разнообразных случаях. В фотографии, например, как вы, вероятно, знаете. Иногда его используют садовники для борьбы с вредителями…

— Для опрыскивания фруктовых деревьев, —

пробормотал майор Кроу.

— Еще он используется в гальванопластике и для морилок.

— Как — для морилок?

— Это в энтомологии, — ответил доктор. — В бутылочке для безболезненного умерщвления бабочек содержится пять процентов синильной кислоты, их можно купить в магазинах, где продаются чучела. Однако во всех этих случаях покупатель, конечно, должен расписаться в книге регистрации ядов.

— Можно мне задать вопрос, доктор? — вмешался Эллиот. — Правда ли, что синильная кислота содержится в персиковых косточках?

— Совершенно справедливо, — подтвердил доктор Вест, потирая лоб.

— И что каждый человек может получить синильную кислоту, наколов этих косточек и прокипятив их?

— Мне и раньше задавали этот вопрос, — сказал доктор Вест, принимаясь тереть лоб с еще большей энергией. — Это, конечно, верно. Однако я подсчитал, что для получения из персиковых косточек смертельной дозы потребовалось бы по крайней мере пять тысяч шестьсот персиков. Это, пожалуй, не особенно рационально.

После некоторой паузы заговорил комиссар Бостуик.

— Но ведь яд *откуда-то* взялся! — веско проговорил он.

— Совершенно согласен, — сказал главный констебль. — И на сей раз мы намерены это выяснить. Стрихнин мы прохлопали, но уж цианид обнаружим обязательно, хотя бы нам пришлось прочесать все книги регистрации ядов в Англии. Это ваша задача, комиссар. Да, между прочим, доктор, вам знакомы эти зеленые капсулы — капсулы с касторовым маслом?

— Да.

— Предположим, нужно было бы дать дозу цианида в одной из этих капсул. Как бы вы ввели ее внутрь капсулы? С помощью шприца?

Доктор Вест немного подумал.

— Да, это было бы удобно. Если не ввести слишком много, желатин и масло прочно удержали бы яд. Кроме того, они бы поглотили запах и вкус. Девять десятых грана обезвоженной синильной кислоты составляют смертельную дозу. Фармацевтический препарат цианистого калия, конечно, слабее. Но двух или трех гран, могу сказать с уверенностью, вполне достаточно.

— И сколько времени нужно для того, чтобы яд

оказал свое действие?

— Я не знаю размера дозы, — виновато ответил доктор Вест. — Я бы предположил, что симптомы наступят в течение десяти секунд. В данном случае, однако, потребовалось время для того, чтобы растворился желатин, и, кроме того, касторовое масло задержало всасывание яда. Скажем так: для появления первых явных симптомов потребовалось приблизительно две минуты. В остальном все зависит от величины дозы. Полная прострация наступает довольно быстро, смерть может наступить и через три минуты, и через полчаса, а то и позже.

— Ну что же, это совпадает с тем, что нам известно, — сказал майор Кроу. — Как бы там ни было, инспектор, — продолжал он раздраженно, — возвращайтесь-ка вы туда и тряхните еще раз эту компанию. — Он сердито кивнул в сторону закрытой двери. — Выясните хорошенько, что они видели, действительно ли это была капсула с касторовым маслом. Может быть, здесь тоже какой-нибудь фокус-покус. Выясните — выпотрошите их как следует, может, тогда мы и разберемся в этой чертовщине, сдвинемся наконец с мертвой точки.

Эллиот был рад, что ему предоставляется воз-

можность действовать самостоятельно; он пошел в музыкальную комнату и плотно закрыл за собой дверь. Три пары глаз обратились в его сторону.

— Сегодня я не буду вас долго задерживать, — любезно обратился он к ним. — Давайте только выясним, если вы не возражаете, оставшиеся три пункта.

Профессор Ингрем испытующе посмотрел на него.

— Одну минутку, — сказал он. — Не могли бы вы прояснить для нас один момент, инспектор? Удалось вам установить, что конфетные коробки были заменены так, как я говорил?

Эллиот секунду помедлил.

— Да, сэр. Ничего не имею против того, чтобы сообщить вам: было именно так.

— А-а, — сказал профессор Ингрем с ехидной улыбкой, весьма довольный собой. Он откинулся на спинку кресла, в то время как Марджори и Джордж Хардинг смотрели на него, ничего не понимая. — Я надеялся, что именно так оно и будет. Теперь мы действительно сделали шаг вперед на пути к решению.

Марджори хотела что-то сказать, но Эллиот не дал ей этой возможности:

— Вот восьмой вопрос мистера Чесни, он ка-

сается человека в цилиндре: *«Что он дал мне проглотить? Сколько мне понадобилось времени для того, чтобы это проглотить?»* Вы все согласны, что это была капсула с касторовым маслом?

— Я уверена, — ответила Марджори. — Ему понадобилось две или три секунды для того, чтобы ее проглотить.

— Да, это действительно было похоже на капсулу, — сказал профессор Ингрем более осторожно. — И ему было не слишком легко ее проглотить.

— Я ничего не знаю относительно этих капсул, — отозвался Хардинг. Его лицо было бледно, на нем можно было прочесть беспокойство и неуверенность. Эллиот не мог понять почему. — Я бы сказал, что это виноградина, зеленая виноградина, — мне было непонятно, как это он не подавился. Но если вы оба знаете, что это такое, тогда ладно, я согласен.

Эллиот быстро перевел разговор в другое русло:

— К этому мы еще вернемся. А теперь вопрос, который имеет чрезвычайно важное значение: *«Сколько времени он находился в комнате?»*

Он говорил так серьезно и на лице профессора Ингрема установилось такое саркастическое

выражение, что Марджори не сразу нашлась что ответить.

— Здесь какой-то подвох? — спросила она. — Вы хотите сказать, сколько времени прошло между тем моментом, когда он вошел в комнату через стеклянную дверь, и тем, когда он снова вышел? Конечно совсем немного. Я бы сказала, минуты две.

— Две с половиной минуты, — сказал Хардинг.

— Он находился в комнате, — сказал профессор Ингрем, — ровно тридцать секунд. Снова и снова я повторяю, столько раз, что это становится скучным: людям *свойственно* безнадежно преувеличивать время. По сути дела, Немо мало чем рисковал. У вас почти не было возможности его рассмотреть, хотя вам казалось, что вы можете это сделать. Если хотите, инспектор, я нарисую вам точную хронологическую картину всего представления, включая действия Чесни. Хотите?

Эллиот согласно кивнул, и профессор Ингрем прищурил глаза:

— Давайте начнем с того момента, когда Чесни вышел через эту дверь в коридор, а я выключил в комнате свет. После того, как я выключил свет, прошло приблизительно двадцать секунд, преж-

де чем Чесни открыл эту дверь, чтобы начать спектакль. Между тем временем, когда была открыта дверь, и появлением Немо прошло полных сорок секунд. Таким образом, до появления Немо прошла целая минута. Все действия Немо заняли тридцать секунд. После того как он удалился, Чесни спокойно сидел еще тридцать секунд, а потом уронил голову на стол, делая вид, что умер. Затем он встал и снова закрыл дверь. Мне сразу удалось включить свет — я вечно ищу этот проклятый выключатель не с той стороны, не там, где он находится. Скажем, еще двадцать секунд. Но все действия с того момента, как был выключен свет, и до того, как он снова был включен, заняли ровно две минуты и двадцать секунд.

Лицо Марджори выражало неуверенность. Хардинг просто пожал плечами. Они ничего не возразили, однако было видно, что оба они кипят от возмущения. Оба были бледны, у обоих был усталый вид. Марджори дрожала, смотрела вокруг напряженным взглядом. Эллиот понимал, что больше натягивать струну сегодня невозможно.

— И наконец, последний вопрос, — сказал он. — Вот: *«Кто из присутствующих — один или больше — произнес какие-то слова? Что именно*

*было сказано?»*

— Как я рада, что это последний вопрос, — заметила Марджори, делая глотательное движение. — На сей раз, по крайней мере, я уверена, что не могу ошибиться. Этот тип в цилиндре не сказал ни слова. — Она стремительно обернулась к профессору Ингрему. — Надеюсь, вы не будете этого отрицать?

— Не буду, дорогая, я этого не отрицаю.

— А дядя Маркус говорил только один раз. Это было как раз после того, как тип в цилиндре поставил на стол саквояж и перешел к правому краю стола. Дядя Маркус сказал: «Вы снова проделали то же, что сделали раньше. Что еще вы собираетесь предпринять?»

Хардинг кивнул:

— Совершенно верно. «Вы повторили то, что сделали раньше. Что вы будете делать дальше?» Во всяком случае, что-то в этом духе. Я не могу ручаться, что было именно в этом порядке.

— И больше ничего не говорилось? — настаивал Эллиот.

— Абсолютно ничего.

— Я не согласен, — заявил профессор Ингрем.

— Черт вас побери! — Голос Марджори напоминал скорее визг. Она вскочила на ноги. Эллиот

был удивлен, даже потрясен тем, до какой степени может измениться это почти викторианское лицо. — Будьте вы трижды прокляты!

— Марджори! — воскликнул Хардинг. Потом он закашлялся и стал делать какие-то неловкие жесты в сторону Эллиота, как это делают взрослые люди, когда строят смешные рожи, желая отвлечь внимание ребенка.

— Стоит ли так расстраиваться, моя дорогая, — ласково обратился к ней профессор Ингрем. — Я только стараюсь помочь, вы же знаете.

Несколько скверных минут Марджори пребывала в нерешительности, потом глаза ее наполнились слезами, а вспыхнувший на щеках румянец вернул ее лицу красоту, которую не портили даже дрожащие губы.

— Из-звините меня, — пробормотала она.

— К примеру говоря, — продолжал профессор Ингрем так, словно ничего не произошло, — нельзя категорически утверждать, что во время представления ничего другого не было сказано. — Он посмотрел на Хардинга. — Ведь говорили, и вам это прекрасно известно.

— Я сказал? — повторил Хардинг.

— Да. Когда вошел доктор Немо, вы подались вперед, чтобы удобнее было снимать, и сказали:

«Чш-ш, тихо! Человек-невидимка!» Так, кажется, верно?

Хардинг потер затылок, заросший жесткими черными волосами:

— Да, сэр. Вероятно, я хотел сострить. Но черт возьми, ведь вопрос относится не к этому. Там ведь спрашивается, говорил ли кто-нибудь из участников представления.

— И вы тоже, — продолжал профессор Ингрем, обращаясь к Марджори, — вы тоже что-то сказали или прошептали. Когда Немо давал вашему дяде эту капсулу с касторовым маслом и запрокинул ему голову, чтобы засунуть ее в горло, вы вскрикнули или что-то прошептали, словно протестуя. Помните, что это было? «Не надо! Не надо!» Сказано было тихо, но достаточно отчетливо.

— Не помню, чтобы я что-нибудь говорила, — сказала Марджори, прищурившись. — Но что, если бы и сказала?

Тон профессора сделался более спокойным:

— Я просто подготавливаю вас к очередной атаке инспектора Эллиота. Я уже давно пытался вам сказать: он подозревает, что один из нас троих за две минуты, что был погашен свет, мог выскользнуть из комнаты и убить вашего дядюшку. Так вот, я имею полную возможность поклясться, что

я видел и слышал вас обоих в течение всего того времени, что Немо находился на сцене. Могу поклясться, что вы не выходили из комнаты. Если вы располагаете возможностью сделать то же самое в отношении меня, все мы, все трое, имеем тройное алиби, которое не в силах опровергнуть весь Скотленд-Ярд, как бы он ни старался. Располагаете вы такой возможностью? Что вы на это скажете?

Эллиот собрал все свои силы. Он понимал, что в следующие несколько минут расследование достигнет критической точки.

# Глава девятая
# Тройное алиби

На сей раз на ноги вскочил Хардинг. В его больших глазах — «коровьи глаза», как определил их для себя Эллиот, пройдя через разные стадии сравнений при описании внешности Хардинга, — застыла тревога. На лице его сохранилось механическое выражение добродушия, не уменьшилось и его почтительное отношение к представителям власти, однако его волосатые руки слегка дрожали.

— Но я же снимал фильм! — протестующе воскликнул он. — Смотрите, вот аппарат. Разве вы не слышали, как он работал? Вы не…

Потом он рассмеялся, совершенно естественно и с прежним обаянием. Он, по-видимому, надеялся, что кто-нибудь рассмеется вместе с ним, и был недоволен, что никто этого не сделал.

— Понятно, — сказал он, глядя куда-то вдаль. — Я как-то читал один рассказ…

— Да неужели? — спросил профессор Ингрем.

— Да, — сказал Хардинг совершенно серьезно. — У человека было алиби, потому что было

клятвенно заявлено, что слышали, как он печатал на машинке. А потом оказалось, что у него было такое механическое приспособление, которое стучало совсем как пишущая машинка, когда его вовсе не было дома. Черт возьми, неужели вы думаете, что кинокамера может работать самостоятельно, если вам вздумается отлучиться?

— Но это же нелепо! — воскликнула Марджори так, словно она не могла больше вынести этого мучения. — Я видела тебя. Я знаю, что ты был там. Неужели вы допускаете, что это возможно?

Эллиот изобразил свою самую бесстрастную улыбку:

— Мисс Уиллс, я же ничего не говорил. Все эти предположения исходят от профессора. И все-таки мы могли бы рассмотреть это обстоятельство хотя бы для того, — он был само сочувствие, — хотя бы для того, чтобы все выяснить. Ведь в комнате было темно, верно?

Профессор Ингрем ответил ему, прежде чем другие успели раскрыть рот:

— Первые двадцать секунд было действительно очень темно, до того момента, как Чесни открыл эти раздвижные двери. После этого в комнате стало гораздо светлее: туда попадал свет юпитера, отражаясь от дальней стены кабинета, так что

нельзя сказать, что там было абсолютно темно. Вполне возможно было разглядеть очертания, что, я надеюсь, подтвердят мои товарищи.

— Одну минутку, сэр. Как вы сидели?

Профессор Ингрем встал и аккуратно расставил три кресла в ряд на расстоянии трех футов одно от другого. Кресла стояли лицом к двери в восьми-девяти футах от нее, так что общее расстояние от кресел до Маркуса составляло примерно пятнадцать футов.

— Чесни сам расставил кресла, прежде чем мы вошли в комнату, — объяснил профессор Ингрем, — и мы их не двигали. Я сидел здесь, с правого края, ближе всего к свету. — Он положил руку на спинку кресла. — Марджори сидела в середине, а Хардинг — с другого края.

Эллиот осмотрел расположение кресел. Затем повернулся к Хардингу.

— А почему вы забрались так далеко влево? — спросил он. — Разве не удобнее было бы снимать от центра? С этого положения вы не могли поймать в объектив Немо, когда он входил в комнату с лужайки.

Хардинг стер пот со лба.

— Помилуйте, откуда мне было знать, черт возьми, что здесь произойдет? — спросил он. —

Мистер Чесни не говорил, на что особенно обращать внимание, чего ждать. Он просто сказал: «Садитесь сюда», и, я надеюсь, вы не думаете, что я стал с ним спорить. Нет, мальчик Джорджи знает свое место. Я сидел — нет, не сидел, стоял, — я стоял примерно вот здесь; и мне было достаточно хорошо видно.

— Господи, ну к чему все эти разговоры? Что толку спорить? — сказала Марджори. — Конечно он был здесь. Я видела, как он наклонялся и снова распрямлялся, чтобы поймать в кадр то, что хотел снять. И я тоже была здесь. Разве нет?

— Были, были, — подтвердил профессор Ингрем примирительно. — Я чувствовал вас.

— Что? — спросил Хардинг.

Лицо профессора Ингрема приобрело кровожадное выражение.

— Я чувствовал ее присутствие, молодой человек. Слышал ее дыхание. Я мог протянуть руку и коснуться ее. Правда, на ней было черное платье, но, если вы заметили, у нее очень белая кожа, так что руки и лицо были видны так же отчетливо, как ваша рубашка. — Он откашлялся и обернулся к Эллиоту. — Я вот что пытаюсь вам втолковать, инспектор: ни тот ни другая не выходили из комнаты ни на минуту. Хардинга я все время видел

краем глаза. К Марджори мог бы прикоснуться в любой момент. Так вот, могут ли они сказать то же обо мне?

Он вежливо склонил голову в сторону Марджори, пристально глядя ей в глаза. Эллиот подумал, что он похож на врача, который щупает у больного пульс: лицо приняло напряженно-сосредоточенное выражение.

— Конечно, вы были рядом с нами! — воскликнула Марджори.

— Вы в этом уверены? — настойчиво спрашивал Эллиот.

— Абсолютно уверена. Я видела его рубашку и лысину, — решительно продолжала она, — и… ах, да все я видела, все! И слышала, как он дышит. Вам когда-нибудь приходилось присутствовать на спиритическом сеансе? Неужели вы бы не почувствовали, если бы кто-нибудь из группы вдруг вышел из комнаты?

— А вы что скажете, мистер Хардинг?

Хардинг колебался.

— Сказать по правде, у меня в руках почти все время был аппарат, я смотрел в видоискатель и не мог видеть, что делается вокруг. Впрочем, стоп, погодите… — Он стукнул кулаком в ладонь левой руки, и у него на лице появилось выражение

облегчения так неожиданно и внезапно, словно где-то внутри повернулось колесико и сразу изменило картину. — Да-да! Постойте, не торопите меня. Как раз после того, как этот тип в цилиндре вышел из кадра, я поднял голову, отступил назад и выключил камеру. Отходя назад, я наткнулся на кресло, обернулся, — он показал жестом, как это было, — и… я отчетливо видел Марджори. Во всяком случае, было видно, как блестят глаза. Может быть, это недостаточно точно звучит, но вы понимаете, что я хочу сказать. Конечно, я все время знал, что она находится здесь, я слышал, как она сказала: «Не надо», и я, конечно же, видел ее. Кроме того, — его широкая улыбка осветила, казалось, всю комнату, — вы же прекрасно знаете, что ее рост не может составлять ни пяти футов девяти дюймов, ни тем более шести футов. О чем мы, собственно, говорим?

— А меня вы видели? — спросил профессор Ингрем.

— А? — произнес Хардинг, не отрывая глаз от Марджори.

— Я говорю: меня вы видели в темноте?

— О, конечно. Мне кажется, вы пытались посмотреть на часы, наклонились над ними. Разумеется, вы там были.

Хардинг весь светился каким-то необычайным оживлением. Так и казалось, что он вдруг важно пройдется по комнате, засунув большие пальцы в проймы жилета.

А у Эллиота было такое чувство, что он погружается в еще более густой туман. Все это дело — психологическая трясина. И тем не менее он готов был поклясться, что эти люди говорят правду или, по крайней мере, им так кажется.

— Вы видите перед собой случай, — объяснял профессор Ингрем, — корпоративного алиби необычайной прочности. Ни один из нас не мог совершить это преступление, это просто невозможно. Это краеугольный камень, на котором вы должны строить свои заключения, каковы бы они ни были. Вы, конечно, можете сомневаться в том, что мы говорим, но нет ничего проще это проверить. Восстановите картину. Посадите нас в кресла в прежнем положении, включите в соседней комнате этот юпитер — и вы сами увидите, что ни один из нас не может выйти из комнаты, оставшись незамеченным.

— Боюсь, что мы не сможем этого сделать, сэр, — сказал Эллиот. — Разве что у вас есть запасная лампочка для юпитера. Та, что была, только что перегорела. Кроме того…

— Но… — воскликнула Марджори. Она остановилась на полуслове, с удивлением глядя на закрытую дверь.

— …Кроме того, — продолжал Эллиот, — возможно, что вы — не единственные, у кого имеется алиби. Есть одна вещь, мисс Уиллс, которую мне хотелось бы у вас выяснить. Несколько минут тому назад вы сказали, что абсолютно уверены в том, что часы в кабинете показывают правильное время. Почему вы так в этом уверены?

— Прошу прощения?

Эллиот повторил свой вопрос.

— Потому что они сломаны, — ответила Марджори, выходя из задумчивости. — Дело в том, что эта штучка — не знаю, как она там называется, — ну та, которая переводит стрелки, отломалась, так что теперь вообще никак нельзя изменить время, а часы эти всегда шли совершенно точно, минута в минуту, с тех самых пор, как мы их приобрели.

Профессор Ингрем начал тихонько смеяться.

— Понятно. А когда они сломались, мисс Уиллс?

— Вчера утром. Памела — это одна из наших горничных — отломала эту штучку, когда прибирала в кабинете дяди Маркуса. Она заводила

часы, а в другой руке у нее был металлический подсвечник, и они случайно стукнулись друг о друга, и эта штучка отломалась. Я думала, дядя Маркус придет в ярость. Понимаете, он позволял прибирать в своем кабинете только раз в неделю. Там находятся все его деловые бумаги и счета, а кроме того, рукопись, над которой он работал и которую нам не разрешалось трогать. Но этого не случилось.

— Чего не случилось?

— Он не рассердился. Как раз наоборот. Он вошел в кабинет в тот момент, когда это случилось. Я сказала, что мы можем послать часы к Симмондсу в город, чтобы их там починили. А он постоял, посмотрел на часы некоторое время, а потом вдруг рассмеялся. «Нет-нет, — сказал он, — не трогайте их, они сейчас показывают правильное время, стрелки нельзя перевести, это просто замечательно». Часы эти с восьмидневным заводом, как раз в тот день их заводили. Кроме того, он сказал, что Памела — отличная девушка и что она будет утешением для своих родителей в старости. Вот почему я так хорошо все это запомнила.

«Очень интересно, — размышлял инспектор-детектив Эллиот, — почему это человек стоит

смотрит на часы и вдруг начинает хохотать?» Однако ему некогда было задумываться. В этот момент, словно ему мало было забот, в дверях, ведущих в коридор, показался майор Кроу.

— Можно вас на минутку, инспектор? — спросил он несколько странным тоном.

Эллиот вышел из комнаты и закрыл дверь. Коридор был просторный, обшитый панелями из светлого дуба, с широкой пологой лестницей; пол был натерт до такого блеска, что в нем отражались уголки ковров. Там горела одна-единственная лампа, отбрасывая лужицу света возле лестницы и освещая телефон, стоявший на подставке на полу.

На лице майора Кроу по-прежнему сохранялось обманчиво-спокойное выражение, однако глаза его злорадно поблескивали. Он кивнул в сторону телефона.

— Я только что разговаривал с Билли Эмсвортом, — сказал он.

— Билли Эмсвортом? А кто это такой?

— Это тот человек, у которого сегодня ночью родила жена. И роды принимал Джо Чесни; вы понимаете? Я знаю, что сейчас уже очень поздно, однако я подумал, что Эмсворт, вероятно, еще не ложился, что он позвал гостей и празднует

рождение ребенка. Так оно и оказалось, и я с ним поговорил. Я, конечно, ничего ему не сказал о наших делах, просто принес свои поздравления; очень надеюсь, что он не задумается над тем, с чего это мне понадобилось звонить для этого в два часа ночи. — Майор Кроу сделал глубокий вздох. — Ну так вот, если эти часы в кабинете идут верно, у Джо Чесни абсолютно железное алиби.

Эллиот ничего не сказал. Он этого ожидал.

— Ребенок появился на свет около четверти двенадцатого. После этого Джо Чесни еще сидел и разговаривал с Эмсвортом и его друзьями почти до полуночи. Все они посмотрели на часы, когда он уходил. Когда Эмсворт закрывал за ним дверь, часы на церкви как раз били двенадцать; и Эмсворт, стоя на пороге своего дома, произнес речь, приветствуя зарю нового, более светлого и счастливого дня. Таким образом время, когда он вышел от Эмсвортов, точно установлено. Дальше. Эмсворт живет в другом конце Содбери-Кросс. Джо никоим образом не мог оказаться здесь во время убийства. Что вы об этом думаете?

— Только одно, сэр: у всех у них есть алиби, — сказал Эллиот и ввел его в курс событий.

— Хм, — произнес майор Кроу.

— Да, сэр, — согласился Эллиот.

— Все это крайне затруднительно.

— Да, сэр.

— Чертовски затруднительно! — зарычал главный констебль. — Как вы думаете, это правда, что там было абсолютно темно и невозможно было видеть, кто что делает?

— Это мы, естественно, должны проверить. — Эллиот нерешительно помолчал. — Но я и сам заметил, что яркий свет в соседней комнате совершенно меняет дело. Я лично не считаю, что там было так уж темно, что можно было бы незаметно выскользнуть из комнаты. Честно говоря, сэр, я им верю.

— А вы не думаете, что они все трое сговорились и сочинили всю историю?[10]

— Все возможно. Однако…

— Вы так не думаете?

Эллиот решил, что надо быть осторожным.

— По крайней мере, — сказал он, — мне кажется, что не следует сосредоточивать все наше внимание исключительно на членах этой семьи.

---

**[10] Notes: 10**

«Всякая попытка сговора, имеющего целью обмануть правосудие путем дачи заведомо ложных показаний, бессмысленна, мало того, она только вызывает раздражение», — говорил в свое время доктор Фелл. В связи с этим я считаю своим долгом заявить, что между этими тремя свидетелями никакого сговора не было. Каждый говорил самостоятельно, не вступая в соглашение с кем-либо из двух других. — *Примеч. Дж. Д. К.*

Необходимо расширить сферу поисков. Этот таинственный чужак во фраке кажется, в конце концов, вполне реальным. А почему бы и нет, черт возьми?

— Я вам скажу почему, — холодно проговорил Кроу. — Потому что мы с Бостуиком только что обнаружили вещественное доказательство — вы понимаете, доказательство! — которое показывает, что убийца либо член этой семьи, либо человек, тесно с ней связанный.

У Эллиота появилось иррациональное ощущение, что здесь что-то не так, что дело плохо, что он смотрит на эти события через искажающие очки; а главный констебль тем временем подвел его к лестнице. Вид у майора Кроу был несколько виноватый.

— Это, конечно, против правил. Совсем даже незаконно, — сказал он, цокая языком, — однако дело сделано, и сделано неплохо. Когда Бостуик отправился наверх, чтобы выяснить, пришел ли в себя Эммет и можно ли с ним поговорить, он подумал, что неплохо было бы заглянуть в ванную. И вот там, в шкафчике для лекарств, он обнаружил коробочку капсул с касторовым маслом.

Тут он вопросительно посмотрел на Эллиота.

— Может быть, это не так уж важно, сэр. Нас-

колько я понимаю, эти капсулы — вещь довольно обычная.

— Согласен, согласен! Но погодите. На одной из полок, в самой глубине, за флаконом с ароматическим полосканием, Бостуик обнаружил бутылочку синильной кислоты, заполненную только на три четверти.

Я знал, что это вас ошарашит, — проговорил майор Кроу с некоторым удовлетворением. — Меня, во всяком случае, это потрясло. Это особенно важно теперь, когда, как вы говорите, у всех есть алиби. И заметьте, это не какой-нибудь слабый раствор, это настоящая синильная кислота, самый быстродействующий яд на свете. По крайней мере, мы так считаем. Вест распорядился, чтобы ее отдали на анализ, однако он и так вполне уверен. Кислота стояла там, в шкафчике, с настоящей наклейкой «Синильная кислота, HCN». Бостуик посмотрел на нее и не поверил собственным глазам. Он вытащил пробку из бутылочки, но, как только почувствовал легчайший запах, моментально воткнул пробку на место — никогда в жизни он ничего не делал так быстро. Он слышал, что достаточно глубоко вдохнуть запах синильной кислоты — и это может оказаться смертельным. Вест говорит, что это верно.

Посмотрите-ка на эту прелесть.

С большой осторожностью он пошарил у себя в кармане и достал крошечную бутылочку, заткнутую пробкой так глубоко, что она почти сравнялась с краями. Он наклонил бутылочку, показывая бесцветную жидкость, которая в ней находилась. К бутылочке был приклеен клочок бумаги, на котором была отчетливо выведена чернилами надпись: «Синильная кислота, HCN». Майор Кроу поставил ее на телефонный столик под лампу и попятился назад — так, как будто бы он только что поджег особенно мощную ракету-шутиху.

— Отпечатков пальцев нет, — пояснил он. — Не подходите слишком близко, — нервно добавил он. — Разве вы не чувствуете запаха? Она и сейчас пахнет.

Эллиот чувствовал.

— Но где же ее сумели раздобыть? — спросил он. — Вы слышали, что сказал доктор Вест? Достать чистую синильную кислоту — вещь почти невозможная для обычного человека, неспециалиста. Единственный, кто мог бы…

— Да. Специалист. Скажем, ученый-химик. Да, кстати, а чем занимается этот Хардинг?

Именно в этот момент, к счастью или к несча-

стью, в холл из музыкальной комнаты вошел этот самый Хардинг.

Когда Эллиот с ним расстался несколько минут тому назад, он был в особенно приподнятом, самодовольном расположении духа. Это настроение не изменилось, хотя он находился совсем рядом с бутылочкой, стоявшей на столе, и, вероятно, мог прочесть то, что было написано на ярлыке. Он облокотился о косяк двери, словно готовясь к тому, что его будут фотографировать. Затем, почтительно улыбаясь, подошел к главному констеблю.

— HCN? — спросил он, указывая на бутылочку.

— Так, по крайней мере, написано, молодой человек.

— Могу ли я спросить, где вы это нашли?

— В ванной комнате. Не вы ее туда положили?

— Нет, сэр.

— Но вы ведь используете такие вещи в вашем деле, разве не так?

— Нет, — решительно ответил Хардинг. — Синильную кислоту я не использую, честно вам говорю. Я использую KCN, цианистый калий, и в большом количестве. Я работаю в области гальванопластики, в области тех процессов, которые делают искусственное серебро неотличимым от

настоящего. Если я сумею реализовать мое открытие самостоятельно, если мне удастся получить финансовую поддержку так, чтобы не связываться с крупными воротилами, я совершу настоящий переворот в этой области. — В его тоне не было и тени хвастовства, это была констатация факта. — HCN я не использую. Она мне не нужна.

— Ну что же, откровенность есть откровенность, — сказал майор Кроу несколько мягче. — И тем не менее вы ведь могли бы и изготовить синильную кислоту, верно?

— Конечно мог, — сказал Хардинг. Он говорил с напряжением, старательно двигал челюстями, выговаривая слова, и Эллиот невольно подумал, что в детстве он, должно быть, заикался — недостаток, который впоследствии преодолел, как и все прочие препятствия на своем пути. — Так же как и любой другой на моем месте.

— Я вас не понимаю, молодой человек.

— Но послушайте! Что нам нужно для того, чтобы получить HCN? Я вам скажу. Нужна красная кровяная соль — ее можно купить где угодно, поскольку она абсолютна безвредна. Нужно купоросное масло, которое больше известно как серная кислота. Возьмите аккумуляторную батарею любого автомобиля и отлейте немно-

го. Нужна обыкновенная вода. Соедините эти три элемента при помощи процесса перегонки, который может осуществить любой младенец, используя посуду из бабушкиной кухни, и вы получите — вот то самое, что в этой бутылочке. Эту операцию может проделать любой человек, держа перед глазами элементарный учебник химии.

Майор Кроу с беспокойством посмотрел на Эллиота:

— И это все, что нужно для получения синильной кислоты?

— Все. Впрочем, вы можете не верить мне на слово. Дело в том, сэр… в этом доме что-то неладно. Не можете ли вы мне сказать… вот вы говорили, что нашли эту штуку в ванной комнате. Меня это не удивляет. Меня ничто не удивляет, это уже пройденный этап. Но неужели все-таки эта бутылка просто так валялась в ванной — как тюбик пасты, мыло и все такое?

Майор Кроу развел руками. Ему тоже приходила в голову эта мысль.

— Какой странный дом, — сказал Хардинг, осматривая прекрасный изящный холл. — На вид как будто бы все в порядке. Но что-то в нем неладно в химическом отношении. Я здесь че-

ловек пришлый, — я это чувствую. А теперь... мм... вы меня извините, я пройду в столовую и выпью рюмочку виски. И я молюсь всем святым, чтобы в нем с химической точки зрения все было в порядке.

Его шаги громко щелкали по паркетному полу, бросая вызов привидениям. Лужица света дрожала около лестницы, лужица яда дрожала в бутылочке; наверху невнятно бормотал человек с сотрясением мозга, а внизу два сыщика смотрели друг на друга.

— Непросто, — сказал майор Кроу.

— Согласен, — подтвердил Эллиот.

— У вас есть две нити, инспектор, две определенные нити. Завтра молодой Эммет, возможно, придет в сознание и будет в состоянии рассказать, что с ним произошло. И у вас есть кинофильм. Я велю проявить для вас пленку к завтрашнему дню. В Содбери-Кросс есть один человек, который занимается такими вещами, и вы сможете точно установить, что произошло во время представления. Я не знаю, чем вы еще располагаете, кроме этого, и заметьте — я говорю «вы». У меня есть свои собственные дела. Завтра, даю вам в этом честное слово, я больше не вмешиваюсь. Дело это ваше, и я желаю вам повеселиться.

Эллиот не чувствовал ни малейшей склонности веселиться, на это у него были свои, сугубо личные причины. Но с точки зрения общественной, служебной, все это сводилось к одной проблеме, к одному моменту, который виделся ярким черным пятном на белом фоне, совсем как отпечаток пальца.

Маркуса Чесни убил человек, который, скорей всего, находится в этом доме.

И в то же время у каждого, кто находился в этом доме, было непробиваемое алиби.

Кто же, в конце концов, совершил это убийство?

Каким образом оно было совершено?

— Именно так, — согласился главный констебль. — Что ж, постарайтесь все это выяснить, используя свои собственные добродетельные методы. А у меня все равно есть четыре вопросика; я бы отдал двадцать фунтов, если бы кто-нибудь мне на них ответил точно и ясно, вот на этом самом месте.

— Да, сэр?

Майор Кроу стряхнул с себя свой строгий официальный вид. Голос его поднялся чуть ли не до вопля:

— Зачем нужно было заменять зеленую короб-

ку на синюю? Что случилось с этими проклятыми часами? Какого роста был этот тип в цилиндре? И наконец, зачем, Господи, ну зачем понадобилось Чесни забавляться с этой заморской метательной стрелкой, которую никто не видел ни до, ни после этого?

# Глава десятая
# Девушка в Помпеях

В одиннадцать часов следующего утра инспектор Эллиот приехал в Бат и остановил машину возле отеля «Бо Нэш», который находится во дворике, как раз напротив входа в римские бани.

Те, кто говорит, что в Бате постоянно идет дождь, нагло клевещут на этот благородный город, где высокие дома восемнадцатого века похожи на важных старух восемнадцатого века, которые презрительно закрывают глаза при виде поездов и автомобилей. Однако в то самое утро (чтобы быть абсолютно точным) дождь лил как из ведра. Эллиот, когда он нырнул в подъезд отеля, находился в таком удрученном состоянии духа, что ему непременно нужно было поделиться с кем-нибудь своими сомнениями и тревогами или же отказаться вести это дело, объяснив комиссару причину.

Сказать по правде, он мало спал прошлую ночь. А наутро, с восьми часов, снова началась привычная работа по расследованию этого преступления. Но у него все время стояло перед

глазами лицо Уилбера Эммета, его прилизанные волосы, красный нос, кожа, покрытая пятнами. Он метался в бреду и бормотал какие-то слова, ни одно из которых невозможно было разобрать. Это было последнее мучительное впечатление прошлой ночи.

Эллиот подошел к конторке дежурного портье и спросил, в каком номере остановился доктор Гидеон Фелл.

Доктор Фелл был дома, в своей комнате. Несмотря на поздний час, что, к сожалению, приходится констатировать, день доктора Фелла еще не начался. Эллиот нашел его за столом, он сидел в халате из легкой фланели, просторном и широком, как палатка, пил кофе, курил сигару и читал детективный роман.

Пенсне доктора Фелла на широкой черной ленте прочно сидело у него на носу. Его бандитские усы шевелились от напряжения, щеки то надувались, то опадали, легкие толчки глубокого дыхания колыхали его огромный халат, расцвеченный красными цветами, в то время как он пытался угадать, кто убийца. Когда вошел Эллиот, он поднялся огромной волной, едва не опрокинув стол, словно Левиафан, восстающий из пучины морской. Лицо его озарилось такой си-

яющей приветливой улыбкой, что Эллиот сразу же почувствовал себя лучше.

— Вау! — воскликнул доктор Фелл, тряся его руку. — Это отлично! Клянусь всем, что для меня свято, это просто великолепно. Садитесь, садитесь, садитесь… Съешьте что-нибудь. Съешьте все, что здесь приглянется. Что скажете?

— Комиссар Хэдли сказал мне, где можно вас найти, сэр.

— Совершенно верно, — сказал доктор Фелл, загадочно посмеиваясь и привольно откинувшись на спинку кресла, чтобы как следует рассмотреть Эллиота, как будто перед ним было какое-то необыкновенное явление, с которым ему еще не приходилось встречаться. Его восторг оживлял всю комнату. — Я принимаю воды. У этого выражения удивительное звучание, оно пахнет приключениями. «Завтра в беспредельное мы уходим море». Однако сама процедура такова, что похвастаться нечем, и у меня редко возникает желание затянуть застольную песню после десятой или пятнадцатой пинты[11].

— Неужели вам приходится пить ее в таких количествах, сэр?

---

**[11] Notes: 11**
В Великобритании пинта равна 0,568 литра.

— Все, что пьется, должно поглощаться именно в таких количествах, — твердо заявил доктор Фелл. — Если я не могу делать что-то как следует, я не стану делать этого вообще. А вы как поживаете, инспектор?

Эллиот ответил не сразу, набираясь храбрости.

— Бывало и получше, — сказал он наконец.

— О, вот как, — сказал доктор Фелл. Сияющая улыбка сползла с его лица, и он моргнул. — Вы, верно, явились сюда в связи с делом Чесни?

— А вы о нем слышали?

— Хм… да, — сказал доктор Фелл, фыркнув. — Мой официант очень славный парень, глухой как пень, так что никогда не слышит звонка, но зато так здорово читает по губам, что это настоящее искусство, — рассказывал мне о нем сегодня утром. Он услышал это от молочника, а тот — уж не помню от кого. Между прочим, я… ну, в общем, я был знаком с Чесни. — У доктора Фелла был встревоженный вид. Он потер пальцем свой блестящий коротенький нос. — Я познакомился с Чесни и со всем его семейством на одном приеме примерно полгода назад. А потом он написал мне письмо.

Доктор снова нерешительно замолчал.

— Если вы знаете его семью, — медленно про-

говорил Эллиот, — это облегчает дело. Я пришел к вам сюда не только из-за этого убийства, у меня к вам есть личное дело. Я не знаю, что на меня нашло и что мне с этим делать, но я в большом затруднении. Вы знаете Марджори Уиллс, племянницу Чесни?

— Да, — сказал доктор Фелл, устремив на него свои острые маленькие глазки.

Эллиот поднялся на ноги.

— Я в нее влюбился! — крикнул он во весь голос.

Он понимал, что выглядит весьма и весьма странно: стоит тут и кричит, выкрикнул свою новость так, словно швырнул доктору в лицо тарелку; уши его пылали. Если бы доктор Фелл в этот момент усмехнулся, если бы доктор Фелл велел ему перестать кричать, он бы, вероятно, просто вышел вон из комнаты — по велению своей капризной шотландской гордости. С этим ничего нельзя было поделать, он так чувствовал. Однако доктор Фелл просто кивнул головой.

— Вполне понятная вещь, — проговорил он тоном, в котором понимание удивительно сочеталось с удивлением. — Ну и что?

— Раньше я видел ее всего два раза, — кричал Эллиот, глядя в лицо доктора твердо и решив

высказать все до конца. — Один раз это было в Помпеях, а другой раз в… впрочем, в настоящий момент это не важно. Как я вам уже сказал, я просто не знаю, что на меня нашло. Я ее не идеализирую. Когда я снова ее увидел теперь уже, ночью, я даже не мог как следует вспомнить, как она выглядела тогда, в те два раза. У меня есть некоторые основания предполагать, что она отравительница, убийца, что у нее на совести предательство и лицемерие. Но я случайно встретился с их компанией в одном месте в Помпеях — вы не знаете об этом, но я там был, — и вот она стояла в каком-то садике, без шляпы, вся освещенная солнцем, и я смотрел на нее, а потом повернулся и пошел прочь. Может быть, дело в том, как она двигалась, как говорила, как повернула голову: что-то было, ничего не было, я сам не знаю, что это такое.

У меня не хватило бы нахальства пойти за ними и попытаться завязать знакомство, хотя этот Хардинг так, по-видимому, и сделал. Не знаю почему, я не мог себя заставить подойти и познакомиться. Не только потому, конечно, что я слышал, как они обсуждали вопрос ее замужества с этим самым Хардингом. Помилуй Бог, я даже не думал об этом. Если у меня и были какие-то

мысли о нем, я, скорее всего, подумал: «Вот черт, везет же людям!» — и больше ничего. Я только знал, что, во-первых, я влюблен в эту женщину и, во-вторых, что нужно выбросить это из головы, потому что это все глупости. Вам, наверное, это непонятно.

В комнате было тихо, слышалось лишь свистящее дыхание доктора Фелла и шум дождя за окном.

— Вы очень плохо обо мне думаете, — серьезно заговорил доктор Фелл, — если считаете, что я не понимаю. Продолжайте.

— Вот и все, сэр. Я так и не выбросил это из головы.

— Так уж и все?

— Ну ладно. Вы хотите узнать о том, как я увидел ее во второй раз? Это был рок. Я всем нутром своим чувствовал, что это должно случиться. Вы встречаете кого-то, потом вы стараетесь забыть этого человека, и вот вам — тут же на него натыкаетесь. В следующий раз я увидел ее пять дней назад в маленьком аптечном магазинчике возле доков Короля Альберта.

Когда я видел их в Помпеях, я случайно услышал, как мистер Чесни упомянул название парохода, на котором они собирались плыть

домой, в Англию, и день его прибытия. Я уехал из Италии на следующий день поездом и вернулся домой на неделю, и даже больше, раньше, чем они. В прошлый четверг, двадцать девятого числа, мне случилось быть поблизости от королевских доков, я был там в связи с одним расследованием. — Эллиот замолчал. — Я даже вам не могу сказать всю правду, верно? — с горечью спросил он. — Да-да, я нашел предлог для того, чтобы оказаться там именно в тот день, но все остальное, вероятно, просто совпадение, — впрочем, вы можете судить об этом сами.

Эта аптека под подозрением. Там было что-то неладно с книгой регистрации. Продажа ядов и наркотических средств в этой аптеке значительно превышала нормы, именно поэтому я там и оказался. Я вошел в аптеку и попросил аптекаря показать мне книгу регистрации ядов. Он сразу мне ее показал и посадил меня за стол в маленькой комнатке позади прилавка, отгороженной от самой аптеки полкой, заставленной бутылками, чтобы я мог спокойно ее посмотреть. В то время как я изучал эту книгу, в аптеку вошла покупательница. Я не мог ее видеть, и она не видела меня. Она думала, что в аптеке, кроме нее, никого нет. Это была Марджори Уиллс, она пришла,

чтобы купить цианистого калия для занятий фотографией, как она объяснила.

Эллиот снова замолчал.

Он не видел комнаты в отеле «Бо Нэш». Он видел жалкую лавчонку в тусклом свете пасмурного дня, чувствовал легкий запах лекарств, который впоследствии всегда ассоциировался у него с этим случаем. От пола пахло креозотом; приземистые стеклянные банки слегка светились, а на стене, в тени, висело засиженное мухами зеркало. В этом зеркале он увидел отражение Марджори Уиллс, которая робко подошла к прилавку и спросила цианистого калия «для фотографических целей».

— Возможно, из-за того, что в аптеке находился я, — продолжал Эллиот, — аптекарь стал ее расспрашивать, для чего именно ей нужен цианистый калий и как она собирается его использовать. Ее ответы показали, что она имеет такое же понятие о фотографии, как я, например, о санскрите. На стене висело зеркало. Как раз в тот момент, когда она окончательно запуталась, она случайно в него взглянула. Вероятно, она меня увидела, хотя в то время мне казалось, что она не могла меня как следует рассмотреть, да и сейчас я в этом не уверен. Только она вдруг обозвала аптекаря… впрочем, не важно, как она его

назвала… и выбежала из аптеки. Хорошенькое дело, верно?! — с яростью заключил он.

Доктор Фелл ничего не сказал.

— Мне все-таки кажется, что у этого аптекаря не все чисто, — медленно проговорил Эллиот, — хотя я так ничего и не нашел. И в довершение всего комиссар Хедли навязал мне — *мне!* — дело об отравлении в Содбери-Кросс, о котором я (благодаря вам) уже прочел все, что можно, в старых газетных подшивках.

— Вы не отказались принять это дело?

— Нет, сэр. Разве мог я от него отказаться? По крайней мере, не сообщив комиссару то, что мне известно?

— Хм…

— Да. Вы считаете, что меня надо вышибать из отдела; вы совершенно правы.

— Господи, конечно же нет, — сказал доктор Фелл, широко раскрывая глаза. — Эта ваша проклятая щепетильность и совесть вас в конце концов погубят. Перестаньте говорить чепуху и продолжайте.

— Когда я ехал сюда прошлой ночью, я старался найти выход из положения, придумывая самые разные варианты. Некоторые из них были настолько безумны, что меня корежит, когда я

сейчас о них вспоминаю. Собирался, например, зарубить все показания, которые свидетельствуют против нее. У меня даже была мысль сбежать вместе с ней на какой-нибудь остров в южных морях.

Эллиот замолчал. А доктор Фелл продолжал сочувственно кивать головой, славно он понимал всю основательность подобных решений; и с чувством невероятного облегчения, наполнившего все его существо, Эллиот продолжал:

— Я надеялся, что главный констебль — его зовут майор Кроу — ничего не заметит. Но я, наверное, с самого начала действовал как-то странно, а раз или два попросту сел в калошу. Хуже всего было то, что девушка едва не узнала меня. В общем-то, она меня не узнала, — по крайней мере, она не ассоциировала меня с отражением в зеркале в той аптеке. Но она знает, что где-то меня видела, и все время пытается вспомнить, где именно.

Что касается остального, я старался подойти к этому делу без предубеждения — снова компромисс, а? — и вести его так, как я бы вел самое обычное дело. Удалось мне это или нет, не знаю, но, как видите, я нахожусь здесь.

Доктор Фелл задумался.

— Скажите мне вот что. Если отвлечься от отравленных конфет в кондитерской лавке, обнаружили вы вчера ночью что-нибудь, что заставило вас подозревать ее в этом очередном убийстве?

— Нет! В этом все и дело. У нее алиби надежное, как каменный дом.

— Так о чем же мы, черт возьми, спорим? Отчего вы не поете веселые песни?

— Не знаю, не знаю, сэр. Только это дело такое странное, запутанное и подозрительное, что его сразу не размотаешь. Словно ящик с секретами, сплошные трюки и ловушки — с самого начала и до конца.

Доктор Фелл откинулся на спинку кресла, взял сигару и сделал несколько глубоких затяжек. На лице его установилось яростно-сосредоточенное выражение. Он свободно расправил плечи и еще несколько раз затянулся, словно для того, чтобы придать больше веса своим словам. Даже лента на его пенсне колыхалась, до такой степени он был возбужден.

— Давайте, — сказал он, — исследуем вашу эмоциональную проблему. Нет-нет, не бегите от этого. Возможно, это просто увлечение, а может быть, и нечто настоящее, но, что бы это ни было,

я хочу задать вам вопрос. Предположим, что эта девушка — убийца. Одну минутку! Я сказал: предположим, что эта девушка — убийца. Вы понимаете, это преступление не относится к числу тех, для которых мы охотно находим оправдание. Даже не то преступление, которое совершается естественно, непроизвольно. Это преднамеренно, расчетливо подготовленное преступление, и держать в доме человека, совершающего такие поступки, так же опасно, как держать королевскую кобру. Очень хорошо. Предположим, что эта девушка виновна. Вы хотите в этом убедиться?

— Не знаю.

— И тем не менее вы согласны, что все равно это выяснить необходимо?

— Полагаю, что да.

— Хорошо, — сказал доктор Фелл, еще несколько раз затягиваясь сигарой. — Теперь посмотрим на это дело с другой стороны. Допустим, что эта девушка полностью невиновна. Нет-нет, я чувствую, что вам хочется тайком вздохнуть с облегчением, — не спешите это делать, сохраняйте благоразумие в своих романтических мечтаниях. Допустим, что эта девушка полностью невиновна. Что в таком случае собираетесь делать?

— Я вас не понимаю, сэр.

— Вы говорите, что полюбили ее?

Тут Эллиот понял, о чем идет речь.

— О, в эти игрушки я не играю, — сказал он. — Я не льщу себя надеждой на то, что у меня есть хотя бы один шанс. Вы бы видели, какое у нее лицо, когда она смотрит на этого Хардинга. Я это видел. Должен вам сказать, сэр, самое трудное, что было у меня вчера вечером, — это быть справедливым по отношению к Хардингу. Я ничего не имею против него; похоже, что он вполне приличный человек. Могу сказать только одно: во мне самом, в моем воспитании есть что-то такое, отчего каждый раз, когда мне приходится разговаривать с Хардингом, у меня скулы сводит, во мне закипает раздражение.

Он снова почувствовал, что у него горят уши.

— Кроме того, у меня вчера ночью рождались в голове самые фантастические планы. Я вообразил себе драматическую сцену, как я арестовываю Хардинга — да-да, и наручники, и все такое прочее, — а она смотрит на меня и… словом, все глупости, которые естественно лезут в голову идиота. Но разрубить эмоциональный узел далеко не так легко. Человеческому существу это недоступно. Хардинг просто ставит меня в тупик. Ну разве мыслимо совершить убийство,

когда в комнате, кроме тебя, еще двое и эти двое на тебя смотрят, а настоящий убийца — в другой комнате и тоже у всех на виду. Вполне возможно, что Хардинг — охотник за богатыми невестами (я думаю, что так оно и есть), но это всего лишь одно из проявлений человеческой мерзости, которое частенько встречается в жизни. Хардинг никогда не слышал о Содбери-Кросс, пока не встретил семейство Чесни в Италии. Значит, забудьте о Хардинге и главным образом не обращайте внимания на меня.

— Плюс к вашей совести, щепетильности… — наставительно заметил доктор Фелл, — вы должны также избавиться от вашей проклятой скромности. Это превосходное душевное качество, однако женщины его не переносят. Как бы то ни было, мы оставим это без внимания. Итак?

— Что — «итак»?

— Как вы теперь себя чувствуете?

И Эллиот вдруг ощутил, что он чувствует себя лучше, настолько лучше, что ему захотелось выпить чашечку кофе и закурить сигарету. Было такое впечатление, что в голове у него прояснилось и мысли сосредоточились. Он не понимал, что это такое, но даже комната, казалось, была окрашена в другой цвет.

— Так-с, — сказал доктор Фелл, почесывая нос. — Ну, что будем делать дальше? Вы забываете, мой милый, что меня познакомили с этим делом только в самых общих чертах, причем вы, в своем естественном возбуждении, пускали ваши стрелы таким образом, что они летели у меня над головой. Каковы ваши планы? Может быть, вы собираетесь бежать к Хэдли и каяться, как идиот? Или мы обратимся к фактам и посмотрим, что у нас получается? Я к вашим услугам.

— Согласен! — заорал Эллиот. — Согласен! Именно этим мы и займемся.

— Хорошо. В таком случае — садитесь сюда, — сурово приказал ему доктор Фелл, — и будьте любезны, расскажите мне все, черт возьми, все, что там произошло.

На это потребовалось полчаса, поскольку Эллиот, вновь обретя трезвую голову и практичность и в то же время не стыдясь самого себя, сумел познакомить своего собеседника со всеми обстоятельствами дела, включая самые мелкие факты. Он завершил свой отчет, рассказав о бутылочке с синильной кислотой, обнаруженной в ванной комнате.

— …Вот примерно и все, хотя мы находились в этом доме до трех часов ночи. Никто из них,

конечно, не имеет никакого касательства к этой синильной кислоте; клянутся, что понятия не имеют, как она очутилась в ванной; уверяют, что, когда одевались к обеду в тот вечер, ее там не было. Я, разумеется, заглянул к этому парню, к Эммету Уилберу, но он пока еще не пришел в чувство и не может ничем нам помочь.

У Эллиота сохранилось яркое впечатление от этой комнаты, столь аккуратной и в то же время столь же непривлекательной, как и сам Эммет. Он вспомнил длинную, тощую, беспокойно мечущуюся фигуру под простыней, резкий электрический свет, симметрично расставленные на туалетном столике флакончики с кремами для волос, аккуратно развешенные галстуки. На письменном столе лежала стопка писем и оплаченных счетов. Возле нее стояла небольшая плетеная корзинка, в которой Эммет носил свои прыскалки, маленькие ножнички, непонятные предметы, похожие, на взгляд Эллиота, на хирургические инструменты. Даже рисунок на обоях в этой комнате был в красновато-желтых тонах, напоминавших по цвету персики.

— Эммет непрерывно говорил, однако невозможно было разобрать ни единого слова, только раз или два он отчетливо произнес: «Марджори»,

после чего приходилось его успокаивать. Вот и все, сэр. Я вам рассказал решительно все, что мне известно, и мне хотелось бы знать, что вы обо всем этом думаете. Может быть, у вас получится нам объяснить, почему здесь все так неправильно, так непонятно, черт возьми.

Медленно и значительно доктор Фелл кивнул:

— Мне кажется, что могу.

# Глава одиннадцатая
# Лишние вопросы

— Однако раньше, прежде чем я это сделаю, — продолжал доктор Фелл, яростно тыкая в воздух своей сигарой, — я бы хотел прояснить один момент, по поводу которого я либо неправильно вас понял, либо была допущена грубая ошибка. Речь идет о финале спектакля, который придумал Чесни. Вот представьте себе: Чесни (вспомните-ка этот момент) только что открыл дверь и провозгласил, что представление окончено. Помните?

— Да, сэр.

— Затем профессор Ингрем ему говорит: «Кстати, кто это был, этот ваш коллега столь отвратительного вида?» На что Чесни отвечает: «О, это всего-навсего Уилбер, он помог мне все устроить». Правильно?

— Да, правильно.

— Есть ли у вас другие свидетельства по этому вопросу, кроме слов мисс Уиллс? — настаивал доктор. — Подтверждают ли это остальные?

— Да, сэр, — удивленно ответил Эллиот. — Я уточнил это, опросив всех, прежде чем ушел

домой.

Доктор Фелл слегка изменился в лице. Он сидел разинув рот, сигара его повисла в воздухе, широко открытые глаза устремлены на собеседника. Он сказал громовым шепотом, напоминающим порыв ветра в туннеле подземки:

— Клянусь Богом! Клянусь Богом! Клянусь моей благословенной шляпой! Не то!

— Что здесь неверно?

— Доставайте-ка быстренько список вопросов Чесни, — взволнованным голосом распорядился доктор Фелл. — Посмотрите на них. Изучите их! Устрашитесь! Разве вы не видите отсутствия логики?

Эллиот вглядывался в список, потом переводил глаза на лицо доктора Фелла, не понимая причины его возбуждения.

— Нет, сэр, боюсь, что не вижу. Может быть, голова у меня работает недостаточно…

— Верно, просто не работает, — серьезно подтвердил доктор. — Посмотрите на эти вопросы, молодой человек. Посмотрите внимательно. Разве вы не видите, что Чесни задал совершенно ненужный, даже нелепый вопрос?

— Который?

— Вопрос номер четыре. *«Какого роста был*

*человек, вошедший в комнату через стеклянную дверь?»* Черт все это побери! Ведь это один из короткого списка вопросов, тщательно продуманных и подготовленных; эти хитрые вопросы, коварные вопросы, вопросы, рассчитанные на то, чтобы застать человека врасплох. И вот пожалуйста, не дожидаясь начала, не дожидаясь того, когда будут задаваться эти вопросы, он спокойно сообщает им, кто *этот* человек. Улавливаете? Вы же приводили слова мисс Уиллс, которая сказала, что все они знают, какого роста Уилбер Эммет. Они жили бок о бок с ним, видели его каждый день. Поэтому, зная заранее, кто был этот посетитель, они не могли ошибиться в ответе на четвертый вопрос. Для чего же он так откровенно проболтался? Зачем подсказал им ответ на вопрос, прежде чем задать его?

Эллиот почувствовал себя неловко и мысленно выругался. Затем начал размышлять.

— Погодите-ка. А что, если в этом и заключается ловушка, сэр? — сказал он. — Предположим, что Эммет получил соответствующие инструкции: сгорбиться под плащом так, чтобы казаться на три дюйма ниже, чем на самом деле? Таким образом он подготовил для них западню. Когда он подсказывал им ответ, сообщив, что это Эммет,

он рассчитывал, что они попадутся в эту западню и скажут то, что им прекрасно известно, то есть что его рост — шесть футов. В то время как в действительности рост человека, сгорбившегося под плащом, не может быть больше чем пять футов девять дюймов.

— Возможно. — Доктор Фелл нахмурился. — Я готов согласиться, положа руку на сердце, что в этом маленьком спектакле больше ловушек, чем даже вы можете себе вообразить. Однако что касается Эммета, который сгорбился, чтобы уменьшить свой рост… я не могу этому поверить, инспектор. Описывая плащ, вы сказали, что он длинный и узкий. Единственный способ для того, чтобы казаться ниже ростом, — это подогнуть колени и тащиться мелкими шажками, шаркая при этом ногами. Пусть-ка кто-нибудь попробует это сделать незаметно, ведь колени будут торчать из-под плаща, как поршни, и двигаться он будет так неуклюже, что сразу станет ясно, в чем дело. А ведь напротив, все единодушно утверждают, что походка у него была прямая и твердая. Все возможно, конечно, я это признаю, однако…

— Вы хотите сказать, что рост этого человека был все-таки пять футов девять дюймов?

— Или, — сказал доктор Фелл несколько сухо-

вато, — есть и такая удивительная возможность, что рост его был действительно шесть футов. Это утверждают два свидетеля, как вы знаете. Во всех тех случаях, когда профессор Ингрем не согласен с остальными, противоречит им, вы автоматически верите профессору. Возможно, вы правы, что так поступаете. И в то же время… хм-ф… нельзя впадать в ошибку, рассматривая профессора Ингрема как некоего оракула или авгура, и считать, что все, им сказанное, так же верно, как Священное Писание.

Снова Эллиот задумался.

— А не может быть так, — предположил он, — что мистер Чесни нервничал и назвал имя Эммета невзначай, сам того не желая?

— Вряд ли, — сказал доктор Фелл. — Принимая во внимание то, что он тут же позвал Эммета и устроил скандал, когда тот не явился. Хм-ф… нет. Этому трудно поверить, инспектор. Ни один фокусник не станет с такой легкостью раскрывать свои карты, его не так-то легко напугать или вывести из равновесия до такой степени, чтобы он вдруг взял да и показал зрителям ту дверцу, через которую исчезает его партнерша. Чесни не произвел на меня впечатления человека, способного на такой поступок.

— Я бы тоже так о нем не подумал, — согласился Эллиот. — Но что это нам дает? Только еще одну загадку плюс ко всем прочим. Вы видите какой-нибудь просвет во всем этом деле?

— И не один. Сейчас, например, понятно, каким образом были отравлены конфеты в лавке миссис Терри, верно?

— Пусть меня повесят, сэр, если мне это понятно. Каким же образом?

Доктор Фелл поерзал в своем кресле. На лице его появилось страдальческое выражение — так мог бы огорчиться сам Гаргантюа. Он проделывал неопределенные жесты и издавал таинственные звуки, похожие на утробные.

— Послушайте, — заговорил он протестующим тоном. — Я не имею ни малейшего желания сидеть здесь этаким оракулом, вещать разные истины и демонстрировать перед вами свое превосходство. Я всегда ненавидел подобного рода снобизм, всегда буду сражаться против него до последнего. Однако я утверждаю, что все эти душевные неурядицы пагубно отразились на ваших умственных способностях.

Давайте-ка рассмотрим этот вопрос с отравленными конфетами у миссис Терри. Каковы его параметры? Каковы факты, которые мы можем

взять за основу? Во-первых, эти конфеты были отравлены в течение определенного времени, в течение дня, а именно семнадцатого июня. Во-вторых, их отравил либо кто-то из покупателей, зашедших в лавку, либо это сделала мисс Уиллс, ловко подменившая конфеты с помощью Фрэнки Дейла. Ибо было точно установлено, что шестнадцатого вечером все было в порядке, поскольку миссис Терри угощала этими конфетами детей на дне рождения. Можем ли мы все это утверждать с достоверностью?

— Да.

— Ничего подобного, — заявил доктор Фелл. — Все это ерунда. Я отрицаю предположение, — продолжал он яростно, — что конфеты были отравлены непременно семнадцатого июня. Я отрицаю также то, что они были отравлены кем-то, кто заходил в лавку в тот день. Майор Кроу (если я правильно вас понял) приблизительно описал тот способ, при помощи которого убийца мог проделать свои фокусы с открытой ячейкой, в которой находились на прилавке конфеты. Убийца входит с горстью отравленных конфет, держа их в руке или они лежат в его кармане. Он отвлекает внимание миссис Терри и бросает конфеты в ячейку. Верно, верно, верно!

Все достаточно просто. Вполне возможно было сделать это таким способом. Но подумайте сами: разве это не глупый способ? Разве он годится для такого ловкого человека, каким показал себя этот убийца? Ведь при этом сразу становится ясно, что преступление совершено в определенный день и круг подозреваемых ограничивается теми людьми, которые заходили в лавку в тот день.

— С вашего позволения я могу предложить значительно лучшее решение.

— Подготовьте точный дубликат такой открытой ячейки, в которую насыпают конфеты на прилавке. Не кладите (как идиот) отравленные конфеты сверху, верхним слоем. Гораздо лучше положить их поглубже, в самый низ. Войдите в лавку мисс Терри и подмените одну ячейку другой. Вряд ли в это время возникнет повышенный спрос на шоколадные конфеты, а значит, никто в этот день отравленных конфет не возьмет. Наоборот! Дети, как правило, не слишком часто покупают шоколадные конфеты. Они гораздо больше любят лакричные леденцы и драже, ведь их за свои деньги покупаешь гораздо больше. Таким образом, вполне вероятно, что отравленные конфеты будут лежать в лавке день, два, три, возможно — целую неделю, прежде чем откро-

ется отравленный слой. И следовательно, в тот день, когда этот страшный замысел осуществится, убийцы в лавке, конечно, не будет. И если говорить о том, когда были отравлены конфеты, я держу пари на любых условиях, что это было значительно раньше семнадцатого июня.

На этот раз Эллиот выругался вслух. Он подошел к окну, выглянул, посмотрел некоторое время на дождь и затем обернулся к доктору Феллу:

— Ну ладно, однако... Послушайте, не может же человек разгуливать по улице, держа в руках открытую ячейку с конфетами, верно? А потом: как он будет подменять ее на прилавке? Там ведь будет еще одна открытая ячейка. Ему придется просто жонглировать.

— Очень просто, — сказал доктор Фелл. — С помощью пружинного захвата. Мне очень жаль, мой мальчик, но боюсь, что этот чемодан с пружинным захватом разрушает всю вашу концепцию. Механизм в этих чемоданах (поправьте меня, если я ошибаюсь) приводится в действие с помощью кнопки, которая скрыта в кожаной ручке. Вы нажимаете на кнопку — и механизм захватывает тот предмет, который находится под чемоданом. Его, конечно, можно использовать и с противоположной целью. Положите что-нибудь

внутрь чемодана, нажмите кнопку, раскрывающую челюсти механизма, — и то, что лежало внутри, оказывается в том месте, где вам нужно.

Здесь доктор Фелл проделал некие гипнотические пассы, фыркнул, грустно посмотрел на Эллиота и заговорил серьезно:

— Да, мой мальчик. Боюсь, что все было именно так. Иначе какой же смысл в том, что этот воровской саквояж снова появился в этом деле? Убийца, как вы правильно изволили заметить, не может разгуливать с открытой конфетной коробкой, ее нужно куда-то положить и держать, причем прочно, так, чтобы конфеты не рассыпались, когда одну коробку будут заменять другой. Тут-то и появляется на сцене «Друг мошенника».

Он вошел в лавку миссис Терри с коробкой отравленных конфет, соответственно обработанных, которая лежала на дне его чемодана. Отвлекая внимание миссис Терри, поставил чемодан на прилавок, из него выпадает ячейка с конфетами. Затем ставит его на ту ячейку, которая стоит на прилавке, механизм подхватывает ее, и вот она уже в саквояже; тогда он пододвигает свою ячейку на место захваченной. И все это время, которое необходимо для того, чтобы достать с табачного прилавка, который

находится напротив, полсотни «Плейеров» или «Золотой искры». А Маркус Чесни догадался, в чем тут дело. Для того чтобы проиллюстрировать, каким образом были подменены коробки, он привез такой же саквояж с захватом из Лондона. Прошлой ночью Чесни устроил представление, чтобы продемонстрировать этот трюк, и никто ничего не заметил.

В наступившей тишине был слышен только глубокий вздох Эллиота.

— Благодарю вас, — серьезно сказал он.

— А?

— Я сказал: благодарю вас, — повторил Эллиот, улыбаясь. — Вы возвращаете меня в нормальное состояние, возвращаете мне мои умственные способности, дав им пинка под зад, как говорится.

— Спасибо, инспектор, — ответил доктор Фелл с некоторым удовлетворением.

— Но все равно, вы отдаете себе отчет в том, что это объяснение оставляет нас в еще худшем положении, чем мы были раньше. Я с ним согласен, я считаю, что оно наилучшим образом вписывается в данные обстоятельства. Но оно опрокидывает все факты, которые нам удалось установить. Мы не имеем ни малейшего понятия о том, когда были отравлены конфеты, кроме

того, что, по всей вероятности, это случилось не в тот день, о котором твердит полиция вот уже четыре месяца.

— Мне очень жаль, что я спутал все ваши карты, — сказал доктор Фелл, яростно потирая голову с виноватым видом. — Но… черт возьми, когда у человека извращенный ум вроде моего, такой путь представляется ему столь же очевидным, как тот, по которому следует кошка, завидев банку с лакомой рыбкой. И я не согласен, что мы оказываемся в худшем положении, чем раньше. Напротив, это обстоятельство должно вывести нас на правильный путь.

— Как?

— Скажите мне, инспектор, где вы росли? В деревне или, может быть, в маленьком городишке?

— Нет, сэр. Не совсем. Я вырос в Глазго.

— А-а… А я вот в маленьком городке, — проговорил доктор Фелл с глубоким удовольствием. — Итак, давайте обрисуем ситуацию. Убийца, неся в руке безобидную сумку, чемодан или саквояж, входит в лавку. Предположим, что убийца — человек, хорошо знакомый миссис Терри; мы должны сделать такое предположение. Вам никогда не приходилось замечать, каким здоровым, нена-

сытным любопытством отличаются лавочницы в маленьких местечках, в особенности такие хлопотуньи, как миссис Терри? Предположим, вы входите в лавку, в руках у вас саквояж. Вы тут же услышите: «Уезжаете, мистер Эллиот? Едете в Уэстон?» Даже если она этого не скажет, она наверняка подумает, потому что местный житель с саквояжем в руке — это явление необычное. Человек обычно не ходит с саквояжем, и ваш вид обязательно застрянет у нее в памяти. Если незадолго до того, как было совершено преступление, в лавке появлялся человек с чемоданом или саквояжем, она, вероятно, вспомнит об этом.

Эллиот кивнул. Однако у него было такое чувство, что это не все, что за этим последует еще один шаг, что нужно щупать дальше. Доктор Фелл наблюдал за ним с напряженным вниманием.

— Или… — подсказал доктор.

— Понятно, — пробормотал Эллиот, глядя в окно сквозь залитое дождем стекло. — Или же убийца — человек, который всегда носит чемоданчик или саквояж такого типа, и это настолько обычно, что миссис Терри не обратит на него никакого внимания.

— Весьма логичная гипотеза, — проговорил доктор, фыркнув.

— Вы имеете в виду доктора Джозефа Чесни?

— Возможно. Есть кто-нибудь еще, кто обычно ходит с чемоданчиком или саквояжем?

— Только Уилбер Эммет, как мне говорили. У него есть какая-то плетеная штука — то ли корзинка, то ли чемоданчик. Я видел ее у него в комнате, как я вам уже говорил.

Доктор Фелл покачал головой.

— Только Уилбер Эммет, — заметил он. — *Только* Уилбер Эммет, говорит этот человек. О, афинские развалины! Если кожаный саквояж можно снабдить пружинным захватом, почему, собственно, нельзя сделать то же самое с плетеной корзинкой? Совершенно очевидно, что как только майор Кроу и комиссар Бостуик откажутся от своих idées fixes[12], они тут же займутся Эмметом. Профессор Ингрем, как я подозреваю на основании того, что вы мне рассказали, уже это сделал; я уверен, что, как только мы покажемся в «Бельгарде», он сразу же преподнесет нам эту теорию. Следовательно, на основании тех же данных, которыми в настоящее время мы располагаем, я уверен, что единственный человек, которого можно обвинить в совершении преступ-

---

**[12] Notes: 12**
Навязчивые идеи *(фр.)*.

ления, — это Уилбер Эммет. Хотите выслушать мои соображения?

# Глава двенадцатая
# Снова на стене

Доктор Фелл, как думал иногда Эллиот, совершенно неподходящий человек для утренней беседы, после того как ты, скажем, накануне слишком много выпил. Его ум работал с такой быстротой, что он, казалось, уже добежал до угла и вскочил в окно, а ты и глазом не успел моргнуть. Ты только слышишь свист крыльев, пулеметную очередь каких-то невероятных слов, и вдруг, прежде чем ты успеваешь сообразить, как это случилось, перед тобой вырастает вся концепция, отдельные ступени которой кажутся в тот момент абсолютно логичными, но вспомнить их впоследствии оказывается весьма затруднительным.

— Не так быстро, сэр, — взмолился Эллиот. — Мне и раньше приходилось слышать, как вы это делаете, и все-таки…

— Нет, вы послушайте, — говорил доктор с яростной серьезностью. — Вы должны помнить, что я начал свою карьеру как школьный учитель. Каждую минуту каждого дня мальчишки

сочиняли самые немыслимые истории, они звучали так гладко, правдоподобно, придумывались с такой ловкостью, что ничего похожего я не слышал даже в Олд-Бейли[13], где впоследствии приходилось бывать. Как видите, у меня есть преимущество перед полицией, хотя и несправедливое. Мне часто приходилось иметь дело с отъявленными лгунами. И мне кажется, что вы слишком пассивно приняли на веру то, что Эммет не виноват.

Эту идею внушила вам, разумеется, мисс Уиллс, раньше чем вы успели обдумать ситуацию самостоятельно. Не кидайтесь, пожалуйста, на меня в праведном гневе. Скорее всего, она сделала это бессознательно. Но каково было положение вещей в этом доме? Вы говорите: «У каждого, кто там находился, есть алиби», что не соответствует истине. Объясните, если можете, каким образом это алиби есть у Эммета?

— Хм… — промычал Эллиот.

— Эммета, по существу, никто не видел. Вы нашли его под деревом в состоянии беспамятства, а рядом лежала кочерга. Кто-то сразу же сказал: «Он, очевидно, лежит здесь уже давно». Однако

---

**[13] Notes: 13**

*Олд-Бейли* — центральный уголовный суд в Лондоне.

есть у вас медицинские показатели (и можно ли вообще их получить), свидетельствующие о том, как долго он там находился? Это же не то что сделать вскрытие и установить время наступления смерти. Он мог получить удар и за десять секунд до того, как его нашли, а могло пройти и добрых две-три минуты. Обвинение может это расценить как двойной блеф.

Эллиот задумался:

— Вы знаете, сэр, не могу сказать, что я об этом не думал. Исходя из этой теории, человек в цилиндре был, в конце концов, действительно Эммет. Он сыграл назначенную ему роль, если не считать того, что вместо простой пилюли он дал мистеру Чесни отравленную. А затем каким-то образом ухитрился стукнуть себя по голове — умышленное членовредительство с целью обеспечить себе алиби — вещь не новая, — чтобы показать, что он не может быть доктором Немо.

— Точно. А дальше?

— Ему было гораздо легче это сделать, чем кому-либо другому, — признал Эллиот. — Все подготовлено, весь реквизит на месте, ничего не надо выдумывать. Единственное, что нужно, — это просто вовремя сыграть свою собственную роль. Единственное, что нужно, — это заменить

безвредную капсулу отравленной. Он знал все детали, он был единственный человек, который знал все детали. Он… — Чем больше Эллиот об этом думал, тем больше эти мысли заставляли его верить в их справедливость. — Беда только в том, сэр, что я еще ничего не знаю об этом человеке. Я с ним ни разу не разговаривал. Кто такой этот Эммет? Что он собой представляет? До сих пор он не вызывал и тени подозрения, об этом не было сказано ни единого слова. Какая ему выгода от того, чтобы убрать Чесни?

— А какая выгода, — спросил доктор Фелл, — от того, чтобы отравить стрихнином ни в чем не повинных детей?

— Мы, значит, снова возвращаемся к чисто психической ненормальности?

— Не знаю. Но может быть, имеет смысл подумать еще немного о мотивах. Что касается Эммета… — Доктор Фелл нахмурился и потыкал в воздух своей сигарой. — Я, помнится, видел его на том же самом приеме, где познакомился с Чесни. Высокий темноволосый субъект с красным носом; голос примерно такой же, как у призрака отца Гамлета. Он вышагивал, как журавль, говорил в нос и уронил мороженое себе на колени. Лейтмотив этого впечатления: «Бедняга Уилбер».

Теперь по поводу того, как он выглядел. Я имею в виду аксессуары: цилиндр, плащ и так далее. Какого они были размера? Такие, что их мог надеть только Эммет, или как?

Эллиот достал свою записную книжку:

— Цилиндр — размера семь; он совсем старый, принадлежал самому Маркусу Чесни. Плащ у Эммета был свой собственный, обычный мужской плащ большого размера. Плащи ведь шьются не так, как костюмы, у них нет строгого разграничения по размерам. Резиновые перчатки, шесть пенсов за пару, купленные у Вулворта, я нашел в правом кармане плаща, они были сложены очень аккуратно, со знанием дела.

— Дальше.

— Вот тут есть разные цифры, Бостуик произвел кое-какие измерения по моей просьбе. Эммет: рост — шесть футов, вес — одиннадцать стоунов восемь фунтов[14], размер шляпы — седьмой. Джозеф Чесни: рост — пять футов одиннадцать с половиной дюймов, вес — тринадцать стоунов, размер шляпы — седьмой. Джордж Хардинг: рост — пять футов девять дюймов, вес — одиннадцать стоунов, размер шляпы — шесть и семь

---

**[14] Notes: 14**

*Стоун* — 6,34 килограмма. *Фунт* — 379,3 грамма.

восьмых. Профессор Ингрем: рост — пять футов восемь дюймов, вес — двенадцать стоунов два фунта, размер шляпы — семь с четвертью. Марджори Уиллс: рост — пять футов два дюйма, вес — семь стоунов восемь фунтов. Впрочем, вам это не нужно, она здесь не участвует, — сказал Эллиот решительно и с удовлетворением. — Любой, кроме нее, мог бы надеть на себя все эти штуки, не вызывая подозрения. Вся беда только в том, что у всех, кроме Эммета, есть железное алиби. Сейчас пока нельзя сказать ничего определенного, но, судя по всему, это должен быть Эммет.

— Но какова цель? Вот что непонятно.

Доктор Фелл посмотрел на него странным взглядом. Эллиот еще не раз вспомнит этот взгляд.

— Наши друзья-психологи, — заявил доктор, — несомненно, скажут, что он принадлежит к тем униженным и оскорбленным, которые одержимы жаждой власти. Надо признаться, что это наиболее распространенное явление среди отравителей. Хедаго, Цванцигер, Лейден, Крим — список можно продолжать до бесконечности. Кроме того, я слышал, что Эммет питает (напишем это заглавными буквами) Безнадежную Страсть к мисс Уиллс. О, уверяю вас, работа серых клеток может привести к любым результатам,

однако это мое построение тоже вполне вероятно. Впрочем, возможно и другое. — Тут он еще раз вперил взор в собеседника. — Возможно и то, что Эммет фигурирует совсем в другой роли — в роли козла отпущения.

— Козла отпущения?

— Да. Дело в том, понимаете ли, что можно найти и другое объяснение тому, как убийца вместе со своим орудием производства (хитрым саквояжем) появился в этой кондитерской. — Доктор Фелл на минуту задумался. — Мне всегда казалось удивительным, инспектор, что так часто ссылаются на дело Христианы Эдмундс, которое имело место в тысяча восемьсот семьдесят первом году. Мне кажется, из этой истории можно извлечь известную мораль.

Ядовитая стрела сомнения снова вонзилась в сердце Эллиота.

— Вы хотите сказать, сэр, что…

— А? — сонным голосом спросил доктор Фелл, словно очнувшись от глубокой задумчивости. — Нет-нет-нет! Боже избави! Возможно, я недостаточно ясно выразился.

Он делал какие-то беспорядочные жесты и явно старался переменить тему разговора:

— Давайте следовать вашей собственной тео-

рии и займемся делом. Итак, что мы делаем дальше? Какой должен быть наш следующий шаг?

— Мы будем смотреть фильм, — ответил ему Эллиот. — Если, конечно, вам угодно будет поехать со мной. Аптекарь в Содбери-Кросс, как сказал мне майор Кроу, увлекается фотографией и киносъемкой и сам проявляет пленки. Майор Кроу поднял его вчера в четверть четвертого ночи и добился обещания, что фильм будет готов сегодня к послеобеденному времени. У аптекаря есть своя собственная проекционная установка над аптекой; майор Кроу говорит, что ему можно довериться. Мы встречаемся там в час пополудни и будем смотреть этот фильм. Господи! — с яростью воскликнул он и потряс кулаком. — Ведь это же может решить все наши проблемы! Подлинный отчет о том, как все это происходило, четко и ясно, черным по белому, отчет, который не может лгать. Все, что нам нужно, все, что мы хотим узнать! Слишком хорошо, чтобы быть правдой, должен вам сказать. А что, если с фильмом что-нибудь случилось? Что, если его не удалось проявить? Что, если…

Он еще не знал, что не пройдет и часа, как ему придется пережить величайшее потрясение в своей жизни. Пока доктор Фелл одевался, пока

они ехали под яснеющим небом то небольшое расстояние, которое отделяло их от Содбери-Кросс, а потом свернули на мрачную Хай-стрит и затормозили возле аптеки мистера Хобарта Стивенсона, Эллиот воображал себе разные сюрпризы, разные ситуации, которые могут дать удивительные результаты, самые разнообразные возможности — все, кроме истинной. Доктор Фелл, бандитская фигура в плиссированном плаще-накидке и шляпе с широкими загнутыми полями, сидел на заднем сиденье, громогласно хмыкал и бурчал — эти звуки следовало понимать как успокоительно-утешительные. Эллиота больше всего беспокоило, как бы аптекарь не испортил пленку, когда станет ее проявлять. К тому времени, как они прибыли на место, он почти уверил себя, что именно так оно и будет.

Аптека мистера Хобарта Стивенсона, которая находилась в центральной части несколько чопорной Хай-стрит, была похожа на лавку, где продаются фотопринадлежности. На витрине стояли пирамиды желтых коробочек с пленкой, из-за бутылочек с микстурами от кашля выглядывал фотоаппарат, и все это — на фоне плаката, на котором красовались неправдоподобно прекрасные увеличенные фотографии. Отсюда, дальше

по Хай-стрит, можно было бы видеть закрытые ставнями окна — это была лавка миссис Терри; затем, еще дальше, были видны гараж и заправочная станция, длинный ряд лавочек, в витринах которых было выставлено в основном съестное, несколько пабов и фонтанчик для питья в середине улицы. Улица выглядела пустынной, несмотря на то что по ней иногда стремительно проносились стайки машин и несмотря на неподвижные фигуры, которые замерли на месте, выглядывая из витрин. Эллиот чувствовал, что отсюда и до самого отеля «Синий лев» за ним следят внимательные глаза.

Когда они вошли в аптеку, над дверью пронзительно зазвенел звонок. Внутри было мрачно, там стоял удушливый запах лекарств, который живо напомнил Эллиоту другое такое же место. Однако сама аптека была похожа на маленькую аккуратную коробочку, стенки которой состоят из бутылочек. Всюду царили чистота и порядок, начиная от диплома в рамке, висящего на стене, и кончая гирьками на кресле-весах, которые стояли возле прилавка. Хобарт Стивенсон, толстенький человечек с губами бантиком, в аккуратной белой куртке, выскользнул из-за прилавка навстречу.

— Инспектор Эллиот? — осведомился он.

Он, по-видимому, был настолько переполнен ощущением значительности происходящего, что посмотрел на дверь с мыслью о том, не надо ли ее закрыть для посетителей. Каждая прядь его прямых волос, казалось, трепетала от возбуждения. Посмотрев на него, Эллиот решил, что ему можно довериться.

— Это доктор Гидеон Фелл, — сказал Эллиот. — Простите, что мы вчера подняли вас с постели.

— Ничего страшного, ничего страшного. Я ничего не имею против, — говорил Стивенсон, который, по-видимому, действительно ничего не имел против.

— *Ну как? Вы проявили фильм?*

— Для вас все готово.

— Но как… все в порядке? Я хочу сказать: проявилось хорошо, четко?

— Неплохо, совсем неплохо, — бодро отвечал Стивенсон.

Эта оценка со стороны фотографа-любителя звучала весьма обнадеживающе. Он потирал руки с таким видом, словно обещал что-то приятное.

— Маленькая недодержка, совсем крошечная. — Он по-птичьи наклонил голову набок. — Однако неплохо. Совсем неплохо. — Он не мог

дольше сдерживать свое возбуждение. — Надеюсь, вы не рассердитесь, инспектор, я один раз прокрутил ленту через проектор, просто для того, чтобы убедиться, что все в порядке. Позвольте заметить, вы здесь найдете просто удивительные вещи. Улики и ключи. Так они у вас, кажется, называются?

Волосы на голове у Эллиота шевелились — это неоспоримый факт. Заговорил он, однако, спокойным тоном:

— Правда? А что именно?

— Улики, — повторил Стивенсон с глубочайшим уважением. Он обернулся. — Вот, например, второй предмет, который мистер Чесни взял со стола и сделал вид, что пишет им…

— Да?

— Я уже говорил: надеюсь, что вы не рассердитесь. Мне пришлось прокрутить пленку несколько раз и осмотреть через лупу, пока я наконец разобрал. А потом все оказалось так просто, что мне стало просто смешно. До сих пор не могу успокоиться.

— Да? Так что же это было?

— Никогда в жизни не догадаетесь, — уверял Стивенсон, однако без всякого смеха. — Это была…

— Ш-ш-ш! — зашипел доктор Фелл.

Этот громовой шип слился с треньканьем звонка над дверью, когда она отворилась, пропуская профессора Гилберта Ингрема.

Профессор Ингрем, казалось, не удивился. Напротив, на лице его появилось выражение глубокого удовлетворения. На голове его была фуражка, он был одет в твидовый костюм с брюками галифе, который не слишком его украшал, подчеркивая некоторую излишнюю полноту фигуры. Однако Эллиот обратил внимание не столько на его прямой взгляд и вежливое приветствие, сколько на то, как изменилась атмосфера, едва он вошел в комнату. Когда он стоял в открытых дверях, было такое впечатление, что все внимание Содбери-Кросс, все настороженные взгляды его обитателей ворвались в комнату вместе с ним.

Собрался дождь, и на улице потемнело.

Профессор Ингрем закрыл дверь.

— Доброе утро, инспектор, — сказал он. — А это, как я понимаю, доктор Фелл? — (Любезный рык со стороны доктора Фелла был ответом на это приветствие.) — Я очень много о вас слышал, сэр, хотя и не уверен, встречались мы или нет — это был званый обед в одном доме или что-то в этом роде полгода тому назад. Во всяком случае, я

слышал о вас от Чесни. По-моему, он написал вам письмо несколько дней тому назад, верно?

— Да, написал.

— Во всяком случае, — профессор Ингрем принял деловой тон, он обернулся к Эллиоту, — если я сегодня проспал, инспектор, мне кажется, никто не может меня осудить. Я примчался прямо из дома.

Он смешно запыхтел, показывая, как он запыхался.

— Мне кажется, я вчера вечером подслушал, что вы собираетесь организовать просмотр… некоего фильма в аптеке у Стивенсона (доброе утро, мистер Стивенсон). Надеюсь, никто не будет возражать, если я приму участие в просмотре?

Атмосфера снова слегка изменилась.

— Простите, сэр, боюсь, что это невозможно, — отозвался Эллиот спокойным, бесстрастным тоном.

Любезное выражение сползло с лица Ингрема, сменилось недоумением.

— Но почему же, инспектор?

— Прошу прощения, сэр. Мы сами его еще не видели. Вероятно, все вы со временем будете иметь возможность посмотреть этот фильм.

Наступило молчание.

— Вам не кажется, инспектор, что это не совсем справедливо? — спросил профессор Ингрем. Тон его слегка изменился. — В конце концов, вы обратились ко мне как к свидетелю-эксперту; я оказал вам помощь в меру своих возможностей, и вы должны признать, что помощь эта была весьма существенной. И совершенно естественно, мне хотелось узнать, прав я или нет.

— Прошу прощения, сэр.

Эллиот пошел назад к прилавку. По дороге он наткнулся на весы, гири на них зазвенели. Взглянув налево, он увидел свое отражение в темном зеркале на стене; он подумал было обо всех этих странных совпадениях, но тут же сообразил, что в каждой аптеке есть, наверное, такое зеркало — для того, чтобы аптекарь, находясь в задней комнате, мог видеть входящего посетителя. Однако его внимание было занято в основном профессором Ингремом, который смотрел на него из-под козырька своей фуражки и ухмылялся:

— Впрочем, это не важно. — Профессор Ингрем как-то засуетился и снова перешел на шутливый тон: — Придется мне обуздать свое любопытство, вот и все, хотя должен признаться, что вы изрядно ущемили мое тщеславие. — Он замолчал, словно что-то обдумывая. — Да-да, тщеславие. Однако,

с вашего позволения, мне действительно нужно здесь кое-что купить, а после этого я исчезну. Мистер Стивенсон, пакетик моих обычных лезвий, пожалуйста. И коробочку таблеток Стримо для полоскания, маленькую, да-да, вон там, на полке. Да, и еще вы могли бы мне дать…

Он шел вдоль прилавка, продолжая говорить более серьезным тоном:

— Мне нужно бежать в «Бельгард». Сегодня будет вскрытие, и начнутся хлопоты с похоронами. Кроме того, насколько я понимаю, сегодня днем или вечером приедет Викерс из Бата и будет читать завещание. И еще хотелось бы узнать, пришел ли в сознание Эммет.

— Послушайте… — сказал доктор Фелл.

Он заговорил так неожиданно и небрежно, что все они слегка подскочили. Можно было подумать, что он обратился на улице к случайному прохожему.

— У вас есть какая-то теория? — спросил он с видимым интересом.

— А-а, — отозвался профессор Ингрем. Он стоял наклонившись, чтобы указать на какой-то предмет на нижней витрине, и теперь выпрямился. — Если она у меня и есть, сейчас, вероятно, не совсем подходящее время и место для того, чтобы

ее излагать, как вы считаете?

— Тем не менее…

— Тем не менее, как вы говорите! Послушайте, сэр, вы же умный человек. Мне кажется, я могу на вас положиться. — (Эллиот внезапно почувствовал, что он для них больше не существует, что они обращают на него так же мало внимания, как на картонную — во весь рост — фигуру молодой женщины справа от него, рекламирующую мыло.) — Я говорил вчера вечером инспектору, много раз ему повторял, что они подходят к этому делу не с той стороны, что они не принимают во внимание именно те факторы, которые являются наиболее важными. Я имею в виду мотив, разумеется. — Лицо его покраснело, словно от напряжения. — Сейчас не время это обсуждать. Я должен сказать только одно. Вы-то знаете, что существует такой мотив убийства, наиболее мощный из всех известных в криминальной психологии, который, грубо говоря, можно определять как стремление к власти и могуществу?

— О господи! — вздохнул доктор Фелл.

— Прошу прощения?

— Нет, это я прошу прощения, — серьезно и даже виновато сказал доктор Фелл. — Просто я не ожидал, что это так скоро свалится мне на

голову.

— Вы это отрицаете? Скажите мне, вы считаете, что преступление в лавке миссис Терри и то, которое имело место вчера вечером, были совершены разными лицами?

Доктор Фелл нахмурился.

— О нет, напротив. Я почти уверен, что и то и другое было проделано одним человеком, — сказал он.

— Хорошо. Но что же их в таком случае связывает? В чем может заключаться возможный мотив для совершения преступления?

Резко звякнул звонок кассового аппарата. Профессор Ингрем взял в руки сверток и посмотрел на него так, как будто он навел его на какую-то мысль.

— Могу сказать только одно: оба эти преступления вызваны одним и тем же мотивом. Отравление детей — смерть Фрэнка Дейла и тяжелые последствия для маленьких Эндерсонов — не принесло преступнику никакой выгоды. Убийство Маркуса Чесни тоже ничего ему не дало, я хочу сказать — в материальном смысле. Марджори и Джо Чесни, как мы все знаем, получат в наследство значительное состояние. А убийца… — здесь он прикрыл глаз, — не получит ничего. Впрочем,

мне не следует болтать и отрывать вас от настоящей работы. Желаю вам доброго утра, доктор Фелл. Доброго утра, Стивенсон. Доброго утра.

Уходя, он оставил дверь приоткрытой. Мимо по Хай-стрит проехал грузовик, и склянки на полках зазвенели; в комнату ворвался прохладный влажный воздух, неся с собой запах прохладных влажных деревьев и вытесняя запах лекарств. Доктор Фелл насвистывал французскую песенку «Когда моя красотка...». Эллиот, которому был знаком этот симптом, ждал, что будет дальше.

Доктор поднял свою палку-костыль, указывая на дверь.

— Уверяю вас, я не страдаю излишней подозрительностью, — сказал он. — Но скажите мне, у *этого* джентльмена есть алиби?

— Железное. Вот в чем беда. Все алиби в данном случае не допускают никаких случайностей, никаких жонглерских фокусов вроде перепутанного расписания, сверхбыстрых автомобилей, с помощью которых можно мгновенно оказаться в нужном месте. Все три случая алиби состоят в том, что присутствие человека в определенном месте удостоверяется свидетелями, другими людьми. В четвертом же случае алиби подтверждается временем — по часам, у которых не переводятся

стрелки. Что же касается вопроса о…

Эллиот остановился на полуслове, вдруг осознав, что он говорит в присутствии постороннего человека в лице Хобарта Стивенсона. Он мог бы поклясться, что, когда он говорил, на физиономии Стивенсона в какой-то момент появилось откровенно радостное, заинтересованное выражение. Теперь же аптекарь снова принял профессионально серьезный вид, стараясь затолкать в пузырек свой секрет и закупорить его пробкой.

Поэтому голос Эллиота зазвучал непривычно резко, когда он обратился к аптекарю:

— Вы нам только что говорили, мистер Стивенсон…

— Честно говоря, инспектор, я бы хотел, чтобы вы посмотрели сами. Если вы считаете…

— Давайте начинать! — сказал доктор Фелл.

Он тяжело двинулся с места и, обогнув прилавок, направился в провизорскую. Стивенсон, зачарованный этим громадным посетителем, шел следом за ним. Доктор Фелл с интересом оглядывался вокруг.

— Как у вас в аптеке обстоит дело с ядами? — спросил он таким тоном, словно его интересовало состояние канализации.

— У нас обычный ассортимент, сэр.

— Есть у вас цианистый калий или синильная кислота?

В первый раз за это время Стивенсон забеспокоился. Он обеими руками откинул назад волосы, откашлялся и принял деловой вид:

— Нет, синильной кислоты не имеется. У меня есть две-три порции цианистого калия, но, как я уже докладывал сегодня утром мистеру Бостуику…

— Ходко он у вас идет, а?

— Вот уже полтора года я ничего такого не продавал. Э-э-э… Ничего, если я вам кое-что скажу? — Он с сомнением посмотрел на Эллиота, который подошел к ним в узком проходе между бутылками. — Как я уже говорил, сегодня утром я отвечал на вопросы мистера Бостуика. И если вы думаете (повторяю, это между нами), если вы думаете, что в «Бельгарде» покупают — где-нибудь, у кого-нибудь — KCN для того, чтобы опрыскивать деревья, то это, говорю я, очень маловероятно. Принимая во внимание то обстоятельство, что температура у них в теплицах поддерживается на уровне десяти — двадцати пяти градусов тепла в течение всего года, было бы чистейшим самоубийством проводить в этих условиях опрыскивание KCN.

Эллиоту не приходило в голову подходить к вопросу с этой стороны.

— Могу вам показать свои регистрационные книги, если хотите, — добавил Стивенсон.

— Нет-нет. Сказать по правде, — заметил доктор Фелл, — меня больше интересует фотография. Ваша аптека похожа на магазин фотопринадлежностей. — Он, прищурившись, осмотрелся вокруг. — Скажите, у вас продаются лампы для юпитеров?

— Лампы для юпитеров?

— Скажите мне такую вещь. Предположим, я включил такую лампу в розетку, повернул выключатель и оставил ее гореть. На сколько времени ее хватит? Когда она перегорит?

Стивенсон смотрел на него, ничего не понимая.

— Но обычно так не делается, — ответил он, всем своим видом показывая профессиональную осведомленность. — Она включается только на то время…

— Да-да, я знаю. Но предположим, что я — человек эксцентричный. Предположим, что я всунул эту штуку в розетку и оставил ее гореть. На сколько времени ее хватит?

Аптекарь задумался над этим вопросом.

— Я бы сказал, ее хватит по крайней мере на час, если не больше.

— Вы в этом уверены?

— Да, сэр, вполне уверен. Эти лампы превосходного качества, лучшие, какие только можно достать.

— Хм… Хорошо. Скажите, приходил ли кто-нибудь из «Бельгарда» вчера утром, чтобы купить такую лампу?

Стивенсон забеспокоился:

— Вчера утром? Дайте вспомнить. — («Нужно ли тут вспоминать?» — подумал Эллиот.) — Да, приходила мисс Уиллс. Она была здесь часов около десяти и купила такую лампу. Но, с вашего позволения, сэр, я надеюсь, вы не будете ссылаться на меня, на все, что я вам здесь сообщаю. Я ничего не хочу говорить о «Бельгарде» и о тех, кто там живет.

— Часто мисс Уиллс покупала такие лампы?

— Нечасто, но иногда покупала.

— Для себя?

— Нет-нет-нет, для мистера Чесни. Они что-то там фотографировали в оранжереях. Им нужны были для рекламы фотографии разных сортов персиков, деревьев и всего такого прочего. Вот и вчера он попросил ее купить лампу.

Доктор Фелл, прищурившись, посмотрел на Эллиота:

— Вы мне приводили ее слова, инспектор, что вчера использовалась новая лампа, которую она сама купила в аптеке. — Он снова повернулся к Стивенсону. — Значит, сама мисс Уиллс не занимается фотографией?

— Нет-нет-нет, она никогда ничего здесь не покупала… для фотографических целей.

Эндрю Эллиот вздрогнул, ужаленный воспоминанием. Во второй раз, как при повороте колеса, он увидел Марджори Уиллс, которая смотрела на него в зеркало.

Они не слышали звонка над дверью, предупреждающего о приходе посетителя. Дверь так и стояла открытой настежь, слегка покачиваясь и поскрипывая от ветра. Они не слышали ни стука, ни шагов. Эллиот не слышал ничего, кроме ясного, хорошо поставленного голоса аптекаря, когда он поднял глаза и увидел, что из зеркала, расположенного не дальше чем в пяти футах, прямо на него смотрит лицо этой девушки.

Отражение, казалось, возникло ниоткуда, из каких-то глубоких недр. Губы были слегка приоткрыты, на голове — все та же мягкая серая шляпка. Одна рука в перчатке приподнята, слов-

но она указывала на что-то. Глядя прямо в глаза, отраженные в темном зеркале, он отчетливо понял, что в них возникла мысль, возникло узнавание. Взгляд ее, выражение сразу изменилось, словно в зеркале отразилось совсем другое лицо.

Она его узнала.

Марджори Уиллс положила палец в рот, совсем как ребенок.

И именно в этот момент раздался удар, звон разбитого стекла, на пол посыпались осколки, а потом все стихло. С улицы бросили камень прямо в нее.

# Глава тринадцатая
# Прочитанные мысли?

Эллиот перескочил через прилавок и бросился к двери. Это было инстинктивное движение, результат тренировки, полученной в полиции. Но была и другая причина: он не хотел встречаться глазами с Марджори.

Он распахнул дверь, шагая по битому стеклу. Этот камень, эта злоба людская привели его в такую ярость, что он чуть было не упал. Он встал на пороге, оглядывая улицу.

Там было пусто. Единственный человек, которого можно было видеть, находился слишком далеко, чтобы бросить камень. Это был мальчик-рассыльный, который ехал на велосипеде, старательно крутя педали и невинно поглядывая на небо. Хай-стрит лежала перед ними, безмятежная и добродетельная, равнодушная ко всему, кроме собственных дел.

«Спокойно, не волноваться».

Несмотря на то что кровь бросилась ему в голову, он почувствовал дуновение прохладного ветерка, и это помогло ему взять себя в руки.

Нельзя себе позволить сделать ложный шаг. Нельзя кидаться очертя голову, он только поставит себя в глупое положение, и это даст им возможность не только смеяться над ним, но и швырять камни. Окликнуть этого мальчишку? Или взяться за бакалейщика из лавки напротив? Нет, лучше пока не надо. Если сомневаешься, лучше не спешить, подождать немного; пусть другие пытаются догадаться, что у тебя на уме, что ты задумал. Это настораживает больше, чем что-либо другое. Но в первый раз Эллиот почувствовал силу скрытой угрюмой неприязни, окружающей Марджори Уиллс. По крайней мере двадцать секунд он помедлил на пороге, оглядывая улицу.

Затем снова вернулся в аптеку.

Марджори Уиллс стояла, прислонившись к прилавку и закрыв лицо руками.

— За что? — горестно проговорила она. — Я же ничего им не сделала…

— Какое они имеют право бить мои окна? — сказал Стивенсон, лицо которого заметно побледнело. — Я тоже ничего не сделал. Не имеют права. Я считаю, что это безобразие. Вы собираетесь что-нибудь предпринять по этому поводу, инспектор?

— Да, — ответил Эллиот. — Но пока…

Стивенсон колебался, не зная, что делать, его обуревали противоречивые мысли.

— Э-э-э… не хотите ли присесть, мисс Уиллс? Сюда, в кресло? Или может быть, в задней комнате? Или наверху? То есть… — Тут он отбросил осторожность. — Я не думал, что это зашло так далеко, что это так скверно. Мне кажется, вам сейчас не следует выходить на улицу…

Этого Эллиот выдержать не мог.

— Да что же это такое! — возмутился он. — Что значит — не следует?! Где мы, интересно, находимся? В Англии? Или может быть, в Германии? Кто мы такие? Неарийцы, которые сбились в кучу и сидят в осаде? Скажите мне, куда вам нужно идти; и если кто-нибудь посмеет хотя бы бросить косой взгляд, я живо засажу его в холодную, он и пискнуть не успеет.

Она посмотрела на него, быстро повернув голову, и многое стало ясно, так ясно, как если бы все это было напечатано на бесчисленных картонных коробочках, стоявших на аптечных полках. Дело было не в том, что именно он сказал. Дело было в атмосфере, которая вдруг возникла из чувства, столь же ясно ощутимого, как чувствуется тепло, излучаемое телом. Он снова отчетливо ее увидел, каждую деталь ее лица — от очертания

глаз до пряди волос, зачесанных назад. То, что называется — внутренняя связь.

— Спокойно, — сказал доктор Фелл.

Его твердый рокочущий голос вернул всех в нормальное состояние. Он звучал чуть ли не весело.

— В конце концов, — продолжал он, — мне кажется, что наши дела не так уж плохи. Не хочет ли мисс Уиллс присесть? Пожалуйста, сделайте одолжение. Может быть, она хочет куда-нибудь пойти? Сделайте одолжение! Почему бы и нет? Вы пришли сюда для того, чтобы что-нибудь купить, мэм?

— А что, разве?..

Она все еще пристально смотрела на Эллиота, не отрывая глаз. Теперь она словно очнулась.

— Мыло, зубную щетку, соли для ванны… О, я… я пришла за инспектором. — Теперь она больше не смотрела на Эллиота. — Майор Кроу просит, чтобы он пришел в «Бельгард». Немедленно. Они ищут его с двенадцати часов и не могут найти, и никто не знает, где он находится. Мы пытались позвонить Стивенсону в аптеку по телефону, потому что майор Кроу сказал, что вы… он должен был туда прийти к часу дня, но телефон не отвечал. И я подумала, что в том состоянии духа, в

котором я находилась, мне полезно попробовать проехать через Содбери-Кросс. Моя машина стоит на улице, если они не прокололи шины.

— Майор Кроу? Но зачем мне ехать в «Бельгард»? Он сам должен был прибыть сюда к часу.

— Так вы ничего не *слышали*? Вам никто ничего не сказал?

— Чего нам не сказали?

— Уилбер умер, — сказала Марджори.

Доктор Фелл взялся за поля своей шляпы и надвинул ее еще глубже на глаза. Его огромная рука так и осталась там, закрывая очки.

— Мне очень жаль, — проговорил он из-под руки. — Значит, сотрясение оказалось смертельным?

— Нет, — сказала Марджори. — Дядя Джо говорит, что кто-то среди ночи пришел к нему в комнату и сделал укол — ввел ему синильную кислоту. Он умер во сне.

Наступило молчание.

Доктор Фелл с трудом вылез из провизорской. Он тяжело двинулся к двери и постоял там, нагнув голову. Потом достал большой цветной носовой платок и оглушительно высморкался.

— Вы должны извинить меня, — сказал он. — Мне приходилось встречаться с силами ада и

раньше, но никогда они не действовали так разумно, никогда так заботливо не обделывали свои делишки. Как это произошло?

— Я не знаю. Никто не знает. — Марджори, видимо, находилась в состоянии крайнего нервного напряжения. — Мы легли спать очень поздно и проснулись только часов в одиннадцать. Дядя… дядя Джо сказал, что совсем необязательно дежурить ночью у Уилбера. А наутро Памела вошла в его комнату и… просто увидела.

Она слегка приподняла руки и снова их опустила.

— Понятно, — сказал доктор Фелл. — Мистер Стивенсон!

— Да, доктор?

— У вас телефон не работает?

— Если и не работает, мне это неизвестно, — ответил тот, встревожившись. — Во всяком случае, я все утро находился здесь, и мне это не известно.

— Хорошо. — Доктор обернулся к Эллиоту. — Я предлагаю следующее: вы должны позвонить майору Кроу и сказать ему, что в «Бельгард» вы не поедете и что, напротив, пусть он сам немедленно приезжает сюда.

— Постойте! Я не могу этого сделать, — запротестовал Эллиот. — Ведь майор Кроу — главный

констебль. Бостуик…

— Я могу это сделать, — кротко сказал доктор Фелл. — Я очень хорошо знаком с майором Кроу, знаю его еще с тех самых пор, когда мы вместе вели «Дело о восьмерке мечей». В сущности, я должен вам признаться, склонить свою повинную голову, — лицо его еще больше покраснело, — Кроу просил меня поинтересоваться кондитерской миссис Терри сразу после того, как произошла проклятая история. Я отказался, потому что единственное объяснение, которое в то время приходило мне в голову, звучало настолько дико и неопределенно, что я даже не решался его предложить. Но теперь, клянусь громом, оно не кажется мне таким уж диким. Это было очевидно — ясно, скучно, обыденно и очевидно. Боюсь, что именно поэтому я и давал вам сегодня утром с такой готовностью объяснения, черт меня задери.

Он яростно потряс кулаком.

— И только потому, что я изображал этакую скромную фиалку — бррр! — погибло еще два человека. Вы нужны мне здесь. Мне нужен здесь Кроу. Я немедленно хочу посмотреть этот фильм, это самое мое страстное желание. Я хочу вам показать на экране, ясно и просто, черным по

белому, что, по моему мнению, там произошло. Поэтому я собираюсь звонить по телефону и отдавать распоряжения, как настоящий пират. Но пока я буду звонить по телефону... — Тут он перестал громыхать; он пристально посмотрел на Эллиота. — Я предлагаю вам поговорить с мисс Уиллс и узнать, что она делала в той, другой аптеке.

Эллиот сделал вид, что он этого не замечает; он разговаривал со Стивенсоном:

— Вы живете здесь же, над аптекой? Нет ли у вас комнаты, которую вы могли бы предоставить в мое распоряжение на несколько минут?

— Да, конечно. Это та самая комната, в которой я собираюсь показывать вам фильм.

— Благодарю вас. Проводите нас туда, пожалуйста. Мисс Уиллс, идите, пожалуйста, за мистером Стивенсоном.

Она не сказала ни слова. Стивенсон проводил их наверх, в уютную, старомодно обставленную гостиную, окна которой выходили на улицу. Двойные двери (снова эти двери!) вели в комнату, которая, вероятно, служила спальней; дверь была открыта, но проем был завешен простыней, приколотой кнопками, — она служила экраном. Тяжелые шторы были полузакрыты, в камине

ярко пылал огонь. На столе стоял огромный кинопроектор в полной готовности: бобины с пленкой были уже вставлены в аппарат.

По-прежнему не говоря ни слова, Марджори подошла к дивану и села. Эллиот между тем испытывал жестокие муки: снова заработала его совесть.

Марджори оглядела комнату, в которой плясали отблески пламени, словно для того, чтобы убедиться, что они одни. Затем она кивнула и холодно сказала:

— Я же говорила вам, что мы уже встречались.

— Да, — согласился Эллиот. Он сел у стола и достал свою записную книжку, которую и развернул с величайшим тщанием. — Если говорить точно — в прошлый четверг, в доме номер шестнадцать по Краун-роуд, в аптеке торгового дома «Мейсон и сыновья», где вы пытались купить цианистый калий.

— И тем не менее вы никому об этом не сказали.

— Почему вы решили, что не сказал, мисс Уиллс? Для чего, по-вашему, я был послан в эти края?

Это был сильный удар. Он нанес его сознательно, отдавая дань своей слабости. Ему хотелось

знать, насколько он выдал себя внизу, в аптеке; что она заметила; будет ли она пытаться это использовать, как она, по-видимому, уже делает, высказав эту неожиданную догадку, родившуюся у нее внезапно? Однако он не собирался терпеть эти штучки.

Если он надеялся произвести впечатление, это ему удалось. Краска сбежала с ее лица. Глаза, которые до этого были устремлены на него, часто мигали; она не могла понять, к чему он ведет, а потому ее охватил гнев.

— О, так, значит, вы действительно явились сюда, чтобы меня арестовать?

— Это зависит…

— Разве это преступление — пытаться купить цианистый калий? Притом что вы его даже не получили?

Эллиот взял свою записную книжку и бросил ее на стол.

— Честно говоря, мисс Уиллс, и строго между нами, такого рода разговоры ни к чему хорошему не приведут. Как вы думаете, каким образом можно истолковать ваши слова?

Она была чертовски сообразительна. Эллиот восхищался ее умом, в то же время проклиная его. Она выжидала, соображала, прикидывала,

как себя с ним вести; она моментально почувствовала едва уловимую интонацию: «Ну же — черт — возьми — почему — вы — мне — не помогаете?» — невольно прозвучавшую в его голосе. Частое, взволнованное дыхание замедлилось.

— Если я скажу вам правду, инспектор, если я скажу вам честно и откровенно, зачем я хотела купить яд, вы мне не поверите?

— Если скажете правду, поверю.

— Нет, дело не в этом. Я сейчас говорю о другом. Если я скажу вам истинную, настоящую причину, вы можете мне *обещать*, что никому об этом не скажете?

(«Вот это наконец искренне», — подумал он.)

— Прошу прощения, мисс. Боюсь, что я не могу давать подобные обещания. Если это касается расследования…

— Нет, не касается.

— Ну хорошо, так для чего вам понадобился цианистый калий?

— Я собиралась его купить для того, чтобы покончить с собой, — спокойно ответила Марджори.

Последовало недолгое молчание, нарушаемое лишь потрескиванием огня в камине.

— Но что вас заставило принять такое решение — расстаться с жизнью?

Она глубоко вздохнула:

— Если вам непременно нужно это знать — потому что мне было ужасно, непереносимо тяжело снова оказаться дома. Ну вот, я вам сказала. Хоть кому-то сказала.

Она бросила на него испытующий взгляд, словно желая разобраться в том, почему она ему это сказала.

Не отдавая себе в этом отчета, из следователя, ведущего дознание, Эллиот превратился совсем в другого человека. Однако ни он, ни она этого не заметили.

— Да, но… Послушайте! Неужели это достаточное основание для того, чтобы лишить себя жизни?

— А вы попробуйте поставить себя на мое место, пережить то, чему здесь подвергаюсь я. Когда тебя обвиняют в том, что ты — отравительница, что убиваешь людей, убиваешь их таким страшным способом. Когда ждешь, что каждую минуту тебя могут арестовать и не арестовывают только потому, что нет достаточных улик. А потом представьте себе, что ты едешь на Средиземное море и видишь все эти удивительные вещи, которые

раньше были тебе недоступны, несмотря на то что твой дядюшка — миллионер. А потом попробуйте вернуться назад, ко всему тому ужасу, от которого бежали. Попробуйте! Попробуйте! И вы поймете, что я испытываю.

Она сжала руки.

— О, сейчас это уже прошло. Но в ту минуту, когда я сошла с парохода, я чувствовала только одно: не могу этого вынести. Я ни о чем не раздумывала. Если бы я хоть на минутку задумалась, я бы сочинила какую-нибудь правдоподобную историю и не стала бы мямлить и заикаться от страха, когда аптекарь начал задавать свои вопросы. Все это мне пришло в голову позже. Но в тот момент я думала только о том, что цианистый калий действует быстро и безболезненно; достаточно сделать глоток — и конец, тебя уже нет. И еще я подумала, что в Ист-Энде в Лондоне меня никто не знает. Мне кажется, мысль о самоубийстве, о том, что надо положить этому конец, пришла ко мне тогда, когда пароход поднимался вверх по реке, когда я увидела улицы, дома и все остальное.

Эллиот отложил карандаш в сторону.

— А как же ваш жених? — спросил он.

— Мой жених?

— Неужели вы хотите сказать, что собирались купить яд и лишить себя жизни как раз в то время, когда вы должны были выйти замуж?

Она махнула рукой жестом отчаяния:

— Я же вам говорю: это был порыв, настроение. Кроме того, было еще и другое. Все было так замечательно, прежде чем случился весь этот ужас, — я надеялась, что у меня наконец все будет хорошо. Когда я встретила в Лондоне Джорджа…

— Вы встретили его в *Лондоне*? — переспросил Эллиот.

— О, черт! — прошептала Марджори, поднеся руку к губам. Она смотрела на него не отрывая глаз; потом на лице у нее появилось выражение усталости и цинизма. — Впрочем, не важно. Почему бы вам об этом не узнать? Для меня это большое, просто громадное облегчение — снять с души этот груз.

— Мы с Джорджем знакомы уже давным-давно. Я встретила его в одном доме — это был один из тех редких случаев, когда дядя Маркус отпустил меня в Лондон одну, — и я отчаянно в него влюбилась. Я то и дело удирала в Лондон, чтобы с ним встретиться. О, между нами ничего такого не было. Потому, наверное, что у меня не хватало смелости. Уж такая я есть.

Она сидела, низко опустив голову.

— Но мы решили, что до поры до времени неразумно знакомить Джорджа с дядей Маркусом. Во-первых, дядя Маркус всегда… всегда… был недоволен, когда у меня бывали молодые люди. Я хорошо вела хозяйство, отлично смотрела за домом, и всем было очень удобно, что я есть, — ну, вы понимаете, что я хочу сказать.

Она покраснела.

— Во-вторых, Джордж отлично знал, каков характер у дяди Маркуса. Был бы колоссальный скандал, если бы он узнал, что что-то происходит у него за спиной. Вы можете это понять?

— Да, я отлично это понимаю.

— Мы считали, лучше сделать вид, что мы встретились случайно, предпочтительно за границей. И, кроме того, Джордж сказал, что ему нужно отдохнуть. Конечно, денег у него не слишком много, в особенности для такого путешествия. Но кое-какие деньги были у меня — пара сотен фунтов страховки, которые мне оставила моя мать, — я взяла их, и Джордж смог поехать.

(«Свинья, — подумал про себя Эллиот. — Гнусная свинья. И весьма неглупая к тому же».)

Она открыла глаза.

— Неправда! — крикнула Марджори. — То, что

он неглуп, — это верно, а все остальное — нет! Это самый одаренный человек, которого я когда-либо встречала, он так уверен в себе. Вот что мне нравилось — уверенность…

— Прошу прощения… — начал было Эллиот, но вдруг остановился, испытывая такое чувство, будто почва ускользает у него из-под ног. «Свинья. Гнусная свинья. И весьма неглупая к тому же». Он же не говорил этого вслух! Он видел эти слова мысленным взором так отчетливо, словно они появились на движущемся телетайпе, но вслух он их не произносил. Пусть эта девушка умна — исключая то, что касается Джорджа Хардинга, — но ведь не может же она читать чужие мысли!

Марджори, по-видимому, ничего этого не почувствовала.

— Как я надеялась, — продолжала она со страстью, — что Джордж окажется достойным противником дяди Маркуса, что он сможет за себя постоять. Но это… эта робость, это *покорное* виляние хвостом… этого я вынести не могла.

Был один такой день в Помпеях, когда дядя Маркус решил, что нужно привести все в ясность (к тому же в присутствии Уилбера и профессора Ингрема), в открытом для публики месте, куда в любую минуту могли войти. Он прямо-таки

распоряжался, диктовал Джорджу, как у нас все будет в будущем, а Джордж слушал покорно, как овечка. А вы еще спрашиваете, отчего у меня было такое подавленное состояние, отчего я готова была завыть, когда мы сошли на землю в Англии! Я видела, что все останется по-прежнему. Я видела, что в моей жизни ничего не изменится, снова все будет определять дядя Маркус, дядя Маркус и дядя Маркус.

Эллиот взял себя в руки.

— Так вы не любили вашего дядю?

— Конечно любила. Я его очень любила. Но дело совсем не в этом, как же вы не понимаете!

— Да нет, мне кажется, я понимаю.

— Он был удивительный человек — по-своему, конечно. Он всегда делал для меня все, что возможно, а когда мне нужно было уехать, он устроил для меня великолепные каникулы. Но если бы вы послушали его рассуждения хотя бы в течение пяти минут! А потом эти постоянные, нескончаемые споры с профессором Ингремом по поводу разных преступлений, даже тогда, когда самое настоящее преступление было совершено прямо у нас под носом, можно сказать, среди нас. А его «криминологический» манускрипт…

Эллиот снова взялся за карандаш:

— Криминологический манускрипт?

— Да, я вам уже говорила. Он постоянно пытался заниматься какими-то исследованиями, в основном все они были связаны с наукой о человеческом разуме. Вот почему он так дружен с профессором Ингремом. Все, бывало, говорил: «Вот вы утверждаете, что из специалиста в области психологии вышел бы превосходный преступник. Почему бы вам не доказать это на деле? Будьте в этом смысле пионером в интересах науки, а? Совершите какое-нибудь бескорыстное преступление, чтобы доказать вашу теорию на практике». Бррр!

— Понятно. А что на это сказал профессор Ингрем?

— Он сказал: «Нет уж, спасибо». И в то же время добавил, что прежде, чем совершит преступление, он обеспечит себе железное алиби…

(Эллиот уже слышал об этом где-то раньше.)

— …И что даже специалисту-психологу известно, что один человек не может одновременно находиться в двух местах. — Марджори положила ногу на ногу и снова облокотилась на спинку дивана. — Меня просто бросало в дрожь от того, как спокойно и хладнокровно они это обсуждали. Понимаете, ведь это действительно произошло.

Совершаются все эти ужасные вещи, а мы не знаем — кто, как и почему. А теперь еще Уилбер умер. Уилбер, который никому никогда не сделал ничего плохого — как, впрочем, и Фрэнки Дейл, эндерсоновские ребятишки или дядя Маркус. Я уже дошла до точки, и в особенности вот теперь, когда они начинают швырять камнями в *меня*; Бог знает, что еще со мною может случиться. Линчуют меня или сожгут — кто их знает, что они еще придумают. Помогите мне! Пожалуйста, помогите!

Она замолчала.

Ее голос звучал так мягко, так живо и непосредственно, в нем чувствовалась такая страстная мольба, что Эллиоту чуть было не изменило его профессиональное спокойствие. Она склонилась вперед и протянула руки, словно просила помочь ей подняться с дивана; она смотрела на него не отрывая глаз. В это самое мгновение за закрытой дверью они услышали грохот — было такое впечатление, что по лестнице поднимается слон, — и трубные звуки, напоминающие рев голодного животного. После этого в комнату постучали. Доктор Фелл, приоткрыв дверь, заглянул и, прищурившись, посмотрел на них.

— Мне не хотелось бы вас прерывать, — ска-

зал он, — но, мне кажется, следует отложить на некоторое время ваши вопросы. Кроу и Бостуик едут сюда. Я думаю, вам лучше уйти, мисс Уиллс. Мистер Стивенсон закрывает аптеку, но его помощник может отвезти вас домой в вашей машине. И тогда…

Он значительно посмотрел на кинопроектор.

# Глава четырнадцатая
# Часы, которые нельзя перевести

Майор Кроу и комиссар Бостуик столкнулись с Марджори в дверях, когда она выходила из аптеки. Однако майор Кроу ничего не сказал, пока не закрылась дверь. Он снова вернулся в свое нормальное состояние.

— Доброе утро, инспектор, — вежливо сказал он. — Или, скорее, добрый день. Мы все утро вас искали и не могли найти.

— Прошу прощения, сэр.

— Не утруждайте себя беспокойством, — продолжал майор по-прежнему вежливо. — Я всего лишь хотел вам сообщить, что возникло еще одно дело — очередная смерть, которой нужно заняться.

— Я сказал — прошу прощения.

— Поскольку вы отправились к моему другу Феллу, я не имею возражений. Вам повезло больше, чем мне. Я пытался заинтересовать его этим делом еще в июне. Безуспешно. По-видимому, для него было недостаточно сенсационно. Никаких герметически закупоренных комнат. Ничего

сверхъестественного. Никаких подозрительных происшествий в отеле «Королевский багрянец». Всего-навсего отвратительное убийство при помощи стрихнина и несколько случаев несмертельного отравления. Но вот теперь у нас гораздо более широкий круг данных и еще две жертвы, одну из которых вам, инспектор, возможно, имеет смысл осмотреть.

Эллиот взял свою записную книжку.

— Я два раза извинился, сэр, — медленно проговорил он. — Не вижу необходимости повторять это еще раз. Более того, если хотите знать правду, я не могу признать, что пренебрег своими обязанностями, не сделал чего-либо, что было необходимо сделать. Кстати говоря, есть ли в Содбери-Кросс полицейские?

Бостуик, который тоже достал трубку и кисет и начал было отвинчивать чашечку, остановился на полдороге.

— Есть, мой мальчик, — сказал он. — А почему, собственно, вас это интересует?

— Только потому, что я их не вижу. Кто-то разбил стекло в дверях этого дома, грохот был такой, что слышно было, наверное, в Бате, но полицейского я так и не увидел.

— Черт возьми мою калошу, — пробормотал Бо-

стуик, с силой продувая мундштук и внимательно его разглядывая. Это был, конечно, оптический обман, но создавалось такое впечатление, что лицо его раздулось до невероятных размеров. — Что вы хотите этим сказать, интересно?

— Только то, что сказал.

— Если вы имеете в виду то обстоятельство, — сказал Бостуик, — что, по моему мнению — заметьте, я говорю: «по моему мнению», — в скором времени мы сможем арестовать известную молодую особу, называть которую нет никакой надобности, ну что же, что мое мнение остается в силе.

— Эй! — загремел доктор Фелл.

Это был рев, от которого задрожали стекла, и все присутствующие обернулись в его сторону.

— Перестаньте ссориться, — сказал доктор Фелл серьезно. — Вы спорите на пустом месте и прекрасно это знаете. Если здесь, среди нас, есть виноватый, то это я. Истинная причина всех ваших препирательств заключается в том (и вы это тоже знаете), что у каждого из вас есть своя собственная предвзятая идея относительно того, кто совершил преступление. Ради всего святого, откажитесь от этого, иначе мы не сдвинемся с места.

Майор Кроу разрядил обстановку, рассмеявшись. Это был такой уютный, искренний смех! Эллиот и Бостуик заулыбались.

— Этот старый зануда совершенно прав, — сказал майор Кроу. — Прошу прощения, инспектор. Дело в том, что (как можно было бы добавить) все мы настолько раздражены, нервы у нас так изодраны, что мы потеряли способность смотреть на вещи прямо. А мы должны смотреть на вещи прямо. Просто *обязаны.*

Бостуик протянул Эллиоту свой кисет.

— Угощайтесь, — предложил он.

— Благодарю вас. С удовольствием.

— А теперь, — безжалостно проговорил доктор Фелл, — теперь, когда приличия соблюдены, все приятные слова сказаны и наступило всеобщее благорастворение воздухов…

— Я не считаю свои идеи предвзятыми, — проговорил с достоинством майор Кроу. — При чем тут предвзятость идеи? Просто я знаю, что я прав, и все. Когда я увидел этого беднягу Эммета, который… в этой комнате…

— Ха! — произнес комиссар Бостуик с такой зловещей скептической интонацией, что Эллиот удивился. Он пытался себе представить, куда они теперь повернут.

— …Нам ведь не от чего оттолкнуться, инспектор. Просто не за что ухватиться. Возьмите этого Эммета: хлоп! — и готово. Кто-то входит к нему в комнату среди ночи и всаживает ему в руку иглу. Ночью никто ничего не слышал — по крайней мере, никто не признается, что слышал. Это мог сделать любой человек. Даже посторонний: в «Бельгарде» двери на ночь не запираются. Здесь вообще никто не запирает дверей. Я повторяю, это мог сделать и посторонний человек, хотя, откровенно говоря, я так не думаю. Да, кстати сказать, я заходил к Весту, чтобы посмотреть медицинское заключение. Причина смерти Чесни — отравление чистой синильной кислотой. Он получил приблизительно один гран. Иными словами, в его организме нет следов других ингредиентов, которые показали бы, что он был отравлен цианистым калием или цианистой ртутью. Это все, чем мы располагаем.

— Нет, не все, — сказал доктор Фелл с удовлетворением. — Вот у нас тут мистер Стивенсон. А ну-ка, мой мальчик. Мы все готовы. Пускайте вашу машину.

В комнате воцарилось неловкое молчание.

Стивенсон, исполненный собственной значимости, передвигался только на цыпочках; во всех

его движениях появился оттенок суетливости. Он вытер платком лоб, проверил огонь в камине. Взглянул на окна. Внимательно осмотрел простыню, натянутую в проеме двери. Долго ходил вокруг стола, потом отодвинул его, почти приставив его к стене, противоположной импровизированному экрану. Затем снова продвинул его вперед на несколько дюймов. Достал из книжного шкафа несколько томов Британской энциклопедии и положил их на стол, чтобы можно было поставить проектор повыше. Все четыре человека, занятые расследованием, теперь курили трубки, так что в затененной комнате дым стоял столбом. Им не сиделось на месте.

— Ничего из этого не получится, — вдруг сказал майор Кроу. — Что-нибудь да испортится.

— Но что здесь может испортиться? — спросил Эллиот.

— Не знаю. Какая-нибудь чертовщина. Это слишком просто. Вот вы увидите.

— Уверяю вас, сэр, все будет в порядке, — сказал Стивенсон, поворачивая к ним свое вспотевшее лицо. — Через секунду все будет готово.

Молчание затянулось, время от времени его нарушало какое-то таинственное позвякивание аппарата, около которого возился Стивенсон, или

печальные вздохи проносящихся по Хай-стрит машин. Стивенсон отодвинул в сторону диван, чтобы луч от аппарата к экрану мог идти свободно, не встречая на своем пути препятствий. Он расставил стулья. На простыне оказались морщины; он подошел и переколол кнопки так, что экран стал совершенно гладким. Наконец зрители испустили глубокий вздох облегчения, когда он, пятясь задом, приблизился к окну.

— А теперь, джентльмены, — сказал он, нащупывая за спиной штору, — все готово. Если займете свои места, прежде чем я задерну шторы…

Доктор Фелл плюхнулся на диван. Бостуик скромно пристроился на краешке рядом с ним. Эллиот пододвинул стул поближе к экрану, но в стороне от него. Послышалось дребезжание колец, когда две половинки штор сомкнулись.

— Итак, джентльмены…

— Стоп! — скомандовал майор Кроу, вынимая трубку изо рта.

— Клянусь моей старой шляпой! — заревел доктор Фелл. — Что там еще?

— Зачем же так волноваться? — укоризненно сказал майор. Он ткнул в пространство черенком своей трубки. — Предположим… ну, предполо-

жим, что все будет в исправности, что все пройдет нормально…

— Именно этого мы и ожидаем, как вы знаете.

— Предположим, все пройдет так, как мы рассчитываем. Есть некоторые вещи, которые мы должны выяснить, — истинный рост доктора Немо, например. По-моему, будет только справедливо, если мы установим, кто что думает по этому поводу. Итак, что мы увидим на экране? Кто был в роли доктора Немо? Что вы скажете, Бостуик?

Комиссар Бостуик повернулся, так что его лунообразное лицо оказалось над спинкой дивана. Он держал свою трубку таким образом, что она, казалось, парила в воздухе у него над головой.

— В общем, сэр, если вы меня спрашиваете… я почти не сомневаюсь, что в этой роли мы увидим мистера Уилбера Эммета.

— Эммета? Эммета? Но ведь он же умер!

— В то время он еще не умер, — заметил комиссар.

— Но… впрочем, не важно. Каково ваше мнение, Фелл?

— Сэр, — заговорил доктор Фелл с изысканной вежливостью, — мое мнение заключается в следующем. Мое мнение сводится к тому, что мне бы хотелось, чтобы мне позволили его составить. По

некоторым пунктам я уверен, что именно я увижу. По другим пунктам у меня такой уверенности нет. А по остальным — мне становится решительно безразлично, что мы увидим, при условии, что нам в конечном итоге будет позволено вообще что-то увидеть.

— Верно! — сказал Стивенсон.

Штора была полностью задернута. В темноте были теперь видны только слабые отблески огня в камине и неверный, призрачный огонек трубки. Эллиот вдруг ощутил, какая сырость пронизывает эти старые каменные дома; он почувствовал, как там душно и дымно. Ему нетрудно было различить очертания лиц своих сотоварищей; он видел даже Стивенсона в глубине комнаты. Стивенсон двигался вокруг стола с осторожностью, стараясь не задеть шнур от аппарата. Наконец он его включил. Аппарат засветился изнутри, сквозь отверстия и щели полились потоки света, так что комната стала напоминать кабинет алхимика с его светящимся тиглем. А луч из проектора, пробившись сквозь дым, упал на экран и остановился на нем в виде квадрата со стороной в четыре фута.

Из глубины комнаты послышалось какое-то дребезжание, затем щелчок, как будто открыли

и тут же снова закупорили бутылку. В проекторе раздалось слабое жужжание, которое затем крепло, превратившись в ровный, устойчивый звук. Экран вспыхнул, замигал, а потом погас.

Однако это не означало, что что-то испортилось, поскольку комнату по-прежнему наполнял ровный жужжащий звук. Темнота на экране приобрела сероватый оттенок и слегка задрожала. Казалось, это будет длиться бесконечно. Но вот показалось расплывчатое светлое пятнышко, и вдруг все залило ослепительным светом. Было впечатление, что в центре экрана появилась вертикальная трещина, возле которой находилось темное пятно, заставляющее ее расширяться. Эллиот понял, что это такое. Они снова были в музыкальной комнате, находились лицом к кабинету. И Маркус Чесни открывал раздвижные двери.

Кто-то закашлялся. Изображение слегка подпрыгнуло, и они увидели словно отрезанные от них морем темноты стол и заднюю стену кабинета в «Бельгарде». На границе темноты колыхалась какая-то тень — очевидно, тень человека, который возвращается обратно к столу. Снимая этот момент, Хардинг отошел слишком далеко влево, так что двери на лужайку в кадр не

попали. Свет был неверный и довольно слабый, несмотря на резкие тени. Однако в этом неверном свете был отчетливо виден мерцающий мрамор каминной полки, циферблат часов, чей маятник отбрасывал яркие блики, спинка кресла, широкая поверхность стола, конфетная коробка, рисунок на которой казался серым, и два крошечных предмета, лежащие на бюваре. Затем на границе света и тьмы возникло движение и показалось лицо Маркуса Чесни, глядящее на них с экрана.

Нельзя сказать, что Маркус Чесни представлял собой приятное зрелище. Из-за расположения света, отсутствия грима, мелькания, вызванного колебанием камеры, создавалось впечатление, что он уже мертв. В лице, казалось, не было ни кровинки, глаза глубоко запали — брови только подчеркивали черные впадины; на щеках, когда он поворачивал голову, появлялись темные пятна. Однако выражение лица было величественное и надменно-спокойное. Он вошел в кадр медленно, не торопясь.

— Посмотрите-ка на часы, — сказал кто-то за спиной Эллиота; голос прозвучал в тишине так оглушительно громко, что перерыл жужжание кинопроектора. — Посмотрите на часы! Который там час?

— Чер-р-р-рт меня побери со всеми кишками! — вскричал Бостуик.

В комнате возникло какое-то шевеление, словно это двигалась мебель, а не люди.

— Сколько там времени? Что они показывают?

— Все они были не правы, — сказал Бостуик, — вот в чем дело. Один сказал — ровно двенадцать, другой — около двенадцати, профессор Ингрем заявил, что без одной минуты полночь. И все они ошибались. Часы показывали одну минуту первого.

— Ш-ш-ш!

Искусственный мир на экране оставался безучастным. Медленно и неторопливо Маркус Чесни выдвинул кресло и сел за стол. Он протянул руку и отодвинул конфетную коробку немного вправо точным и аккуратным движением, которое контрастировало с мельканием экрана. Взял плоский карандаш и сделал вид, что пишет, старательно и неловко. Затем с некоторым трудом он подобрал с бювара второй крошечный предмет — для этого ему пришлось подковырнуть его ногтем. Они ясно его увидели в свете, падающем сзади.

Эллиоту вспомнилось, как описывал этот предмет профессор Ингрем. Он говорил, что этот

предмет похож на карандаш, только у'же и значительно меньше. Похож на тонкую щепку длиной около трех дюймов, темную, остро заточенную. Описание вполне точное.

— Я знаю, что это такое, — сказал майор Кроу.

Послышался скрип кресла. Майор Кроу быстро отделился от остальных, отошел в сторону и наклонился, чтобы лучше видеть, так что голова его частично заслонила сноп света, идущий от аппарата. Тень от головы закрыла половину экрана, а вокруг нее плясали фантастические картины: дико корчилась и извивалась фигура Маркуса Чесни.

— Остановите аппарат, — сказал майор Кроу, оборачиваясь и полностью закрывая собой луч проектора. Голос его звучал напряженно. — Я знаю, что это такое, — повторил он. — Совершенно точно. Это минутная стрелка от часов.

— Что-о? — спросил Бостуик.

— Минутная стрелка от этих часов, что стоят на камине! — крикнул майор Кроу, поднимая палец, словно для того, чтобы показать его. — Мы знаем, что циферблат этих часов имеет шесть дюймов в диаметре. Разве вы не видите? Это длинная минутная стрелка, в противоположность короткой часовой. Чесни достаточно было

перед представлением отвинтить головку оси, на которой держатся стрелки (мы видели, что там есть прорезь для отвертки), снять минутную стрелку с оси и снова привинтить головку. На часах оставалась только одна стрелка, часовая стрелка, показывающая точно на двенадцать.

Черт возьми мою… Неужели вы не видели? На часах была только одна стрелка. А всем, кто смотрел, казалось, что они видят две. А видели они на самом деле только часовую стрелку и резкую черную тень сбоку, на циферблате, которую отбрасывала часовая стрелка в этом ярком свете, падавшем на нее снизу.

Кроу указывал пальцем; казалось, он с трудом удерживается от того, чтобы пуститься в пляс.

— Это даже объясняет все разногласия в показаниях, понимаете? Свидетели показывали разное время — в зависимости от того, с какого места они видели эту тень. Профессор Ингрем, который сидел справа, увидел тень на первом делении слева от двенадцати и определил время как без одной минуты двенадцать. Мисс Уиллс, которая сидела в центре, видела тень ровно на двенадцати. Фильм же снимался слева и поэтому показывает одну минуту первого. А после представления, когда он — помните? — закрыл

двери, чтобы они ничего не увидели, он просто поставил минутную стрелку на место. На это ему понадобилось не больше пяти секунд. А часы снова показывали точное время. Во время же представления Чесни нахальнейшим образом сидел и держал эту стрелку у них перед глазами, и никто ее не узнал.

Наступило молчание.

Потом в темноте послышались различные звуки: Бостуик в восторге от услышанного хлопал себя по ляжкам; одобрительно порыкивал доктор Фелл; что-то бормотал Стивенсон, воюя с аппаратом, в котором заклинило ленту. Майор Кроу добавил, немного потише, но с горделивым удовлетворением:

— Разве я вам не говорил, что с этими часами какой-то фокус-покус?

— Говорили, сэр, — подтвердил Бостуик.

— Похоже на то, что здесь расчет на психологию, — признал доктор Фелл. — Вы знаете, я готов держать пари на небольшую ставку, что они попались бы на эту удочку, даже если бы не было тени. Когда стрелки часов показывают полночь, мы видим только одну стрелку и дальше не глядим; привычная картина, она нас и обманывает. Однако наш уважаемый Чесни пошел еще даль-

ше и трижды себя обезопасил. Теперь становится понятно, почему он настаивал на том, чтобы представление состоялось около полуночи. Эффект тени от стрелки, допустим, сработал бы при любом положении ее на циферблате. Однако при условии, что часовая стрелка находилась в вертикальном, указывая ровно на двенадцать, он добился того, что три разных свидетеля, находясь в трех различных положениях, ясно увидели на часах каждый свое время. И он поймал бы их на двух вопросах из десяти. Но послушайте… вопрос сейчас… спокойно… вопрос сейчас в том, каково же было *истинное* время?

— А-а-а… — протянул Бостуик.

— Часовая стрелка находится в вертикальном положении, верно?

— Верно, — подтвердил майор Кроу.

— Что означает, — доктор нахмурился, — что означает, если я правильно припоминаю — мне неоднократно приходилось возиться с часами, — что положение минутной стрелки в этих условиях может варьироваться от цифры одиннадцать до цифры пять, то есть от без пяти двенадцать до пяти минут первого. В течение этого времени часовая стрелка стоит более или менее вертикально, в зависимости от величины

и механизма часов. Время до полуночи нас не интересует. Время после полуночи интересует нас весьма серьезно… Это означает…

Майор Кроу спрятал свою трубку в карман.

— Это означает, — сказал он, — что алиби Джо Чесни разлетается в прах. Все строится на том, что он вышел от Эмсвортов ровно в полночь, в то самое время, когда (как мы предполагали) доктор Немо находился в «Бельгарде». Джо Чесни действительно вышел из их дома в полночь, а вот доктор Немо вошел в кабинет и убил Маркуса Чесни не в полночь. Нет-нет. Настоящее время — после полуночи. Возможно, это было пять или шесть минут первого. Джо Чесни вполне мог доехать на машине от Эмсвортов до «Бельгарда» за три минуты. Q. E. D.[15] Откройте кто-нибудь шторы. Я ничего не имею против Джо Чесни, однако я начинаю думать, что именно этот человек нам и нужен.

---

**[15] Notes: 15**
Quod erat demonstrandum — что и требовалось доказать *(лат.).*

# Глава пятнадцатая
# Что показал фильм

Просьбу майора Кроу исполнил Эллиот. Он подошел к одному из окон и раздвинул шторы. Тусклый дневной свет наполнил комнату, заставив померкнуть луч, исходящий из проектора; стало видно, что у экрана стоит майор Кроу, разглядывая побледневшее изображение на простыне, натянутой в дверном проеме.

Возбуждение майора Кроу все возрастало.

— Инспектор, — сказал он. — Я никогда не думал, что у меня есть особые способности к аналитическому мышлению. Но все это настолько ясно, что мы не можем этим пренебречь. Вы понимаете, бедняга Маркус Чесни действительно придумал способ, с помощью которого другой человек мог его убить…

— Ну и что? — задумчиво проговорил доктор Фелл.

— Вполне возможно, что Джо Чесни было все известно относительно часов и эффекта тени. Понимаете? Либо он гулял возле дома после обеда — Маркус вместе с Эмметом находился в

кабинете около трех часов, а окна были открыты; или, что более вероятно, Маркус и Эммет обсуждали это представление в течение нескольких дней, и Джо мог все это знать заранее.

Ему было известно, что Маркус не начнет представления, пока часовая стрелка не встанет в вертикальное положение. Обычным способом, как вы знаете, эти часы переводить нельзя. Маркус не мог перевести стрелки. И если Джо сумел обеспечить себе алиби у Эмсвортов, и если он мог возвратиться в «Бельгард»… и если Маркус решил назначить время для представления на после полуночи, а не на до полуночи, то Джо Чесни оказывался в самом выигрышном положении. Стойте! Тут еще одно (клянусь Юпитером, мне это только что пришло в голову): после всего ему нужно было бы сделать еще одно дело.

— Что именно? — спросил Эллиот.

— Ему пришлось бы убить еще и Уилбера Эммета, — сказал майор. — Эммет все знал о трюке с часами. И, кроме того, кто из здешних людей, как вы думаете, умеет делать уколы? — Он помолчал, давая время осмыслить это соображение. — Все ясно как день, джентльмены. У этого парня есть голова на плечах. Кто бы мог его заподозрить!

— Да вы же первый, — сказал доктор Фелл.

— Что такое?

— Вы ведь заподозрили, — указал ему доктор Фелл. — Это было первое, что пришло вам в голову. Я подозреваю, что в вашей правильно устроенной вулвичской[16] душе давно уже таится глубокое недоверие к чересчур жизнерадостной манере Джо Чесни. Однако продолжайте.

— Черт возьми! Я ничего не имею против этого человека! — недовольно проговорил майор Кроу.

Он снова перешел на официальный тон и обратился к Эллиоту:

— Дело это ваше, инспектор. После сегодняшнего утра я не имею к нему никакого касательства. Но мне кажется, у вас здесь сейчас неплохая позиция. Всем хорошо известно, что Джо Чесни ненавидит работать, а Маркус следил за тем, чтобы он не лентяйничал, просто заставлял его трудиться. А это, если говорить об основаниях для ареста…

— Какие основания? — спросил доктор Фелл.

— Я вас не совсем понимаю.

— Я говорю: какие основания? — повторил доктор Фелл. — В своем в высшей степени остроумном воспроизведении событий вы упустили

---

**[16] Notes: 16**
*Вулвич* — графство в Англии.

один пустячный, но, возможно, немаловажный факт. Это ведь не Джозеф Чесни мистифицировал нас с часами. Это сделал его брат Маркус. У вас несколько сместилось направление уличающих фактов: с больной головы валите на совершенно здоровую.

— Да, но…

— И таким образом, — продолжал доктор Фелл с нажимом, — с помощью некоего умственного жонглерства вы себя убедили, что следует арестовать человека просто потому, что нам удалось разрушить алиби, которое было для него установлено. Вы даже не выдвигаете предположения, что он сам организовал для себя это алиби. Вы хотите его арестовать единственно потому, что алиби у него нет. Я не собираюсь вам указывать на другие слабые места вашей гипотезы, которые бросаются в глаза. Ограничусь лишь тем, что просто скажу: этого делать нельзя.

Майор Кроу обиделся:

— Я ничего не говорил о том, что его надо арестовать. Я знаю, нужны улики. А что же вы предлагаете?

— А что, если мы продолжим просмотр, сэр? — предложил Бостуик. — Может быть, мы тогда разберемся?

— В смысле…

— Ну, этот тип в цилиндре. Мы его еще не видели.

— …И прошу всех иметь в виду, — сердито заявил доктор Фелл, когда порядок был восстановлен и шторы снова задернуты, — что на этот раз никто не будет нас прерывать, пока не закончится фильм. Все согласны? Хорошо! В таком случае закусите пулю[17], обуздайте ваше нетерпение и давайте посмотрим, что же там происходит. Валяйте, мистер Стивенсон.

Снова комната заполнилась жужжанием и щелчками проектора. На этот раз, наблюдая эту мимическую сцену, они хранили молчание, только иногда покашливали и шевелились в своих креслах. Теперь, когда Эллиот смотрел на происходящее, истина казалась столь очевидной, что он просто не мог понять, каким образом разум и зрение одновременно могли прийти к такому неверному заключению. Было совершенно несомненно, что длинная стрелка на часах — это тень, и ничего больше. Выражение лица Маркуса

---

**[17] Notes: 17**

Выражение «закусить пулю» идет с тех времен, когда не было анестезии и во время хирургической операции больному давали в зубы какой-нибудь предмет, чаще всего пулю, — для того чтобы было легче терпеть боль.

Чесни, который держал эту стрелку в руках и делал вид, что пишет, ничего им не говорило.

Маркус бросил ее на бювар. Казалось, будто он что-то услышал. Он слегка повернулся вправо. Его лицо — неприятно впалые щеки и глубокие глазницы — в этом ракурсе было особенно хорошо видно.

И вот в кадр вступил убийца.

Доктор Немо на самом деле медленно повернулся и посмотрел на них.

Вид у него был достаточно непрезентабельный: ворс на цилиндре вытерт, а может быть, потрачен молью; воротник грязно-серого плаща поднят до такого места, где полагается находиться ушам. Какое-то лохматое пятно, которое с одинаковым успехом могло быть и мордой насекомого, и складкой шарфа, окутавшего лицо, заполняло пространство между цилиндром и плащом; поверх пятна тускло мерцали черные очки.

В первый раз, когда он появился на экране, они могли рассмотреть его довольно хорошо, хотя это был вид слева. Он стоял в полосе света, но слишком близко к переднему плану, и свет был направлен слишком высоко, так что брюки и туфли были освещены довольно слабо и их трудно было рассмотреть. Пальцы правой руки,

одетой в перчатку, гладкие и негнущиеся, словно у манекена, держали черный саквояж, обращенный к ним той стороной, где была надпись.

Затем он стал двигаться с молниеносной быстротой.

Эллиот, готовый к тому, что должно произойти, увидел, что он делает. Когда он обернулся и посмотрел на Маркуса, тот стоял вполоборота и следить за его движениями было легче. Подойдя к столу, он поставил на него саквояж. Поставил его точно позади коробки с конфетами. Вдруг, словно передумав, он поднял его и тут же опустил снова, теперь поверх коробки. Первым движением он отпустил пружину своего хитрого саквояжа и поместил на стол коробку-дубликат. Вторым движением он подобрал первую коробку, и она оказалась у него в саквояже.

— Так вот, значит, как он ее подменил, — послышался из темноты голос майора Кроу.

— Ш-ш-ш! — рявкнул доктор Фелл.

Однако раздумывать было некогда, поскольку все закончилось слишком быстро. Когда Немо обошел вокруг стола и оказался вне светового пятна, он превратился в какую-то пульсирующую кляксу, что было неприятно, потому что он вроде как бы перестал существовать, дематери-

ализовался.

Затем они увидели, как убивают человека.

Немо вновь появился по другую сторону стола. Маркус Чесни что-то беззвучно ему сказал. Правая рука Немо, которую они видели, потому что теперь он стоял, повернувшись к ним лицом, была в кармане. Вот она появилась. Изображение слегка дрожало, так что следить за движениями было трудно, однако было видно, что Немо вынимает что-то из маленькой картонной коробочки.

До этого времени его движения были быстрыми и точными. Теперь в них появилась какая-то зловещая напряженность. Пальцы его левой руки обхватили горло Маркуса Чесни; они двигались, поднимая вверх подбородок. Даже из глубины глазниц можно было заметить удивленный блеск в глазах Маркуса Чесни. Правая рука Немо подползла к губам его жертвы; она всунула ему в рот капсулу и распрямилась.

— А-а, — проговорил из темноты комиссар Бостуик. — Именно в этом месте женщина воскликнула: «Не надо, не надо!»

Немо снова исчез из вида.

Обогнув стол в темноте, пронизанной танцующими блестками, он взял свой черный саквояж. Но на сей раз он прошел в самый дальний, правый

конец комнаты, для того чтобы выйти. В тусклом свете отчетливо была видна его фигура в полный рост. Можно было увидеть фрачные брюки и туфли для вечернего костюма. Кроме того, отчетливо было видно расстояние от нижнего края плаща до пола. В одно мгновение можно было определить его рост с такой же точностью, как если бы это было сделано с помощью сантиметра.

— Выключите аппарат! — сказал майор Кроу. — Остановитесь на этом кадре. Вы видите…

Не было нужды останавливать фильм. Он уже кончился. В аппарате раздались хлопающие звуки, экран замелькал, потемнел и стал чистобелым.

— Вот и все, — сказал Стивенсон несколько хриплым голосом. В течение короткого времени двигался один только Стивенсон. Он выключил аппарат, пробрался бочком позади него и прошел к окну, чтобы раздвинуть шторы. Открылась настоящая живая картина. Майор Кроу излучал удовлетворение. Комиссар Бостуик таинственно и спокойно улыбался, глядя на свою трубку. Но на лице доктора Фелла застыло выражение такого ужаса и недоумения, что казалось, будто его внезапно оглушили. Посмотрев на него, майор Кроу невольно рассмеялся.

— Кое-кто, я вижу, получил удар, — заметил он. — Итак, инспектор, я обращаюсь к вам. Каков был рост доктора Немо?

— Я бы сказал, по крайней мере шесть футов, — признал Эллиот. — Потом, конечно, придется внимательно изучить эту пленку при помощи увеличительного стекла и проделать необходимые измерения. Голова его была как раз на уровне каминной полки, так что это будет нетрудно. Сравнительные измерения это покажут. Но на вид его рост — шесть футов.

— Да-а, — подтвердил Бостуик. — Шесть футов, это точно. А вы заметили, как этот тип ходит?

— А что вы скажете, Фелл?

— Я говорю: нет.

— Вы что, не верите собственным глазам?

— Не верю, — сказал доктор Фелл. — Конечно не верю. Решительно нет. Обратите внимание на то, как мы запутались, поверив собственным глазам. Мы находимся в доме, где царят миражи и оптический обман, это ящик с секретами, комната ужасов. Когда я думаю об этом фокусе с часами, я испытываю благоговейный трепет. С этими часами нельзя было манипулировать, а Чесни это проделал. Если он смог придумать такую ловкую штуку, он мог изобрести что-нибудь

почище этого. Я ничему не верю. Клянусь громом, решительно ничему.

— Но разве у нас есть основания думать, что в этом тоже заключается подвох?

— Есть, — подтвердил доктор Фелл. — Я называю это «проблема ненужного вопроса». Однако здесь перед нами стоит и более серьезная новая проблема…

— А именно?

— Заметьте, как обманулся лучший наш, квалифицированный свидетель, — вещал доктор Фелл, доставая свой носовой платок и размахивая им. — Три свидетеля отвечали на вопрос, касающийся роста доктора Немо. Марджори Уиллс не особенно хороший свидетель, Хардинг и вовсе никуда не годится, тогда как профессор Ингрем, напротив, свидетель весьма надежный. И тем не менее два ненаблюдательных человека ответили на этот вопрос правильно, а умный и наблюдательный — безнадежно неправильно.

— И все-таки почему вы так настаиваете на том, что его рост не шесть футов?

— Я вовсе на этом не настаиваю. Просто я говорю, что здесь что-то нечисто. Все это время, все это колючее, неспокойное, запутанное время — с тех пор как я начал заниматься этим делом —

меня беспокоит, прямо-таки жжет один вопрос. Вот он, этот вопрос: почему этот фильм не был уничтожен?

Я повторяю, — сказал доктор Фелл, продолжая размахивать платком, — почему убийца не уничтожил этот фильм? После того, как умер Чесни, после того, как Эммета унесли наверх, весь первый этаж дома был пуст. У убийцы были все возможности, ему было проще простого уничтожить его. Вы же сами видели, когда приехали, что в музыкальной комнате никого не было. Аппарат был кое-как засунут под крышку радиолы. Все, что убийце нужно было сделать, — это открыть аппарат, вынуть пленку, засветить ее, и — пожалуйста! — только его и видели. Не будете же вы утверждать, что убийца умышленно оставил свое изображение, свои действия, запечатленные на пленке, чтобы полиция могла исследовать все это под микроскопом? Нет, нет и нет!

— Но Джо Чесни… — начал было майор Кроу.

— Прекрасно. Предположим, что убийца — Джо Чесни. Предположим, что он убил Маркуса, рассчитывая на то, что фокус с часами обеспечит ему алиби именно так, как вы говорили. Но не может же он быть таким абсолютным идиотом. Если он играл роль доктора Немо, он же не мог

не знать, что Хардинг снимает все это на пленку. Он должен был понять, что, когда будут внимательно смотреть этот фильм, тут же обнаружится отсутствие минутной стрелки, фокус-покус с часами, и вся схема полетит к чертям, как оно и получилось. Теперь скажите, когда именно он позвонил вам в полицию?

— В двадцать минут первого.

— Так. А когда вы прибыли в «Бельгард»?

— Приблизительно в двадцать пять минут.

— Вот. Совершенно верно. Итак, если он вам позвонил, значит он был внизу, буквально в двух шагах от музыкальной комнаты. Все остальные были наверху. Почему же он не пошел в музыкальную комнату — все это заняло бы у него две секунды — и не уничтожил улику, которая могла бы стоить ему жизни?

Майор Кроу слегка покраснел.

— Это в ваш огород камешек, сэр, — холодно заметил Бостуик.

— Почему это в мой, черт возьми? — обиженно возразил майор Кроу. — Откуда я знаю? Может быть, он не нашел камеру.

— Довольно странно, — сказал доктор Фелл.

— Но поскольку вы, комиссар, — продолжал майор Кроу, — лучше всех все понимаете, быть

может, вы нам поможете? Можете вы объяснить, почему убийца не уничтожил пленку?

— Да, сэр, могу. Дело было так. Один из убийц находился в таком положении, что не мог уничтожить эту пленку, а другой убийца не хотел, чтобы ее уничтожили.

— Как! Два убийцы?

— Да, сэр. Мистер Эммет и мисс Уиллс.

Бостуик общался со своей трубкой, разглядывая ее со всех сторон. Лицо его хранило мрачное, задумчивое выражение, и говорил он с трудом:

— Я тут не очень много говорил по поводу нашего дела, однако я всесторонне его обдумал — и так прикидывал, и эдак. И если вы хотите знать мое мнение, извольте, я вам скажу; к тому же я могу предоставить вам настоящую улику.

Вот, например, этот тип в фильме. — Он указал на экран. — Это мистер Эммет. Никакого сомнения. Посмотрите на его рост, посмотрите на походку. Спросите любого человека в здешних местах, покажите им фильм и спросите, знают ли они человека с такой походкой? Кто это и есть ли на свете еще кто-нибудь, у кого такая походка? Все вам скажут, что это мистер Эммет.

Я никогда не верил этой чепухе, тому, что кто-то ударил мистера Эммета и занял его место. Не

верил, и все тут. Это мисс Уиллс подсунула нам эту идею, прежде чем мы разобрались, зачем ей это нужно. Совсем как в кино. Господи боже ты мой! — Он встал со своего места. — Да зачем убийце нужны были все эти сложности, когда ему достаточно было просто подсыпать цианистого калия в чай? А если бы что-то случилось с его костюмом? Упал, например, цилиндр или размотался шарф? Этого не случилось, но вполне могло произойти. Кто бы ни был этот убийца, он бы не хотел, чтобы мы увидели фильм, в котором все это запечатлено. Почему же он тогда его не уничтожил?

В прошлую ночь я не спал ни минуты, думал обо всех этих вещах. И вдруг меня осенило, и я сказал себе: черт возьми мою калошу! — Он хлопнул себя по коленке. — Черт возьми мою калошу, сказал я, а где же, интересно, другая капсула?

Эллиот посмотрел на него.

— Другая капсула? — спросил он, в то время как Бостуик твердо встретил его взгляд.

— Да, другая капсула. Мы думаем — мисс Уиллс заставила нас так думать, — что кто-то ударил мистера Эммета по голове и положил на место обычной капсулы отравленную. Ладно, предположим, что это так. Но если так, то где же другая

капсула? Безобидная, безвредная? Мы искали и тут, и там, искали повсюду: в плаще и в саквояже — везде, где только можно. И что же, нашли мы ее? Нет, не нашли. Это может означать только одно: другой капсулы не было, была всего одна, та самая, которая находилась у мистера Эммета, та, которую он засунул в глотку старику Чесни и заставил проглотить.

Майор Кроу присвистнул.

— Продолжайте, — потребовал он.

— Есть и еще одна вещь, которую мы не нашли, — сказал Бостуик, обращаясь к Эллиоту. — Это маленькая коробочка. Маленькая картонная коробочка, из которой он достал капсулу. Обнаружили мы ее у него в кармане? Нет, не обнаружили. И я сказал себе: так, сказал я, где же она? И вот сегодня утром я поискал там, где, как мне казалось, она могла находиться. Там она и обнаружилась.

— Где?

— В правом кармане пиджака мистера Эммета. Он висит на стуле у него в спальне, где его повесили, когда раздевали мистера Эммета.

— Это, — сказал майор Кроу, — уже скверно пахнет.

— Позвольте мне кончить, сэр, раз уж я излагаю свои соображения, — проговорил Бостуик

торопливо и еще более значительно, чем раньше. — Кто-то убил мистера Эммета прошлой ночью. Этот кто-то действовал заодно с мистером Эмметом в деле убийства старого джентльмена. Всем хорошо известно, что ради мисс Уиллс мистер Эммет был готов на все. А возможно, что она дала ему отравленную капсулу без его ведома и велела ему заставить старого Чесни ее проглотить. В этом я, однако, не уверен, потому что мистер Эммет сам ударил себя по голове, чтобы получить алиби, так что, похоже, все это было договорено заранее. Почему же она тогда закричала: «Не надо, не надо!» — когда его убивали, а потом отрицала это?

Вряд ли можно утверждать, что это естественно, если она не знала, что происходит. А она знала — это точно. В последнюю минуту она, помимо своей воли, хотела его остановить. Такие вещи случались и раньше. Может быть, вы этого и не знаете, мистер Эллиот, но я много читал о тех убийствах, которые вы расследовали в Лондоне. Женщины не могут с собой совладать, даже когда они сами затеяли все дело. «Не надо, не надо!» — именно это кричала злоумышленница Эдит Томпсон, когда этот тип Бейуотерс, с которым она состояла в сговоре, выбежал из дома,

чтобы всадить нож в ее мужа, с которым она возвращалась из кино.

Он замолчал, тяжело дыша.

Майор Кроу смущенно ерзал в своем кресле.

— Уликой против Уилбера Эммета, — согласился Эллиот, — является то… ну, словом, если кто-то подтвердит, что человек в фильме — это именно Эммет, то это, конечно, улика против него.

У него был расстроенный вид, и чувствовал он себя прескверно, однако нужно было смотреть фактам в лицо.

— Ладно, пока все хорошо. Но где у вас доказательства, что здесь замешана мисс Уиллс? Не можем же мы арестовать ее только на том основании, что она закричала: «Не надо, не надо!» Этого недостаточно.

— Есть у нас такие доказательства, не беспокойтесь, — сказал Бостуик. Его лицо снова налилось кровью. Он помолчал, а потом обернулся и крикнул через плечо: — Хобарт Стивенсон, если ты где-нибудь скажешь хоть слово из того, что услышал здесь, в этой комнате, я тебе шею сверну. И ты знаешь, что я не шучу.

— Никому не скажу ни слова, комиссар, — сказал Стивенсон, глядя на него во все глаза. — Вот честное слово.

— Имей в виду, я все равно узнаю, если что, — предупредил Бостуик, гневно взирая на аптекаря. Затем он повернулся к остальным. — Я собирался сказать об этом сразу, как только мы посмотрим фильм. Я никому об этом не говорил, даже майору, потому что мне самому хотелось в этом убедиться. Но доказательство есть — это точно. Вы только что сказали, сэр, минуту тому назад, что мало кто умеет обращаться со шприцем — не считая, конечно, докторов. А она умеет. Она научилась делать уколы, когда нам грозила эпидемия гриппа — пять-шесть лет тому назад. Она помогала доктору Чесни делать прививки.

Вот вы говорите, мой мальчик, — он посмотрел на Эллиота, — что мы не торопимся арестовывать людей за то, что они бросают в нее камнями. Это неправда, и мне ваше замечание не понравилось. Нисколько не понравилось. Если кто-то будет замечен в нарушении спокойствия, я исполню свой долг, однако не надейтесь на то, что магистрат пощадит таких людей, кто бы они ни были. Я предупреждал вас, что у меня есть доказательства. Что вы об этом думаете?

Из внутреннего кармана пиджака он достал конверт. Он раскрыл его, так что они могли заглянуть внутрь; он обошел всех присутствующих.

В конверте лежал небольшой шприц. Блестящий никелевый поршень внутри маленькой стеклянной трубочки, в которой сохранились остатки прозрачной вязкой жидкости. До них отчетливо донесся запах горького миндаля.

— Да, — сказал Эллиот. — Да.

В горле у него было сухо, в глазах горячо.

— Где вы это взяли?

— У меня есть привычка совать нос во все углы, — сказал Бостуик. — Именно поэтому я попросил майора послать мисс Уиллс сюда за вами. Я нашел его в отделении шкатулки для драгоценностей — у нее там двойное дно, — которая стояла на туалетном столике в спальне мисс Уиллс.

Он протянул конверт Эллиоту и сложил руки на груди.

— Это, — проговорил майор Кроу, откашливаясь, — это, похоже, окончательно решает дело. Что вы на это скажете, инспектор? Вам нужен ордер на арест?

— Нет, сначала я должен иметь возможность с ней об этом побеседовать. — Эллиот говорил очень тихо. Он сделал глубокий вздох. — Однако боюсь, что вы правы, это, по-видимому, решает дело. А каково ваше мнение, доктор?

Доктор Фелл вцепился обеими руками в се-

деющие волосы. Он стонал. На лице его было отчаянное выражение неуверенности.

— Если бы я только мог быть уверенным! Если бы я только мог… — взывал он, — мог выкарабкаться из того, что в данную минуту представляют собой обломки моей вселенной! Я не знаю, что вам сказать. Все это дело рушится вокруг меня, я никогда не предполагал, что такое может со мною случиться. Вполне возможно, что они правы…

Надежды Эллиота тоже рухнули, рассыпались в прах.

— …Однако небольшая беседа с девушкой, как сейчас было сказано…

— Поговорить с ней! — взревел комиссар Бостуик, теряя над собой контроль. — Поговорить с ней! А-а-а! Этим мы только и занимаемся, только разговоры разговариваем. Эта девица — преступница, и нам это прекрасно известно. Бог знает, у нее были все возможности для того, чтобы совершить это преступление. Мы действуем по справедливости. Будь она хоть из королевского дома, мы не могли бы быть более справедливыми. И какой из этого вывод? Мы знаем, какой вывод. Она — настоящая Эдит Томпсон, только еще гораздо хуже. А та Эдит Томпсон, как я слышал, — он посмотрел на Эллиота, — пыталась

даже обольстить детектива, который пришел, чтобы допросить ее после убийства. История повторяется, вот что я скажу, повторяется и повторяется все время.

# Глава шестнадцатая
# Картонный ключ

В тот день в половине пятого доктор Фелл и инспектор Эллиот вместе с комиссаром Бостуиком отправились осмотреть спальню Марджори Уиллс.

Первые двое пообедали в полном молчании в «Голубом льве». В полном молчании, потому что с ними был майор Кроу. И хотя майор заявил, что он будет присутствовать только при этой части дознания, а потом полностью устранится от этого дела, Эллиот совсем не был в этом уверен. Во время обеда Эллиот хранил угрюмое молчание; когда принесли мясо, он почувствовал легкую дурноту. Он все время себе повторял, что дело ясно, что же тут можно сделать и так далее. Теперь, когда он вспоминал свой разговор с Марджори, ее мольба, ее порыв казались ему настолько театральными, фальшивыми, что его тошнило, точно от горького лекарства. Ее, скорее всего, повесят; и ничего тут не поделаешь. Но как она сумела, черт ее побери, прочесть его мысли?

Два раза в жизни ему приходилось присутство-

вать при повешении. Подробности вспоминать не хотелось.

Когда они приехали в «Бельгард», он обнаружил (с облегчением, от которого едва не задохнулся), что Марджори нет дома. Она уехала на машине вместе с Хардингом, как сказала Памела, хорошенькая горничная, служившая в «Бельгарде»; уехала в Бат или в Бристоль, как сказала рыженькая Лена, тоже тамошняя горничная. Обе они находились в расстроенных чувствах, как и кухарка мисс Гринли, потому что они были одни в доме. Время от времени к ним заглядывал некий мистер Мак Крекен — по-видимому, это был помощник Эммета в оранжереях, — чтобы узнать, все ли в порядке. Доктора Чесни, хотя он ночевал в прошлую ночь в «Бельгарде», там тоже не было. Ни горничные, ни кухарка не могли сообщить ничего нового по поводу двух смертей, случившихся накануне.

«Бельгард» купался в лучах осеннего солнца, по-прежнему веселый и безмятежный. Его стены из желтого и синего кирпича, его островерхая крыша с нарядным голландским фронтоном, казалось, не скрывали в себе никакой тайны. Уилбер Эммет тоже умер очень спокойной смертью. Окна его комнаты выходили на запад. Бледный

солнечный свет вливался в комнату сквозь незакрытые шторы. Голова его была забинтована, на лице слегка проступили синие пятна; и, несмотря на это, его мертвое лицо казалось удивительно спокойным и даже привлекательным. Он лежал, вытянувшись на спине, закрытый по грудь покрывалом; голая рука — рукав пижамы был подвернут и засучен — лежала поверх покрывала. Доктору Весту разрешили забрать тело, для того чтобы произвести вскрытие. Пока он мог только сказать, что Эммет, по всей вероятности, умер оттого, что получил дозу синильной кислоты, которая была введена подкожно, вероятно с помощью шприца. Нельзя было себе представить более спокойной атмосферы, ничто решительно не говорило здесь об ужасах, о преступлении. И тем не менее даже доктор Фелл, оглядев залитую светом комнату, где рисунок на обоях напоминал о персиках, не мог сдержать дрожь.

— Н-да-а, — сочувственно проговорил Бостуик, глядя на него. — Сюда, пожалуйста.

Спальня Марджори находилась в передней части дома. Это была большая веселая комната; она была оклеена кремовыми обоями, больше похожими на панели. Мебель светлого ореха, на окнах — золотисто-коричневые портьеры

поверх белых драпированных занавесок. Возле кровати стояла низкая открытая книжная полка, на ней — книги, штук двадцать или даже больше. Эллиот посмотрел на заголовки. Это были в основном путеводители по Франции, Италии, Греции и Египту. Французский словарь. «Говорите по-итальянски» в бумажной обложке. «Море и Джунгли», «Где начинается небо», «Портрет Дориана Грея», сборник пьес Дж. М. Барри, сказки Андерсена, «Хроника Амана Висье». И еще — Эллиот подумал: заметил их Бостуик или нет? — несколько учебников по химии.

Бостуик обратил на них внимание:

— О-о, а-а, посмотрите-ка там, на нижней полке, есть кое-что интересное.

— Хм, я бы сказал, довольно пестрое собрание, вам не кажется? — пробормотал доктор Фелл. — Характер этой молодой особы начинает мне казаться более интересным, чем я думал.

— Для меня интереса вполне достаточно, — мрачно заявил Бостуик. — Взгляните-ка сюда.

Туалетный столик помещался между окнами. В середине, вплотную к круглому зеркалу, стояла квадратная золотая шкатулка со стороной примерно пять дюймов, с закругленными краями, на четырех коротких ножках. Это была работа

итальянских мастеров. На крышке — красочное изображение Мадонны с младенцем. В шкатулке было двойное дно высотой не более четверти дюйма, искусно замаскированное. Оно открывалось с помощью пружинного механизма, который приводила в движение розетка, расположенная на одной из ножек. Бостуик продемонстрировал, как это делается.

— Я полагаю, — медленно проговорил Эллиот, — что она приобрела эту шкатулку во время своей поездки за границу.

— Смею заметить, — сказал Бостуик безразличным тоном, — дело в том…

— И следовательно, другие участники этой поездки тоже могли знать о существовании двойного дна.

— А что? — рыкнул доктор Фелл, обернувшись. — Вы полагаете, что шприц ей подбросили?

— Не знаю, — честно ответил Эллиот. — Признаться, это первое, что мне пришло в голову. Но если кто-то его и подбросил, я также должен признать, что не имею ни малейшего понятия, для чего это было сделано. Давайте рассмотрим факты.

Он ходил взад и вперед по комнате, рассуждая

на ходу.

— Мы должны признать, что настоящий убийца — это либо член семьи Чесни, либо человек, очень тесно связанный с домом. Никуда от этого не денешься. Если бы это было в романе, убийцей очень удобно можно было бы сделать совсем постороннего человека, такого, как, например, Стивенсон, этот аптекарь.

Бостуик вытаращил глаза:

— Ну-ка, ну-ка, ну-ка! Вы что, хотите сказать…

— Нет, это несерьезно, и мы это понимаем. И все-таки — у кого из здешних людей могли бы быть причины?..

Он вдруг замолчал, и оба они — и он, и Бостуик — обернулись, услышав негромкое восклицание доктора Фелла. Шкатулка для драгоценностей не привлекала внимания доктора. Вместо этого он небрежно, можно сказать, даже рассеянно выдвинул правый ящичек туалетного стола. Оттуда он достал картонный футляр от юпитера: он был пуст. Доктор Фелл взвесил его в руке. Фыркнул. Поправил очки, посадив их покрепче на нос, и стал рассматривать футляр на свет, как обычно смотрят на свет бутылку вина.

— О, это интересно, — пробурчал доктор Фелл.

— Что, сэр?

— Лишь немного более, но как это оказалось много, — сказал доктор Фелл. — Послушайте, если ни у кого нет возражений, я бы очень хотел побеседовать с горничной, которая убирает эту комнату.

Эллиот вызвался исполнить просьбу доктора и привести горничную. У доктора Фелла был такой вид, словно он начал колотить в дверь и уже готов ее взломать. Эллиот выяснил, что убирать в этой комнате входило в обязанности Лены, рыженькой. Однако Памела, хорошенькая, потребовала, чтобы ей разрешили сопровождать Лену для моральной поддержки; таким образом, обе они предстали перед доктором Феллом с напряженным и торжественным видом, под которым (как Эллиот узнал впоследствии) скрывалось отчаянное желание расхохотаться.

— Хелло, — дружелюбно приветствовал их доктор Фелл.

— Хелло, — сдержанно ответила рыженькая. Что же касается Памелы, она очаровательно улыбнулась.

— Так-так-так, — сказал доктор Фелл. — Кто из вас убирал сегодня утром эту комнату?

Лена, быстро оглядев комнату, вызывающе ответила, что она.

— Вы когда-нибудь видели эту штуку? — спросил доктор Фелл, показывая ей футляр.

— Да, видела, — ответила Лена. — Она купила его вчера утром.

— Она?

— Мисс Марджори купила, — сказала Лена, после того как подруга ткнула ее в бок. — Она выходила в аптеку и купила, а когда вернулась домой, я как раз убирала в комнате, так что я видела.

— Это что — улика или ключ? — спросила Памела, изображая невинную заинтересованность.

— Ключ. А что она с ней сделала, с этой лампой, вы не знаете?

Лена нахмурилась:

— Она положила ее в туалетный столик, в тот ящик, который вы открыли; положите-ка ее, пожалуйста, на место, откуда взяли.

— Вы видели потом эту лампу?

— Нет, не видела.

Вести себя таким образом заставлял Лену самый обыкновенный страх, а вот Памела была совсем из другого теста.

— А я ее видела, — сообщила она.

— Видели? Когда?

— Вчера вечером, без четверти двенадцать, —

не задумываясь ответила она.

— Уау-у! — вскричал доктор Фелл с таким облегчением, яростью, с таким полным отсутствием такта, что даже Памела отшатнулась, в то время как лицо Лены приобрело грязно-серую окраску. — Прошу простить меня, мне очень, очень жаль, — извинился он, размахивая руками и только усиливая всеобщее замешательство.

Бостуик смотрел на него во все глаза.

— Ты смотри осторожнее, — предупредила подругу Лена, — не очень-то высовывайся, а то посадят тебя в тюрьму, тем дело и кончится.

— Не посадят меня в тюрьму, — сказала Памела. — Ведь не посадят?

— Конечно нет, — сказал доктор Фелл, снова переходя на успокоительный тон. — Не могли бы вы мне об этом рассказать? Попробуйте рассказать, как все было.

Прежде чем начать, Памела обернулась к подруге и бросила на нее торжествующий взгляд.

— Я отнесла ее мистеру Чесни, — объяснила она. — Я вчера долго не ложилась, слушала радио…

— А где находится радио?

— На кухне. А потом, когда передача кончилась, я вышла из кухни и только стала подниматься по

лестнице, как мистер Чесни вышли из кабинета.

— Да?

— Они сказали: «Хелло, почему вы не спите? Вам полагается быть в постели». А я ответила: «С вашего позволения, сэр, я слушала радио, только-только собиралась пойти спать». Они хотели что-то сказать, но как раз в этот момент из библиотеки вышли профессор Ингрем. Мистер Чесни мне сказали: «Вы знаете, где находится лампочка для фотосъемок, которую мисс Марджори сегодня купила?» А я как раз знала, мне сказала Лена.

— Не впутывай ты меня в это дело! — воскликнула Лена.

— Да не будь ты такой дурой, — нетерпеливо сказала Памела. — Ну что в этом такого? Я сказала, что она наверху. Мистер Чесни и говорят: «Сбегайте, пожалуйста, и принесите мне ее, хорошо?» Ну, я сбегала и принесла им лампочку, пока они разговаривали с профессором Ингремом, а потом пошла спать.

Неизвестно, о чем доктор Фелл собирался спрашивать Памелу, потому что его перебила Лена.

— Уж не знаю, да и знать не хочу, есть здесь что-нибудь или нет, — выпалила она, — а только мне до смерти надоело, что все только разговоры разговаривают, то здесь, то там, то о том, то об

этом, а вот про нее — так ни словечка, тут сразу молчи, и точка.

— Лена! Тш-ш-ш! Тихо!

— Нечего мне шикать! — заявила Лена, складывая руки на груди. — Я не верю ни минуты, что она сделала то, что про нее говорят, иначе мой папаша ни за что не разрешили бы мне здесь работать, в момент забрали бы меня отсюда, — так они мне и сказали. А ее я не боюсь, пусть бы десять таких было, как она, я бы и тогда не испугалась. А все равно она ведет себя не так, как положено, вот ее и обвиняют. Почему она, интересно, ходила вчера к профессору Ингрему и просидела у него все утро до полудня и больше никого при этом не было, а ее молодой человек — уж такой хороший да пригожий — сидел здесь один! А что в Лондон постоянно ездила, когда все думали, что она у миссис Морисон в Рединге? На свидания она ездила, к мужчине, вот куда, если хотите знать.

Комиссар Бостуик в первый раз проявил заинтересованность.

— Ездила в Лондон? Что это еще за поездки в Лондон? — спросил он.

— Ну, *я*-то знаю, — таинственно ответила Лена.

— Я вас спрашиваю, когда это было.

— Не важно когда, — отвечала Лена, окончательно теряя голову и дрожа от собственной значимости. — А только ездила она встречаться с мужчиной, вот в чем дело, и этого достаточно.

— Послушай-ка, сударыня, — сказал Бостуик, в свою очередь теряя терпение, — сейчас же прекрати это, а то сама знаешь, что тебе будет. Почему ты мне раньше об этом не сказала?

— Потому что папаша сказали, что они мне всю задницу отобьют, если я кому-нибудь скажу. Вот почему. А потом это было полгода тому назад, так какая теперь разница? Вам это совершенно неинтересно, мистер Бостуик. Ведь я что говорю: если бы нам всем было позволено так себя вести…

— Пожалуйста, можно нам теперь уйти? — вмешалась Памела, отчаянно тыкая подругу локтем в бок.

— Никуда вы сейчас не уйдете, черт возьми! Кто этот человек, с которым она встречалась в Лондоне?

— Хорошо же вы себя ведете, нечего сказать! — проговорила рыжая, глядя на комиссара во все глаза. — Не знаю я. Пусть бы мне дали все деньги, которые есть в английском банке, я все равно скажу, что не знаю. Мне только известно, что этот парень работает в лаборатории или где-то там

еще, потому что он писал письма. И не думайте, пожалуйста, ничего такого, просто это было напечатано на конверте. Поэтому я и знаю.

— В лаборатории, говоришь, а? — повторил Бостуик веско и значительно. Тон его изменился. — А ну, марш отсюда. И ждите за дверью, пока вас не позовут.

Это распоряжение было нетрудно выполнить, поскольку в этот момент Лена разразилась рыданиями. События минувшей ночи, то, что она наконец высказалась, облегчила душу, — все это оказалось ей не под силу. Памела, более сдержанная и холодная по натуре, заботливо обняла ее и вывела из комнаты. А Бостуик только потирал себе лоб:

— Лаборатория, а?

Он снова обдумывал эту идею.

— Вы думаете, в этом есть что-то интересное? — спросил Эллиот.

— Ну что же, я вам скажу. Я думаю, что нам наконец повезло. Мы совершенно неожиданно нашли ответ на загадку, которую не могли разгадать все это время: откуда она взяла яд, — заявил комиссар. — Я по опыту знаю. Все приходит вдруг — удача или, наоборот, неудача. Так оно и бывает. Лаборатория! Ну и ну, вот это здорово! Я…

У этой молодой особы просто страсть к химикам. Сначала этот тип, потом мистер Хардинг.

Эллиот наконец решился.

— Хардинг и есть этот тип, — сказал он и объяснил им, в чем дело.

На протяжении этих объяснений, в то время как глаза у Бостуика раскрывались все шире и шире, а доктор Фелл продолжал мрачно смотреть в окно, у Эллиота создалось впечатление, что для доктора это не было новостью. Ему вспомнились события сегодняшнего утра, доктор Фелл, который находился слишком близко и, конечно же, слышал их разговор. Свист, который издал Бостуик, был настолько длинным и искусным, что его вполне можно было принять за музыкальную гамму.

— Как давно вы все это знаете? — требовательно спросил он у Эллиота.

— С того момента, когда она, по вашему выражению, пыталась соблазнить полицейского.

(Он почувствовал на себе взгляд доктора Фелла.)

— О-о, а-а, — говорил Бостуик так, словно на него нашло озарение. — Значит, это было просто… впрочем, не важно.

Комиссар испустил легкий вздох, в котором

раздражение сочеталось с облегчением.

— Самое главное — это то, что дело у нас готово, можно сказать, в кармане. Можно не беспокоиться. Теперь ясно, откуда она взяла яд: она достала его через мистера Хардинга. Вероятно, она бывала у него в лаборатории, там у нее был свободный доступ ко всему, она могла украсть все что угодно, и никто бы ничего не заметил. А? Или же… А что, если…

Он замолчал, на лице его появилось мрачное, тупое выражение.

— Ну как? Ведь может… А что, если… Мистер Хардинг — весьма сладкоречивый человек; но все это гораздо глубже, гораздо глубже, чем мы думаем. А что, если они провели нас с самого начала? Что, если задумали и провернули всю эту историю вместе? Что вы на это скажете?

— Я скажу, что не может быть и то и другое одновременно, сэр.

— То есть как?

— А так, сэр. Вы же говорите о судебном деле. — Эллиот готов был сорваться на крик. — Но надо же иметь это судебное дело! А у вас что? Сначала вы говорите, что она совершила убийство самостоятельно. Потом утверждаете, что она совершила убийство в сообществе с Эмметом.

А теперь оказывается, что она убила Эммета в сообщничестве с Хардингом. Ради бога, будьте благоразумны. У вас получается, что она маньячка — так и смотрит, с кем бы на пару кого-нибудь укокошить.

Бостуик небрежно засунул руки в карманы:

— Да что вы? Объясните, пожалуйста, что вы имеете в виду, мой мальчик?

— Разве я недостаточно ясно выразился?

— Нет, мой мальчик, боюсь, что недостаточно. Боюсь, что некоторые вещи вы делаете чересчур ясными, тогда как другие, напротив, совсем не объясняете. Судя по вашему тону, вы все еще не верите, что она совершила преступление.

— Если говорить честно, — сказал Эллиот, — вы совершенно правы: я действительно в это не верю.

В этот момент раздался легкий удар. Доктор Фелл, который никогда не отличался тем, что называется осторожностью в движениях, ухитрился опрокинуть флакончик с духами, который стоял на туалетном столике Марджори. Он смотрел на него, моргая, потом, убедившись, что флакон не разбился, оставил его лежать и снова откинулся назад с выражением величайшего удовольствия. Вся его фигура излучала облегчение, оно выходи-

ло из него так же, как пар выходит из котла, когда откроют клапан.

Доктор Фелл сказал:

— Лишь я один могу рассказать, что было. Мясник из Руана, бедняга Берольд. Землею правят короли, сидящие на троне…

— Что с вами?

— Ха! — сказал доктор Фелл, стуча себя в грудь, совсем как Тарзан. Затем он оставил напыщенный декламаторский тон, вздохнул раза два — при вздохе из груди его вырывался свист — и указал на окно. — Нам надо, — продолжал он, — выработать наконец план кампании. Надо решить, кому мы предъявим обвинение, когда мы это делаем и какие у нас для этого основания. Мисс Уиллс, мистер Хардинг и мистер Чесни в настоящую минуту совершают прогулку в автомобиле, следовательно, нам необходимо немного побеседовать. Но одно я скажу уже сейчас, Эллиот, мальчик мой: я ужасно рад, что вы сказали то, что вы сказали.

— Рады? Почему?

— Потому что вы совершенно правы, — просто ответил доктор Фелл. — Эта девушка имеет не большее отношение ко всем этим убийствам, чем я.

Наступило молчание.

Для того чтобы скрыть полное отсутствие мыслей, Эллиот раздвинул шторы на ближайшем окне и выглянул наружу. Внизу раскинулась аккуратная лужайка перед домом, аккуратная подъездная аллея и невысокая каменная стенка, отделяющая ее от дороги. Как раз в этот момент в ворота въезжал открытый автомобиль, за рулем которого сидел Хардинг. Рядом с Хардингом на переднем сиденье разместилась Марджори, а сзади вольно расселся доктор Чесни. Даже с этого расстояния Эллиот заметил, как нелепо он выглядел: на нем был черный костюм и в то же время в петлице красовался белый цветок.

Эллиот не стал смотреть, какое выражение лица было у Бостуика.

— Итак, план у вас был такой, — продолжал доктор Фелл. — Вы намеревались принять самый злобный вид и наброситься на нее с криком. Вы намеревались махать перед ее носом этим шприцем. Вы намеревались бомбить ее вопросами до тех пор, пока она не признается. Вы собирались идти наикратчайшим путем: разозлить ее, добиться, чтобы она сделала какую-нибудь глупость. Позвольте дать вам совет: не делайте этого. Не говорите ни слова. Не говоря уже о том,

что она ни в чем не виновата…

Бостуик кинул на него мрачный взгляд.

— Значит, вы тоже с ним заодно, — сказал он.

— Да, значит, — подтвердил доктор Фелл. — Клянусь громом, я с ним заодно. Я нахожусь здесь для того, чтобы защитить сирых и убогих, для того, чтобы им не причинили никакого зла. А иначе грош мне цена в этом космосе. Можете засунуть это в свою трубку, и пусть горит. Если вы начнете на нее нажимать, орать и ругаться, кончится тем, что у вас на руках вместо дела об убийстве окажется дело о самоубийстве. Это было бы весьма прискорбно, поскольку девушка ни в чем не виновата, и я могу это доказать. Меня ввели в заблуждение, я ошибся, так ошибся, как никогда в жизни не ошибался! Но сейчас вы можете услышать истину. О, забудьте ваши проклятые лаборатории! Марджори Уиллс не имеет к ним ни малейшего отношения. Она не крала, не доставала, не брала в долг никакого яда из лаборатории Хардинга. Должен, к сожалению, сказать, что и Хардинг в этом неповинен. Это вам ясно?

В гневе или возбуждении он все время указывал на окно. Вот почему они все подошли к окну и увидели, что происходит внизу.

Машина с включенным мотором стояла на аллее примерно в двадцати футах от парадной двери. Хардинг смотрел на Марджори — она покраснела и казалась неуверенной — и что-то ей говорил. Он не глядел в зеркальце заднего вида, укрепленное на ветровом стекле, и не видел, что делается у него за спиной, — собственно, и не было для этого никаких оснований. Доктор Чесни сидел на заднем сиденье; он подался вперед, опершись руками о колени, и улыбался. Из окна можно было отчетливо видеть каждую деталь: лужайку, все еще мокрую от дождя, желтые листья каштанов, окаймляющих аллею, улыбку на лице доктора Чесни, которая показывала, что он слегка выпил.

Окинув взглядом дом, доктор Чесни вынул цветок из петлицы и выбросил его на аллею. Поерзав на сиденье, он достал из кармана пиджака револьвер 38-го калибра. На его веснушчатом лице по-прежнему держалась улыбка. Подавшись вперед, он поставил локоть на спинку переднего сиденья для упора, прижал дуло к шее Хардинга и нажал спуск. Птицы, сидевшие на ветвях каштанов, испуганно взмыли вверх, когда раздался выстрел; мотор автомобиля кашлянул раз-другой, вздрогнул и заглох.

# Глава семнадцатая
# Белая гвоздика

Комиссар Бостуик был на добрых двадцать лет старше Эллиота, однако он сбежал вниз почти одновременно с ним. В первые доли секунды Эллиоту показалось, что все то, чему он только что был свидетелем, всего-навсего обман чувств, мираж, возникший на этой спокойной поляне перед домом, похожий на одну из выдумок Маркуса Чесни. Однако то, что Хардинг свалился с водительского сиденья и теперь лежал на боку, было отнюдь не иллюзией, так же как и то, что он пронзительно кричал.

Машина с выключенным мотором продолжала медленно двигаться, она была уже около самой двери, когда Марджори догадалась дернуть ручной тормоз. Когда Эллиот подбежал, доктор Чесни стоял во весь рост в машине, очевидно сразу протрезвев. Эллиот ожидал, что увидит Хардинга, распростертого на переднем сиденье с пулей в голове, однако он увидел совершенно иное: Хардингу удалось нащупать ручку на дверце машины, открыть дверцу и выползти на

четвереньках через аллею на траву, где и свалился. Плечи у него были подняты до самых ушей, из раны на затылке текла кровь по шее вдоль воротника, это ощущение текущей крови испугало его до полусмерти. Он монотонно повторял одну и ту же фразу; не будь ситуация столь серьезной, можно было бы подумать, что это сцена из комедии.

— В меня стреляли, — шептал он. — В меня стреляли. О боже мой, в меня стреляли.

Затем он стал бить ногами и извиваться на земле. Эллиот понял, что они имеют дело не с трупом и вообще до этого еще далеко.

— Лежите спокойно, — приказал он. — Лежите!..

Стенания Хардинга превратились в вопли ужаса. То, что говорил доктор Чесни, тоже трудно было понять, хотя, конечно, по другой причине.

— Он сам выстрелил, — бормотал он, указывая на револьвер. — Сам выстрелил.

Повторяя это снова и снова, он, по-видимому, хотел внушить тем, кто его слушал, удивительнейшую новость — то, что револьвер выстрелил самостоятельно.

— Мы это заметили, — сказал ему Эллиот. — Да, в вас стреляли, — обратился он к Хардингу. — Но не убили ведь, правда? Что вы чувствуете, живы

вы или нет?

— Я…

— Позвольте, я посмотрю. Послушайте! — уговаривал Эллиот, беря его за плечи.

Хардинг смотрел на него бессмысленным взглядом.

— Вы даже не ранены, слышите? У него, наверное, дрогнула рука, а может быть, еще что-нибудь помешало. Пуля скользнула вбок и задела кожу на шее. Выстрелом обожгло кожу, но настоящей раны у вас нет, только царапина, слышите? Царапина глубиной в одну десятую дюйма.

— Ладно, чего там, — бормотал Хардинг. — Стоит ли жаловаться! Ничего страшного нет, будем мужественны, а? Ха-ха-ха!

Несмотря на то что он, казалось, ничего не слышал, что он произносил какие-то слова рассеянным, чуть ли не шутливым тоном, Эллиот увидел его в новом свете. Эллиот понял, что работает острый ум, который мгновенно оценил ситуацию и поставил диагноз, превозмогая притупивший его страх; понял, что еще минута — и он станет смешным. Он мгновенно сел, продемонстрировав великолепное актерское мастерство.

Эллиот отпустил его плечо.

— Посмотрите, что здесь нужно сделать, — об-

ратился он к доктору Чесни.

— Сумку, — проговорил доктор Чесни, сглотнув раз-другой и делая неопределенные жесты в сторону парадной двери. — Черная сумка. Моя сумка. В холле. Под лестницей.

— Действуйте, — дружелюбно проговорил Хардинг.

Эллиот почувствовал невольное восхищение, потому что Хардинг уже сидел на траве и смеялся.

Однако разговоры разговорами, а рана в действительности была довольно болезненная, хотя бы из-за ожога. А царапина, будь она на дюйм глубже, означала бы смерть. Кроме того, он потерял достаточно много крови. И тем не менее Хардинг, несмотря на бледность, казалось, преобразился. Было такое впечатление, что все это доставляет ему истинное удовольствие.

— Вы никуда не годный стрелок, доктор Джо, — обратился он к доктору. — Если вы промазали по такой сидячей мишени, как я, вы никогда не добьетесь успехов на этом поприще. А, Марджори?

Марджори выскочила из машины и подбежала к нему.

Доктор Чесни — он столкнулся с ней, когда они оба стали выходить из машины, — стоял, качаясь,

одной ногой на подножке и смотрел на всех:

— Боже мой, неужели вы думаете, что я сделал это нарочно?

— А почему бы и нет? — сказал Хардинг с улыбкой, похожей на гримасу. — Спокойно, Марджори, не забудь, что ты выпила.

В его больших глазах, устремленных на нее, горел темный огонь, но голос его, когда он погладил ее по плечу, звучал чуть жизнерадостно.

— Нет-нет, прости, пожалуйста. Но согласись, это не так уж весело, когда у тебя за спиной, у самого затылка, разряжают пистолет.

Больше Эллиот ничего не слышал, так как пошел в дом за докторской сумкой. Когда он вернулся, доктор Чесни в полном ужасе задавал тот же вопрос Бостуику:

— Вы не думаете, что я сделал это нарочно?

Вид у Бостуика был еще более мрачный, чем обычно.

— Я не знаю, каковы были ваши мотивы, — проговорил он сурово. — Я знаю только то, что я видел. — Он указал наверх. — Я стоял вон там, возле того окна. И я видел, как вы достали из кармана револьвер, прицелились в затылок мистера Хардинга и…

— Но это была шутка. Пистолет был не заря-

жен.

— Не заряжен?

Бостуик обернулся. По обе стороны от парадной двери были две декоративные колонны, которые поддерживали плоский треугольный козырек над входом. Пуля застряла в левой колонне. Благодаря капризному повороту руки, пуля прошла между Хардингом и Марджори; каким-то чудом она не задела ветровое стекло и саму Марджори.

— Но он не был заряжен, — настойчиво твердил доктор Чесни, — я могу в этом поклясться. Я знаю это совершенно точно. Я несколько раз спускал курок. Все было в порядке, когда мы были в…

Он остановился.

— Где вы были?

— Это не важно. Вы не думаете, что я способен на такое дело, верно? Господи, ведь это означало бы, что я… — Он нерешительно замолчал. — Что я — убийца.

Было видно, что он никак не может поверить в то, что произошло; он тыкал пальцем себе в грудь; мысль о том, что он может быть убийцей, вызывала в нем чуть ли не смех — все это было довольно убедительно. Во всем его поведении было что-то детское. Он был хороший мальчик, которого окружали обвинители. Выражаясь ме-

тафорически, он предложил друзьям выпить, а они отказались. Даже его короткая рыжая бородка и усы топорщились от обиды и удивления.

— Я несколько раз спускал курок, — повторял он. — Револьвер был не заряжен.

— Если вы несколько раз спускали курок, — сказал Бостуик, — и в барабане был боевой патрон, он встал на место. Но дело не в этом, сэр. Почему вообще вы разгуливаете с заряженным револьвером?

— Он был не заряжен.

— Заряжен — не заряжен, почему у вас был револьвер?

Доктор Чесни открыл рот, а потом снова его закрыл.

— Это была шутка, — сказал он.

— Шутка?

— Нечто вроде шутки.

— А у вас есть разрешение на ношение оружия, сэр?

— Если быть точным, то нет. Однако я мог бы с легкостью его получить, — фыркнул доктор Чесни, вдруг переходя на агрессивный тон. Он выставил вперед свою рыжую бороду. — Что, собственно, означают все эти глупости? Если бы я хотел кого-нибудь застрелить, как вы думаете,

неужели я бы стал дожидаться, пока мы подъедем к этому дому, а потом — вытащил револьвер, бах-бах, и готово. Вздор! Ерунда! Да и вообще, вы что, хотите, чтобы мой пациент умер у меня на руках? Смотрите, кровь хлещет, как из свиньи. Отпустите меня. Дайте мою сумку. Пойдемте в дом, Джордж, в дом, мой мальчик. То есть если, конечно, вы мне доверяете.

— Вы правы, — сказал Хардинг. — Придется рискнуть.

Бостуик был в бешенстве, однако он не мог этому препятствовать. Эллиот заметил, что доктор Фелл, тяжело ступая, как раз выходит из дома. И доктор Чесни, и Хардинг с удивлением на него посмотрели.

Бостуик повернулся к Марджори:

— Ну, мисс?

— Да? — холодно отозвалась Марджори.

— Вы знаете, почему доктор Чесни носит с собой револьвер?

— Он же вам сказал, что это была шутка. Вы знаете дядю Джо.

И снова Эллиот не мог понять, почему она так себя ведет. Она стояла, облокотившись о машину, и была занята тем, что пыталась отковырять какие-то мелкие белые частицы, которые при-

стали к влажной подошве ее туфли. На него она взглянула только мельком.

Эллиот встал так, чтобы загородить ее от разгневанного комиссара:

— Вы весь день провели вместе со своим дядюшкой, мисс Уиллс?

— Да.

— Где вы были?

— Мы ездили кататься.

— Куда?

— Просто кататься.

— Вы где-нибудь останавливались?

— Раз или два заглянули в паб. И еще заезжали к профессору Ингрему.

— Вы видели этот револьвер у вашего дядюшки до того, как он достал его из кармана и выстрелил?

— Вам придется спросить об этом его самого, — ответила Марджори тем же безучастным тоном. — Я ничего об этом не знаю.

На лице комиссара Бостуика было написано: «Как же, не знаешь!»

Однако он взял себя в руки.

— Желательно вам это или нежелательно, мисс, — сказал он вслух, — но вам, может быть, будет интересно узнать, что у нас есть к вам кое-

какие вопросы — они касаются вас лично, — на которые вы можете ответить.

— О?

Лицо доктора Фелла, который стоял позади комиссара Бостуика, приняло кровожадное выражение. Он надул щеки, готовясь разразиться речью, но его вмешательство не понадобилось. Вмешательство пришло из другого источника. Верная служанка Памела открыла парадную дверь, высунула голову, сделала широкий жест, охватив всех стоявших перед домом, быстро что-то проговорила одними губами, не издавая ни звука, и снова захлопнула дверь. Кроме Марджори, это видел один только Эллиот. Два возгласа раздались одновременно:

— Ах вот как! Вы рылись у меня в комнате?!

— Так вот, значит, как вы это делаете!

Если он рассчитывал ее удивить, это удалось ему как нельзя лучше. Она резко обернулась в его сторону; он обратил внимание на удивительный блеск ее глаз. Она быстро спросила:

— Что я делаю?

— Вот как вы делаете вид, что читаете чужие мысли. Вы просто читаете по губам.

Марджори явно была в замешательстве.

— А-а, вы имеете в виду тот случай, — добавила

она со злостью, — когда вы называли бедного Джорджа умной свиньей? Да-да-да, я отлично умею читать по губам. Это, по-видимому, единственное, что я умею делать хорошо. У нас работал один старик, вот он и научил меня; он живет в Бате, он…

— Его зовут Толеранс? — требовательно вопросил доктор Фелл.

К этому моменту, как позднее признался Бостуик, у комиссара начало складываться впечатление, что доктор Фелл сошел с ума. За полчаса до этого он казался вполне нормальным человеком; и Бостуик всегда с уважением помнил его великолепную работу в «Деле о восьмерке мечей» и еще в одном, которое шло под названием «Особняк в Уотерфоле». Однако во время разговора в спальне Марджори Уиллс в мозгу доктора Фелла произошел какой-то заскок. Ничто не могло превзойти ту радость, прямо сказать, грешную радость, с которой он произнес фамилию Толеранса.

— Его зовут Генри С. Толеранс, верно? И он живет на Эвон-стрит? Работает официантом в отеле «Бо Нэш»?

— Да, но…

— До чего же все-таки тесен наш мир, понимаете, — проговорил сквозь зубы доктор

Фелл. — Как утешило, как успокоило меня это имя — лучше всякого брома. Я только сегодня утром рассказывал моему другу Эллиоту об этом прекрасном глухом официанте. Первое сообщение об убийстве вашего дяди я услышал от него. Поблагодарите Толеранса, мэм. Его надо холить и лелеять. Пошлите Толерансу пять шиллингов к Рождеству. Он заслужил их.

— О чем вы, черт возьми, говорите?

— Ведь именно он поможет выяснить, кто убил вашего дядю, — сказал доктор Фелл, теперь уже совершенно серьезно. — О, по крайней мере, на нем будет лежать ответственность за это.

— Так вы не думаете, что это сделала я?

— Я знаю, что вы этого не делали.

— И вы знаете, кто это сделал?

— Да, знаю, — подтвердил доктор, наклонив голову.

Казалось, прошло уже много времени, а она все смотрела на него без всякого выражения — такой взгляд бывает у кошек. Затем она неверными шагами подошла к машине, пошарила на переднем сиденье и достала свою сумочку, словно готовясь войти в дом.

— А они этому верят? — вдруг спросила она, кивнув в сторону Бостуика и Эллиота.

— Верим мы или не верим, мисс, — огрызнулся Бостуик, — это дело десятое. А вот инспектор, — он посмотрел на Эллиота, — приехал сюда (заметьте, специально приехал), чтобы задать вам несколько вопросов.

— Относительно шприца? — проговорила Марджори.

Сначала у нее дрожали только пальцы, а теперь дрожь сотрясала все ее тело. Она рассеянно смотрела на сумочку, нервным движением щелкала замком, открывая и закрывая его; голова ее была опущена так, что поля мягкой серой шляпки закрывали лицо.

— Насколько я понимаю, вы его обнаружили, — продолжала она, прочищая горло. — Я сама нашла его сегодня утром. На дне шкатулки с драгоценностями. Я хотела его спрятать, но лучшего места не нашла, а уносить из дома побоялась. Каким образом можно избавиться от какой-нибудь вещи? Куда ее можно засунуть, не боясь, что кто-то это увидит? На шприце нет моих отпечатков пальцев, даже если они и были, потому что я их стерла. Но не я положила его в шкатулку. Я этого не делала.

Эллиот достал из кармана конверт, приоткрыл его и протянул ей, чтобы она могла заглянуть

внутрь.

Она не стала смотреть. Между ними не было уже никакой связи, словно ее никогда и не существовало. Обрыв связи. Молчание на линии. Между ними встала стена.

— Это медицинский шприц, мисс Уиллс?

— Да, по-моему, это шприц.

— Он принадлежит вам?

— Нет. Это шприц дяди Джо. По крайней мере, он похож на те, которыми пользуется он; на нем есть знак фирмы «Картрайт и К°», градуировка и соответствующий торговый номер.

— Нет ли какой-нибудь возможности, — устало осведомился доктор Фелл, — забыть про этот шприц хотя бы на одну минуту? Нельзя ли вообще выкинуть этот шприц из головы? Будь он проклят, этот шприц! Какая разница, что на нем написано, кому он принадлежит и как он попал в шкатулку для драгоценностей, если мы знаем, кто его туда положил? Никакой, говорю я. Но если мисс Уиллс действительно верит тому, что я сказал минуту тому назад, — он пристально посмотрел на нее, — она вместо этого может нам рассказать о револьвере.

— О револьвере?

— Я хочу сказать, — продолжал доктор Фелл, —

вы могли бы сообщить нам, куда вы в действительности ездили сегодня днем вместе с Хардингом и доктором Чесни.

— Это вы тоже знаете?

— Отец Небесный, откуда мне это знать? — взревел доктор Фелл, делая страшное лицо. — Я, может быть, ошибаюсь. Здесь все дело в атмосфере. Этой атмосфере способствовал доктор Чесни — по-своему. Внес свою лепту и Хардинг, тоже по-своему. У вас тоже соответствующий вид. Посмотрите на себя. Если я безмозглый осел, скажите мне об этом прямо, но существуют и другие внешние признаки.

Подняв палку, он указал на белую гвоздику, которая валялась на аллее, — гвоздику, которую выкинул доктор Чесни, когда машина подъезжала к дому. Затем доктор Фелл опустил палку вниз и коснулся ею туфель Марджори. Она инстинктивно отдернула ногу, однако маленькая белая бумажка, которая прежде была на подошве ее туфли, теперь пристала к наконечнику палки доктора Фелла.

— Вас они, конечно, не осыпали конфетти, — сказал доктор. — Но мне вспоминается, что тротуар возле магистрата на Касл-стрит обычно густо усыпан этими бумажками. А день сегодня

сырой. Неужели же я сам должен все это говорить? — добавил он с яростью.

Марджори кивнула.

— Да, — сказала она холодно. — Мы с Джорджем поженились. Расписались сегодня в Бристоле, в магистратуре.

Поскольку никто ничего не говорил, а пауза, в течение которой были слышны шумы в глубине дома, затянулась, она продолжала:

— Мы выправили специальное разрешение. Получили его позавчера. — Она слегка повысила тон. — Мы намеревались держать это в тайне. Никому не говорить. В течение года. — Голос ее стал еще громче и увереннее. — Но если вы уж такой великолепный сыщик, а мы такие бездарные преступники, что все сразу обо всем догадались, то ничего не поделаешь. Теперь вы знаете правду.

Комиссар Бостуик уставился на нее во все глаза.

Он до такой степени удивился, что его честная душа не выдержала.

— Дитя мое. — Он обратился к ней, словно не веря своим глазам. — Господи боже мой! Не могу этому поверить. Просто не могу. Даже когда я вас подозревал — сейчас мы не будем это обсуждать, — даже тогда я не мог подумать, что

вы способны сделать такую вещь. И что, доктор позволил вам это сделать? Это выше моего понимания.

— Вы что, вообще против брака, мистер Бостуик?

— Против брака? — повторил Бостуик так, словно эти слова ничего не значили. — Когда вы решились на этот шаг?

— Мы собирались пожениться именно в этот день. То есть мы давно уже решили, что поженимся в магистратуре, спокойно и без всякого шума, потому что Джордж терпеть не может церковные церемонии и вообще всякую суету. А потом умер дядя Маркус. И мне было так… так… Одним словом, сегодня утром мы решили, что поедем и все равно распишемся. И, кроме того, у меня были свои причины. Были свои причины, говорю я вам.

Она почти кричала на него.

— Господи боже мой! — причитал Бостуик. — Ничего не могу понять. Я знаю вашу семью уже шестнадцать лет. Прямо вам говорю, прекрасно их всех знаю. И чтобы доктор взял да и позволил вам сделать такое, когда мистера Чесни еще даже и не опустили в могилу…

Она отшатнулась от него.

— Ладно, — проговорила она. Глаза ее наполнились слезами. — Неужели никто меня хотя бы не поздравит? Может, кто-нибудь, по крайней мере, пожелает мне счастья?

— Я желаю вам счастья, — сказал Эллиот. — Вы это прекрасно знаете.

— Миссис Хардинг, — серьезно заговорил доктор Фелл, и она вздрогнула от удивления, услышав непривычное обращение. — Я прошу у вас прощения. Моя бестактность настолько широко известна, что было бы просто удивительно, если бы я не сказал какую-нибудь глупость. Приношу мои поздравления. Я не только желаю вам счастья, я обещаю вам, что вы будете счастливы.

Настроение Марджори мгновенно изменилось.

— Ах, как мы сентиментальны! — воскликнула она с иронической улыбкой. — Этот чурбан-полицейский, например, — она указала на Бостуика, — вспомнил вдруг, что он знает все наше семейство, во всяком случае семейство Чесни. А как ему хотелось затянуть у меня на шее петлю! Ну ладно, теперь я вышла замуж. У меня есть на то свои причины. Вам это, может быть, непонятно, но у меня есть на то причины.

— Я только сказал… — начал Эллиот.

— Забудьте это, — перебила его Марджори

ледяным тоном. — Вы уже все сказали в свое время. А теперь можете стоять и моргать глазами, как филин. Как, например, профессор Ингрем. Посмотрели бы вы на его физиономию, когда мы подъехали к его дому и попросили его быть вторым свидетелем. Нет, нет и нет. О нет. Просто ужасно. Он не может это санкционировать.

Впрочем, я забыла. Ведь вас интересует только револьвер, не так ли? Я спокойно могу вам сказать, что это действительно была шутка. Возможно, что чувство юмора у дядюшки Джо не настолько изысканно, как могло бы быть, но он, по крайней мере, любит пошутить — в отличие от некоторых прочих. Дяде Джо показалось, что будет очень забавно сделать вид, что это «свадьба под дулом пистолета». Он собирался держать револьвер таким образом, чтобы регистратор его не видел, а мы видели, а он сам, дескать, присутствует на свадьбе для того, чтобы заставить Джорджа сделать из меня честную женщину.

Бостуик поцокал языком.

— Ах, ах, — пробормотал он с выражением облегчения на лице. — Почему же вы сразу не объяснили? Вы хотите сказать…

— Ничего я не хочу, — ответила Марджори почти что ласково. — До чего вам нравятся при-

ятные решения! Я вышла замуж для того, чтобы избежать петли, а вы полны сочувствия и понимания: «Ах, она вышла замуж и стала честной женщиной!» Очень трогательно! — Она продолжала иронизировать. — Нет, мистер Бостуик. После всего того, что я, по вашему мнению, сделала, вы, возможно, жутко удивитесь, и все-таки (как вы, наверное, сказали бы) я чиста и непорочна, и имя мое осталось незапятнанным. Господи, в каком мире мы живем! Ну ладно, это не важно. Вы хотели знать относительно револьвера, так я вам сказала. Не понимаю, каким образом туда попала пуля. Вероятно, по неосторожности дяди Джо; во всяком случае, никто не собирался никого убивать.

— Вы так думаете? — вежливо осведомился доктор Фелл.

Несмотря на всю свою сообразительность, она не сразу поняла, в чем дело.

— Неужели вы хотите сказать, что этот выстрел не был… — начала было она и вдруг замолкла. — Вы хотите сказать, что убийца снова… принялся за свое?

Доктор Фелл склонил голову.

Вечерние тени опускались на «Бельгард». Низкие холмы на востоке приобрели сероватую

окраску, тогда как на западе небо по-прежнему полыхало — та часть неба, которая отражалась в окнах музыкальной комнаты, в окнах кабинета и комнаты Эммета этажом выше. Из одного из этих окон, почему-то вспомнилось Эллиоту, вчера ночью его окликнул доктор Чесни.

— Я вам еще для чего-нибудь нужна? — тихо спросила Марджори. — Если нет, позвольте мне, пожалуйста, уйти.

— Конечно, — отозвался доктор Фелл. — Но вечером вы нам еще понадобитесь.

Она ушла, а остальные трое так и остались стоять перед желтой колонной, в которой было отверстие, пробитое пулей. Эллиот почти не заметил его. Позже он вспоминал, что именно вид этих освещенных закатным солнцем окон способствовал тому, что открылось окошечко в его собственном мозгу. Был ли то шок или комбинация разных обстоятельств, а может быть, то, что говорила, думала или делала Марджори Уиллс, но это вывело его из состояния умственного паралича. Клик! — и освободилась пружина, он снова мог здраво рассуждать; так взвивается вверх штора, стоит только нажать кнопку. И в этой ясности, которая теперь заливала его умственный горизонт, он проклинал себя и все то,

что натворил. «А» плюс «Б» плюс «В» плюс «Г» мгновенно складывались в четкую модель. Какой он, к черту, полицейский офицер! Он просто безнадежный дурак. Где только можно было сделать неверный шаг, повернуть не туда, куда нужно, он это немедленно проделывал. Везде, где только можно было неправильно истолковать факты, он именно так их и истолковывал. Если человеку суждено раз в жизни сотворить явную глупость, для него это был тот самый случай. Но теперь…

Доктор Фелл обернулся в его сторону. Эллиот почувствовал, что его острые маленькие глазки устремлены на него.

— Ого! — вдруг сказал доктор. — Что, поняли?

— Да, сэр. Мне кажется, что понял.

И он сделал жест человека, который ударяет кулаком в пустоту.

— В таком случае, — спокойно сказал доктор Фелл, — вернемся-ка мы в отель и обговорим это дело. Вы готовы, комиссар?

Эллиот снова проклинал свою глупость: складывая в должном порядке отдельные данные, он был так глубоко погружен в свои мысли, что не сразу услышал доктора Фелла, который насвистывал какую-то мелодию, направляясь к машине. Под эту мелодию удобно было шагать.

В сущности говоря, это был «Свадебный марш» Мендельсона, но никогда еще он не звучал так угрожающе, так зловеще.

# Глава восемнадцатая
# Дело против Икса

В тот вечер, в восемь часов, когда четверо мужчин сидели перед камином в номере Эллиота в отеле «Голубой лев», речь держал доктор Фелл.

— Теперь мы знаем, — говорил он, загибая пальцы, — кто настоящий убийца, как он действовал, почему он так действовал. Мы знаем, что вся серия преступлений — это дело рук одного и того же человека, который орудовал в одиночку, без сообщника. Мы знаем, насколько вески все данные, свидетельствующие против него. Его виновность, как мы видим, говорит сама за себя.

Комиссар Бостуик решительно крякнул.

Майор Кроу удовлетворенно кивал.

— Даже принимая во внимание все обстоятельства, — сказал он, — сама мысль о том, что среди нас находится такой человек…

— И отравляет всю атмосферу, — добавил доктор Фелл. — Совершенно точно. Вот что так разволновало комиссара. Его влияние чувствуется абсолютно на всем, касается самых безобидных вещей. Ты не можешь поднести к губам чашку

с чаем, не можешь поехать на прогулку, купить пленку для аппарата — это влияние каким-то образом задевает все эти действия, выворачивает их наизнанку. В этом спокойном уголке, таком далеком от шумного мира, из-за него все пошло вверх дном. На лужайке перед домом вдруг стреляет револьвер — прежде люди широко раскрыли бы глаза от одного только вида револьвера; кто-то на улице в кого-то швыряет камнями. В голове у главного констебля начинают шевелиться непрошеные идеи; другие идеи возникают в голове у комиссара. И все потому, что некая эманация исходит от человека, которому угодно было появиться в этих краях.

Доктор Фелл достал часы, посмотрел на них и положил их возле себя на стол. Подчеркнуто неторопливо он набил трубку, раскурил ее, фыркнул и продолжал.

— Таким образом, — сказал он, — пока вы будете размышлять над свидетельскими показаниями, я бы хотел прочесть лек… ахем!.. я бы хотел обсудить с вами некоторые вопросы, касающиеся искусства отравления и дать кое-какие советы.

В частности, поскольку дело касается именно этого случая, мы могли бы выделить определен-

ную категорию убийц, которых следует отнести к одной группе. Прежде мне не приходило в голову объединять их в одну группу; и тем не менее их характеры до такой степени схожи, что все они как бы на одно лицо и отличаются только степенью жестокости. Все они архилицемеры и непременно должны служить предупреждением всем женам. Я имею в виду отравителей-мужчин.

Все, конечно, знают, насколько опасны отравительницы-женщины, которые занимаются подобными делами. Однако мужчины этого рода представляют собой еще более грозную опасность для общества, поскольку хитрость и коварство, необходимые для этого ремесла, сочетаются у них с дьявольским организаторским талантом, с применением деловых принципов, с волей к достижению цели при помощи мышьяка или стрихнина. Их не так уж много, однако они пользуются мрачной славой. И я повторяю: все они на одно лицо. Допускаю, есть некоторые исключения, есть случаи, которые не входят ни в какую

категорию, — Седон, например[18].

Однако мне кажется, что, если мы возьмем десяток примеров из реальной жизни, мы обнаружим ту же самую маску на лице и ту же самую фальшь в поведении. А теперь посмотрим, каким образом наш убийца из Содбери-Кросс подходит под эту категорию.

Прежде всего, обычно эти люди с воображением, они достаточно образованны, не лишены определенной культуры. Это показывает и их профессия. Палмер, Притчард, Лэмсон, Вьюкенен и Крим, например, — врачи. Ричесон — священник, Вейнрайт — художник, Армстронг — юрист, Хох — химик, Уэйт — зубной врач-хирург, Ванкье — изобретатель, Карлайль Гаррис — студент-медик.

И вот, наш интерес возрастает. Нас уже не занимает какой-нибудь неграмотный болван, который может пробить башку своему собутыль-

---

**[18] Notes: 18**

Следует отметить, что в этом списке отсутствует имя Криппена. Это сделано умышленно. Многие из нас до сих пор сильно подозревают, что Криппен никогда и не собирался убивать свою жену, певицу Белл Элмор, и что слишком большая доза была дана ей по ошибке. Эту точку зрения разделяет такой авторитет, как сэр Эдвард Маршалл Холл (см.: «Замечательная жизнь мистера Марджорибэнка). Криппен отказался принять вердикт «смерть в результате несчастного случая», потому что это означало бы, что в деле замешана Этель де Нев. — *Примеч. автора.*

нику в пабе. Нас интересует преступник, который способен на более сложные вещи. Разумеется, я не стал бы отрицать, что большинство из вышеперечисленных (если не все) — болваны. Но это болваны особого сорта, у них вкрадчивые, обольстительные манеры, богатое воображение, первоклассная способность действовать; изобретательность, с которой некоторые из них выискивают способы убить и в то же время отвести от себя подозрения, поистине поразительна.

Доктор Джордж Гарви Лэмсон, доктор Роберт Вьюкенен и Артур Уоррен Уэйт совершили убийство с целью получения материальной выгоды в тысяча восемьсот восемьдесят первом, восемьдесят втором и в тысяча девятьсот пятнадцатом годах. В те времена область литературы, которую ныне мы называем детективным романом, находилась в младенческом состоянии. Но давайте рассмотрим, каким образом каждый из них осуществил это дело.

Доктор Лэмсон убил свою жертву, восемнадцатилетнего калеку-племянника, отравив изюминки, которые потом были положены в кекс. Он даже нарезал кекс в присутствии самого мальчика и учителя — дело происходило в школе, где племянник учился, за чаем, — так

что впоследствии, когда выяснилось, что никто кроме мальчика не пострадал, Лэмсон мог утверждать, что он тут ни при чем. Теперь мне кажется, я уже встречал описание этого способа в каком-то романе.

Доктор Вьюкенен отравил свою жену морфием. Отравление морфием может констатировать любой врач, поскольку в этом случае у жертвы оказываются суженными зрачки. Поэтому доктор Вьюкенен добавил к морфию немного белладонны, которая препятствует сужению зрачков. Таким образом, вид у его жертвы оказался нормальным, и он легко получил от местного врача свидетельство об естественной смерти. Это был блестящий ход, и никто бы ни о чем не догадался, если бы доктор Вьюкенен сам не проговорился в беседе с приятелем.

Артур Уоррен Уэйт, молодой убийца-маньяк, пытался избавиться от богатых родителей своей жены с помощью бактерий, вызывающих пневмонию, дифтерит и грипп. Этот способ оказался слишком медленным, и он вернулся к старым, менее изысканным методам. Однако первая его попытка принесла свои результаты: его тесть умер от туберкулеза: палочку Коха он получил через пульверизатор, когда больному опрыски-

вали носовую полость.

Доктор Фелл сделал паузу.

Он погрузился в свой предмет, пыхтя от старательности. Если бы присутствовал комиссар Хэдли, он бы непременно заорал, что пора прекратить лекцию и заняться арестами, но Эллиот, комиссар Бостуик и майор Кроу только кивали. Они считали, что это имеет прямое касательство к их преступнику из Содбери-Кросс.

— Итак, — продолжал доктор Фелл. — Что же является первой и самой главной характеристикой отравителя? Вот что. Среди их друзей он обычно имеет репутацию отличного парня. Он веселый. Он щедрый товарищ. Славный малый. Иногда в нем может появиться несколько пуританская скрупулезность в отправлении религиозных обрядов и даже в манере поведения в обществе; однако его сотоварищи охотно прощали ему эти слабости, потому что он такой приятный человек.

Томас Грифитс Вейнрайт, этот ревнитель хороших манер, который отравлял людей целыми пачками, для того чтобы получить за них страховку, в прошлом веке считался самым гостеприимным хозяином. Вильям Палмер из Рагли не брал в рот ни капли спиртного, однако ничто не

доставляло ему такого удовольствия, как любезно повести друга в бар и угостить его бокалом вина. Преподобный Кларенс В. Т. Ричесон из Бостона очаровывал благочестивых людей всюду, где бы ни появлялся. Доктор Вильям Эдвард Притчард, обладатель высокого лысого черепа и окладистой бороды, был идолом тайных обществ Глазго. Вы понимаете, как это подходит человеку, которого мы ищем?

Майор Кроу кивнул.

— Да, — подтвердил Эллиот с мрачным удовлетворением; в свете открытого огня в номере отеля «Голубой лев» перед его умственным взором возник соответствующий образ.

— В то же самое время у всех этих субъектов как обратная сторона одной и той же картины, причем наиболее существенная ее сторона, наблюдается полное равнодушие к боли, которую испытывают другие люди: они так хладнокровно сеют вокруг себя смерть в самой ужасной, бесчеловечной ее форме, что мы просто не можем себе этого представить. Больше всего нас, наверное, поражает не столько их равнодушие к смерти другого человека, сколько равнодушие к страданиям, сопровождающим смерть. Всем вам знаком знаменитый ответ Вейнрайта на вопрос: «Поче-

му вы отравили мисс Аберкромби?» — «Ей-богу, не знаю. Наверное, потому, что у нее слишком толстые лодыжки».

Это, конечно, не что иное, как бахвальство, но, по существу, этот ответ выражает действительное отношение отравителя к человеческой жизни. Вейнрайту нужны были деньги, поэтому (совершенно очевидно) кто-то должен был умереть. Вильяму Палмеру нужны были деньги, чтобы играть на скачках, значит его жена, его брат и его друзья должны были получить свою порцию стрихнина. Это абсолютно ясная постановка вопроса. Она подтверждается даже в том случае, когда человек вежливо, иногда даже жалобно, заявляет, что ему необходимо «иметь то-то и то-то». Преподобный Кларенс Ричесон, обладатель столь притягательного взора, со слезами на глазах отрицал, что женится на мисс Эдмундс ради ее денег и положения. И в то же время — он отравил свою бывшую любовницу цианистым калием, чтобы она этому не помешала. Сентиментальный доктор Притчард немногим разжился, отравив свою жену дозами рвотного, которые он давал ей на протяжении четырех месяцев; и, убив свою тещу, он получил всего несколько тысяч. Но он хотел быть свободным. Ему «необходимо было

получить» свободу.

Это подводит нас к следующей черте характера отравителя — к его непомерному тщеславию. Все убийцы отличаются этим качеством. Однако у отравителей оно раздуто непомерно. Он хвалится своим умом, своей внешностью, своими манерами, своей способностью всех обмануть. Он в какой-то степени сродни актеру, даже эксгибиционисту. И, как правило, он действительно хороший актер. Притчард открывает гроб, чтобы в последний раз поцеловать в губы свою мертвую жену; Карлайль обсуждает научные и теологические проблемы с капелланом, который провожает его на электрический стул; Палмер изображает удивление и негодование в присутствии следователей. Эти театральные сцены можно перечислять бесконечно, и в основе их лежит одно — тщеславие.

Это тщеславие совсем не обязательно имеет внешнее проявление. Отравителем может оказаться мелкий стряпчий, мягкий голубоглазый человек вроде Герберта Армстронга, который отделался от своей жены, а потом пытался отделаться от конкурента с помощью мышьяка, которым он посыпал булочку за чаем. Такого рода тщеславие тем более скверно, что оно про-

является во всей своей красе во время следствия или на скамье подсудимых. Однако ярче всего это тщеславие мужчины-отравителя выражено в его власти — впрочем, иногда ему только кажется, что он имеет власть, — над женщинами.

Почти все они имеют — или им кажется, что имеют, — власть над женщиной. Армстронг обладал такой властью, правда в скрытом виде. Вейнрайт, Палмер и Притчард с ее помощью совершили свои убийства. Гаррис, Вьюкенен и Ричесон как раз на этом попались. Даже косоглазый Нейл Крим вообразил, что у него есть такая власть. Она сопровождается повышенным вниманием к своей внешности и самодовольной, прямо-таки чванливой манерой держаться. Хох, Синяя Борода наших дней, отравил всех своих жен с помощью мышьяка, аккуратно спрятанного в чернилах вечного пера. Трудно представить себе более нелепое зрелище, чем Жан Пьер Ванкье, отравитель из Байфлита, который самодовольно улыбался на скамье подсудимых, демонстрируя всему миру свои роскошные бакенбарды. Ванкье, рассчитывая на свою мужскую неотразимость, приправлял успокоительную микстуру трактирщика стрихнином, с тем чтобы заполучить жену своей жертвы вместе с его заведением.

«Je demande la justice!»[19] — вопил он, когда его тащили из зала суда, отказав ему в просьбе о помиловании, и, вполне возможно, он действительно считал, что с ним поступили несправедливо.

Короче говоря, если отбросить в сторону все прочее, мы ясно видим, что все эти милые господа совершили преступления ради получения материальной выгоды.

Допускаю, что Крим был исключением; дело в том, что Крим был сумасшедший, и его безумные крики, его утверждения, что это был шантаж, не следует принимать всерьез. Но в основе всех остальных преступлений лежит жажда денег, жажда более обеспеченной жизни, ведь даже если устраняется жена или любовница, то только для того, чтобы отравитель мог обзавестись другой, богатой. А предыдущая стоит на его пути, мешает развитию его талантов. Если бы не она, он мог бы жить в роскоши; если бы не она, он стал бы знаменитым. В глубине души он и так считает себя выдающейся личностью, и весь свет обязан обеспечить ему всяческие блага. Поэтому ненужная жена или любовница — это только символ, на ее месте может быть и тетка, и случай-

---

**[19] Notes: 19**
«Я требую справедливости!» *(фр.)*

ный сосед, или Бернакл Билл, моряк из песенки. Во всех этих случаях мы имеем дело с патологией, с загнившим участком головного мозга. Мне кажется, вы согласитесь, если я скажу, что все это относится и к нашему убийце из Содбери-Кросс.

Майор Кроу, который сидел задумавшись и глядел на огонь, с яростью махнул рукой.

— Я знаю, что это правда, — сказал он. Он посмотрел на Эллиота. — Вы это доказали.

— Да, сэр. Мне кажется, что вы правы.

— Того, что он сделал, вполне достаточно, чтобы у вас возникло желание повесить этого мерзавца! — рявкнул майор Кроу. — Тут играет роль даже причина, по которой ему не удалось уйти от возмездия. Весь его замысел лопнул, потому что…

— Он не сумел добиться своего, потому что пытался изменить всю историю преступления, — сказал доктор Фелл. — Такое никогда не приносит положительных результатов.

— Постойте-ка минутку, сэр, — сказал Бостуик, — я что-то не понимаю, в чем тут дело.

— Если у вас когда-нибудь возникнет соблазн совершить убийство с помощью яда, — сказал доктор Фелл совершенно серьезным тоном, — запомните следующее: отравление — это та форма

убийства, которую труднее всего скрыть, и преступнику труднее всего остаться безнаказанным.

Майор Кроу уставился на него во все глаза.

— Постойте-постойте, — запротестовал он. — Вы хотите сказать, «легче всего скрыть», не правда ли? Я не принадлежу к числу тех, кого вы назвали бы человеком с воображением, вы, вероятно, с этим согласитесь. Но я вот иногда думаю… ладно… я уж признаюсь! Каждый день вокруг нас умирают люди, считается, что они умерли естественной смертью, — свидетельство, подписанное доктором, и все такое; но откуда мы знаем, что они действительно умерли, а не были убиты? Нам это неизвестно.

— А-а, — сказал доктор Фелл, испуская глубокий вздох.

— Что вы хотите сказать этим «а-а»?

— Я хочу сказать, что и раньше слышал подобное рассуждение, — ответил доктор Фелл. — Вполне возможно, что вы правы. Нам это неизвестно. Единственное, на чем я настаиваю, — это то, что нам это неизвестно. И поэтому ваш довод представляется мне настолько странным, что у меня просто голова кругом идет. В Вигане, скажем, в течение года умерло пятьдесят человек. Вы подозреваете, что некоторые из них были

отравлены. И на этом основании вы обращаетесь ко мне и преподносите вывод: отравить человека легко. Вполне возможно, что ваше утверждение справедливо. Откуда мне знать, может быть, на кладбищах полно покойников, которые вопиют о мщении, но — черт меня побери! Представьте мне доказательства, и тогда я поверю, что это правда.

— Так какова ваша позиция?

— Я просто рассуждаю, — сказал доктор Фелл более спокойным тоном. — Я рассуждаю на основании только тех случаев, когда яд был обнаружен в теле: совершенно ясно, что отравление труднее всего скрыть, поэтому мало кому удается совершить его безнаказанно.

Я хочу сказать, что отравитель по самому свойству своей натуры с самого начала обречен на провал. Он никак не может остановиться и никогда не останавливается. Когда он совершает свое преступление в первый раз и это сходит ему с рук, он уже не может прекратить это дело: за первой жертвой следует вторая и так далее, пока его наконец не поймают. Посмотрите-ка на этот список. Отравителя губит его собственная натура. Вы или я можем застрелить, пырнуть ножом, огреть дубинкой или задушить. Однако ни

блестящая игрушка-револьвер, ни сверкающий острый кинжал, ни трость, налитая свинцом, ни шелковый носовой платок не заворожат нас до такой степени, что мы не сможем с ними расстаться и будем время от времени пускать их в дело. А отравитель именно так и поступит.

Даже первая его попытка сопряжена с большим риском. Это не просто риск, это тройной риск. В отличие от револьвера и ножа дело не кончается тем, что жертва принимает яд. Преступник должен быть уверен, что жертва умрет, не успев его разоблачить, — серьезный риск; он должен доказать, что у него не было ни возможности, ни мотива для того, чтобы отравить свою жертву, — смертельный риск; и он должен достать яд, не вызвав подозрения, — самый серьезный риск из всех прочих.

Снова и снова повторяется та же самая мрачная история. Икс умирает при обстоятельствах, которые вызывают подозрения. Известно, что у Игрека есть серьезные основания убрать Икса с дороги, и при этом он имеет свободный доступ к его пище и питью. Тело эксгумируют, находят яд. Начиная с этого момента остается только проследить и обнаружить, что яд был куплен Игреком, а дальше следует неминуемая обычная процедура,

подобная серии картинок в нравоучительных альбомах: арест, суд, приговор и, наконец, короткая прогулка в восемь часов утра.

Так вот, наш приятель из Содбери-Кросс все это знал. Для этого ему не надо было изучать историю и теорию преступления, достаточно было просто читать газеты. Вооружившись этим знанием, он изобретает свою модель убийства, которая учитывает все три элемента риска, обеспечивает ему алиби во всех трех моментах. Он попытался совершить то, что не удавалось ни одному из преступников. И он потерпел неудачу, потому что умный человек (такой, как, например, вы) способен разглядеть все детали этого темного замысла. А теперь позвольте мне показать вам кое-что еще.

Пошарив во внутреннем кармане, доктор Фелл вытащил бумажник, набитый старыми бумагами — мусором, который он вечно подбирал, рассовывая по карманам, и с которым никак не желал расставаться. Среди всего этого ему наконец удалось найти письмо.

— Я говорил вам, — продолжал он, — что Маркус Чесни писал мне всего несколько дней тому назад. Я никому не показывал это письмо, потому что мне не хотелось, чтобы вы пошли по

неправильному пути. В этом деле слишком много разных обстоятельств, и письмо обязательно сбило бы вас с толку. Но прочтите его сейчас, в свете того, что мы условились считать истиной, и посмотрите, как его можно интерпретировать.

Он взял письмо и положил его на стол рядом со своими часами. На нем стояла дата: «1 октября, „Бельгард“», и излагались в нем те самые теории, о которых они уже слышали. Но доктор Фелл указал пальцем на один отрывок в конце письма:

«Все свидетели, выражаясь метафорически, носят черные очки. Во-первых, они не способны правильно видеть, а во-вторых, не могут интерпретировать то, что они увидели, в правильном свете. Они не знают, что происходит на сцене и еще менее того — что происходит среди зрителей. Покажите им потом ясное и точное, черным по белому, изображение того, что происходило, и они вам поверят. Но и тогда они не смогут правильно интерпретировать то, что увидели собственными глазами.

Скоро я собираюсь устроить небольшое развлечение для группы моих друзей. Если все пойдет хорошо, не могу ли я Вас попросить приехать и посмотреть на это? Насколько я понимаю, Вы сейчас находитесь в Бате, я могу послать за Вами

машину, когда Вы пожелаете. Обещаю провести, надуть, обмануть Вас всеми возможными способами. Но поскольку Вы новый человек в наших краях, поскольку Вы лишь поверхностно знакомы с действующими лицами, я поступлю по справедливости и прямо Вам подскажу: внимательно следите за моей племянницей Марджори».

Майор Кроу присвистнул.

— Вот именно, — отрезал доктор Фелл, складывая письмо. — И это вместе с тем, что мы собираемся увидеть и услышать сегодня, должно окончательно поставить точку в нашем деле.

Кто-то почтительно постучал в дверь. Доктор Фелл испустил глубокий вздох и взглянул на часы. Он посмотрел на всех присутствующих по очереди, и каждый кивнул, подтверждая, что они готовы. Когда дверь отворилась, доктор Фелл отложил часы. Знакомая фигура, которая казалась чужой в непривычном партикулярном костюме вместо привычного белого халата, появилась в дверях.

— Заходите, мистер Стивенсон, — сказал доктор Фелл.

# Глава девятнадцатая
# Отчет прочитан

Когда машина Эллиота подъехала к «Бельгарду», она была переполнена, несмотря на то что Бостуик и майор Кроу ехали следом в другой машине. Доктор Фелл занимал большую часть заднего сиденья, в оставшемся уголке помещался огромный ящик, который Стивенсону было приказано взять с собой. Сам Стивенсон, который казался крайне заинтересованным и в то же время испытывал неловкость, сидел рядом с Эллиотом.

Ну что же, конец уже близок. Эллиот дернул ручной тормоз и взглянул наверх, на освещенный фасад дома. Однако прежде, чем позвонить у входной двери, он дождался, пока собрались все. Был прохладный вечер, окутанный легким туманом.

Марджори сама открыла дверь. Увидев серьезные, официальные лица пришедших, она невольно обернулась.

— Да, я получила вашу записку. Мы все сегодня дома. Впрочем, нельзя сказать, что мы собира-

лись выходить. В чем дело?

— Мы очень сожалеем, мисс, — обратился к ней Бостуик, — что беспокоим вас в день вашей свадьбы.

Он, по-видимому, никак не мог удержаться, чтобы не возвращаться к этому предмету, это стало у него как бы навязчивой идеей.

— Но мы долго вас не задержим, и вы снова сможете вернуться к прежнему времяпрепровождению.

Он внезапно замолчал и только ворчал что-то себе под нос под грозным взглядом майора Кроу.

— Комиссар!

— Сэр?

— У нас нет нужды обсуждать личные дела этой леди. Вам ясно? Благодарю вас.

Майору Кроу было явно неловко, однако, обращаясь к Марджори, он пытался говорить веселым тоном:

— И тем не менее в одном Бостуик прав. Мы уберемся отсюда сразу, как только сможем. Ха-ха-ха! Совершенно точно. О чем это я хотел сказать? Ах да. Проводите нас, пожалуйста, к остальным.

Каковы бы ни были достоинства майора Кроу, актером он был никудышным. Марджори взглянула на него, посмотрела на большой ящик,

который Стивенсон нес за ручку, и ничего не сказала. Лицо ее слегка покраснело, — очевидно, за обедом она выпила немного коньяка.

Такая же атмосфера встретила их в библиотеке, в которую она их провела. Библиотека, приятная традиционная комната с открытыми книжными полками и камином из грубого камня, была расположена в задней части дома. В камине жарко пылали поленья. На прикаминном коврике был раскинут ломберный столик, за которым доктор Чесни и профессор Ингрем играли в триктрак. Хардинг удобно устроился в кресле с газетой. Голову он держал неестественно прямо из-за толстой повязки, закрывавшей шею и затылок.

Доктор Чесни, так же как и Хардинг, слегка подвыпил. Профессор Ингрем, абсолютно трезвый, держался холодно и непринужденно. Комнату, где было жарко и пахло кофе, сигарами и коньяком, налитым в пузатые рюмки, освещали только настольные лампы, стоявшие на ломберном столике. Доктор Чесни и профессор Ингрем, которые делали вид, что играют в триктрак, тут же оставили это занятие, хотя профессор продолжал рассеянно вертеть в руках чашечку с костями.

Положив ладони на стол, доктор Чесни обернул к ним красное веснушчатое лицо.

— Ну ладно, — проворчал он. — Что вы собираетесь делать? Выкладывайте скорее.

Майор Кроу кивнул Эллиоту, передавая ему полномочия, и тот начал:

— Желаю вам доброго вечера, сэр. И вам. И вам тоже. Мне кажется, вы встречались с доктором Феллом, верно? А с мистером Стивенсоном вы, конечно, знакомы.

— Да, мы его знаем, — сказал доктор Чесни, все еще оглядываясь вокруг и стараясь побороть некоторую хрипотцу, вызванную коньяком. — Что это вы сюда притащили, Хобарт?

— Это его кинопроектор, — ответил Эллиот.

— Сегодня днем, — продолжал он, обращаясь к профессору Ингрему, — вы выражали сильное желание посмотреть фильм, который снимался во время представления мистера Чесни. Я бы предложил, если вам это удобно, чтобы мы все вместе посмотрели этот фильм. Мистер Стивенсон был настолько любезен, что согласился принести сюда аппарат и все необходимое для просмотра, и я уверен, что вы не будете возражать, если мы расположимся здесь. — Он говорил тоном, которому его учил комиссар Хэдли. — Боюсь, что вам будет не особенно приятно смотреть этот фильм, и я приношу вам свои извинения. Однако

я могу вас уверить, что, если вы его посмотрите, это поможет нам, а следовательно, и вам.

Послышался негромкий резкий стук, это профессор Ингрем бросил кости на доску. Он мельком посмотрел на них, подсчитал очки, затем подобрал их и взглянул на Эллиота.

— Так-так-так, — бормотал он.

— Сэр?

— Послушайте, — сказал профессор Ингрем. — Скажите честно. Это что, — он снова бросил кости, — методы французской полиции, следственный эксперимент, в процессе которого несчастный преступник испускает жалобный вопль и начинает каяться? Не говорите глупостей, инспектор. Это ничего вам не даст. Психологически это неоправданно. По крайней мере, в данном случае.

Он говорил спокойным, легким тоном, однако чувствовалось, что за его словами кроется серьезный смысл. Эллиот улыбнулся и вздохнул с облегчением, когда профессор Ингрем улыбнулся ему в ответ. Он поспешил разуверить его:

— Нет, сэр. Даю вам честное слово, что мы не имеем в виду ничего подобного. Мы не собираемся никого пугать. Мы только хотим, чтобы вы все посмотрели фильм. Мы хотим, чтобы

вы его посмотрели для того, чтобы сами могли убедиться…

— В чем?

— …Убедиться в том, кто на самом деле был доктор Немо. Сами мы достаточно хорошо его изучили. А если и вы внимательно и определенным образом посмотрите некоторые места, вы сможете сказать, кто убил мистера Чесни.

Профессор Ингрем сложил кости в чашечку, встряхнул ее и снова высыпал на стол.

— Значит, этот фильм его разоблачает, так?

— Да. Мы так считаем. Поэтому мы и хотим, чтобы вы его посмотрели, причем если вы согласны, то посмотрели бы его вместе с нами, поскольку мы уверены, что вы согласитесь с нами. В фильме все показано совершенно ясно. Мы в этом убедились в первый же раз, когда нам демонстрировали его на экране, хотя и не сразу поняли, что именно мы увидели. Однако нам кажется, что вы заметите сразу. И тогда, конечно, все будет просто. Мы готовы произвести арест сегодня же вечером.

— Господи, Твоя святая воля! — проговорил Джо Чесни. — Вы хотите сказать, что возьмете и повесите кого-то за это дело?

Он говорил обычным удивленным тоном, слов-

но ему сообщили о каком-то необыкновенном событии, возможность которого не приходила ему в голову. Лицо его еще больше покраснело.

— Решать это будут присяжные, доктор Чесни. А что, у вас есть возражения? Я имею в виду просмотр фильма.

— А? Нет-нет, я ничего не имею против. Сказать по правде, мне самому хочется посмотреть этот фильм.

— А у вас, мистер Хардинг, есть возражения?

Хардинг нервным жестом засунул палец под воротник и ощупал его изнутри, тронув повязку. Он прочистил горло. Он потянулся за рюмкой, стоящей возле его локтя, и залпом выпил коньяк.

— Нет, — решил наконец он. — Э-э… а что, хорошо получился фильм?

— Хорошо ли получился?

— Я хочу сказать, достаточно четко?

— Вполне достаточно. А вы не возражаете, мисс Уиллс?

— Нет. Конечно нет.

— Неужели и она должна его смотреть? — спросил доктор Чесни.

— Мисс Уиллс должна посмотреть этот фильм, — медленно проговорил Эллиот, — именно она должна посмотреть, пусть даже никто

больше не смотрит.

Профессор Ингрем снова рассыпал кости по доске и рассеянно вглядывался в точки на кубиках.

— Что касается меня, — проговорил он, — то я имею все основания обижаться. Я в свое время выразил сильнейшее желание (как вы изволили выразиться) посмотреть этот фильм, но меня щелкнули по носу. Поэтому мне очень бы хотелось, — его лысина так и сияла в жаркой атмосфере комнаты, — предложить вам убраться ко всем чертям. Однако я не могу себе этого позволить. Эта проклятая стрелка всю ночь не давала мне покоя. Истинный рост доктора Немо всю ночь не давал мне спать. — Он грохнул чашечкой для костей по столу. — Скажите мне, в фильме видно, какого роста был доктор Немо? Можно на основании фильма определить его истинный рост?

— Да, сэр. Приблизительно шесть футов.

Профессор Ингрем положил чашечку на стол и посмотрел на Эллиота. Лицо доктора Чесни приняло сначала озадаченное выражение, затем на нем появилось выражение любопытства, и, наконец, он развеселился.

— Это установлено? — быстро спросил профессор Ингрем.

— Вы сами увидите. Однако не на этом нам бы хотелось сосредоточить ваше внимание в первую очередь. Вы можете считать, что этот факт установлен. А теперь вы не возражаете, если мы воспользуемся музыкальной комнатой, для того чтобы посмотреть фильм?

— Конечно нет, вы можете занять любую комнату, какую хотите, — гремел доктор Чесни.

Он, по-видимому, испытал некоторое потрясение. И, подобно бутылке с лекарством, которое, если его встряхнуть, начинает пениться и меняет цвет, он пришел в страшное возбуждение. Он был само гостеприимство.

— Проводить вас? Позвольте мне это сделать. Возьмите туда что-нибудь выпить — бутылочку, рюмки. Будем смотреть этот фильм от начала до конца, и выпить нужно обязательно.

— Я найду дорогу, благодарю вас. — Эллиот ухмыльнулся, обменявшись взглядом с профессором Ингремом. — Нет, сэр, зря вы так на меня смотрите. То, что мы собираемся это делать в музыкальной комнате, означает, что там, как мне кажется, вы увидите некоторые вещи гораздо лучше. Мы с мистером Стивенсоном отправимся туда сразу, а минут через пять майор Кроу приведет всех остальных.

Только после того, как он вышел из комнаты, он почувствовал, как горит у него голова. Но он также понял, что совсем не думает об убийце; он знал, кто убийца. Убийца ничем не мог себя защитить — он был голенький, словно очищенная луковица. Эллиот думал о других обстоятельствах, от которых ему делалось не по себе.

В холле было прохладно, так же как и в музыкальной комнате. Эллиот нащупал выключатель позади шкафчика буль. Он задернул серые шторы; за окнами поднимался туман. Подошел к радиатору и включил паровое отопление.

— Ваш экран, — сказал он, — можно повесить в дверном проеме, там, где раздвижные двери. И поставьте проектор поближе, если это возможно. Я бы хотел получить как можно более крупное изображение. Мы можем подкатить радиолу и использовать ее в качестве подставки для проектора.

Стивенсон кивнул, и они вдвоем принялись за работу. В дверях повесили простыню; проектор подключили к той же самой розетке, в которую была включена радиола. Однако прошло довольно много времени, прежде чем на экране показался яркий квадрат света. Позади экрана находился темный кабинет — тот кабинет, где

накануне сидел Маркус Чесни и где по-прежнему громко тикали часы. Эллиот расставил парчовые кресла так, что по обе стороны экрана стояло по два кресла.

— Готово, — сказал он.

Не успел он произнести эти слова, как в дверях показалась странная маленькая процессия. Доктор Фелл, как было очевидно, распоряжался в качестве главного церемониймейстера. Марджори и Хардинга посадили с одной стороны экрана, профессора Ингрема и доктора Чесни — в кресла на противоположной стороне. Майор Кроу (как и накануне вечером) стоял, облокотившись на рояль. Бостуик занял позицию по одну сторону от двери в холл, а Эллиот — по другую. Доктор Фелл поместился рядом со Стивенсоном позади проектора.

— Я признаю, — сказал доктор Фелл, тяжело, со свистом, дыша, — всем вам будет нелегко, а в особенности мисс Уиллс. Но не могли бы вы, мисс Уиллс, подвинуть свое кресло чуточку поближе к экрану?

Марджори бросила на него удивленный взгляд, однако повиновалась, не сказав ни слова. У нее так сильно дрожали руки, что Эллиот подошел, чтобы помочь ей подвинуть кресло. Она сидела

сбоку от экрана, натянутого в дверях, однако не более чем на расстоянии одного фута от него.

— Благодарю вас, — проворчал доктор Фелл, чье лицо было несколько менее румяно, чем обычно. Его голос резко прозвучал в тишине: — Ну, с Богом. Начали.

Бостуик выключил свет. Снова Эллиот отметил про себя густую темноту, которую прорезал свет включенного Стивенсоном аппарата. Этот свет слегка тронул лица тех, кто сидел в стороне от луча. Поскольку проектор находился всего в пяти футах от экрана, изображение на простыне было если не в натуральную величину, то все-таки достаточно крупным.

Возникло ритмическое потрескивание, экран вспыхнул, а потом потемнел. Слышно было, как дышат люди, находящиеся в комнате. Эллиот ощущал присутствие огромной бандитской фигуры доктора Фелла, которая громоздилась над теми, кто сидел в креслах, однако это ощущение теплилось где-то на периферии; все его внимание было сосредоточено на тех сценах, которые им снова предстояло увидеть и значение которых было так очевидно, если дать себе труд над ними поразмыслить.

В темноту экрана скользнули вертикальные

блики света, дрожащие на краях. Снова было видно, как открываются на экране двери; расплывчатые пятна превратились в резкое изображение комнаты за закрытыми дверями, на которые они сейчас смотрели. И когда они увидели сверкающий камин, белый свет, падающий на стол, белый циферблат часов, у Эллиота появилось жуткое чувство, что они видят настоящую комнату, а не ее изображение. Создавалось впечатление, что они смотрят на реальную комнату сквозь прозрачную пелену, — пелену, которая съела все краски, сведя их только к двум: серой и черной. Иллюзия усиливалась благодаря тиканью реальных часов. Это тиканье совпало с ритмичным — взад-вперед — движением маятника на часах на экране. Перед ними была комната — призрак ее, зеркальное отражение; настоящие часы отсчитывали там вчерашнее время, и открытые окна впускали вчерашний воздух.

А затем на них посмотрел Маркус Чесни из своего кабинета.

Ничего удивительного, что Марджори вскрикнула: его фигура была почти такого же размера, как в жизни. И эта реакция была вызвана не тем, что благодаря игре света его лицо было похоже

на лицо вампира, это произошло от ощущения реальности происходящего. В своем зеркальном изображении Чесни продолжал заниматься своим делом. Он сел за стол лицом к ним, отодвинул конфетную коробку с серым рисунком в сторону и начал свои манипуляции с двумя небольшими предметами, лежавшими на столе.

— О, слепая курица! — прошептал профессор Ингрем, подаваясь вперед, так что его макушка коснулась луча проектора. — Теперь я вижу. Ничего себе, стрелка для метательной трубки! Теперь я вижу! Вижу…

— Это не важно, — оборвал его доктор Фелл. — С этим не возитесь. Не занимайте этим предметом свое внимание. Следите за левой стороной экрана. Вот входит доктор Немо.

Словно ответив на зов, на экране внезапно возникла тощая фигура в цилиндре. Человек сразу же, как появился, обернулся к ним лицом; и они, на этом близком расстоянии, смотрели ему в глаза, скрытые темными, слепыми очками. Четко, словно увеличенные, вырисовывались отдельные детали: потертый ворс на цилиндре, лохматый шарф с отверстием, сквозь которое виднелся нос, странная походка доктора Немо, которая стала заметна, когда он расхаживал по

комнате. Подойдя к столу и повернувшись к ним почти спиной, он быстро проделал всю процедуру с заменой конфетных коробок.

— Кто это такой? — строго спросил Фелл, как только фигура появилась и начала двигаться. — Посмотрите как следует. Кто это?

— Это Уилбер, — сказала Марджори. — Это Уилбер, — повторила она, вставая с кресла. — Разве вы не видите? Разве вам не знакома его походка? Посмотрите на него. Это Уилбер.

В мощном голосе доктора Чесни звучало удивление.

— Девушка права, — твердил он. — Господи, это же ясно как день. Но этого не может быть! Это не может быть Уилбер. Он же умер.

— Он действительно очень похож на Уилбера, — признал профессор Ингрем.

Несмотря на темноту, чувствовалось, как он весь напрягся. Он пошевелился, пристально всматриваясь в экран:

— Подождите! Здесь что-то не то. Здесь какой-то фокус. Я готов поклясться…

Доктор Фелл не дал ему договорить. От мерного стрекотания проектора у них звенело в ушах.

— Сейчас мы к этому подойдем, — сказал доктор Фелл, когда Немо двинулся к другому краю

стола. — Мисс Уиллс! Примерно через две секунды ваш дядя должен произнести какие-то слова. Он смотрит на Немо. Он собирается ему что-то сказать. Смотрите на его губы. Прочитайте по губам и скажите нам, что именно он говорит. Внимание!

Девушка стояла возле экрана, нагнувшись вперед так, что ее тень почти касалась его. А сейчас казалось, что гул проектора почти не слышен. Наступило молчание. Странное, неестественное молчание. Когда серые губы Маркуса Чесни зашевелились в зеркальной комнате, Марджори одновременно с ними начала говорить. Голос ее был непривычно высок, звучал неестественно, словно мысли ее были не здесь, а где-то далеко. Это был тихий, призрачный голос, в нем таился свой собственный ритм.

Она говорила:

— «Вас, доктор Фелл, я не люблю.

Причину про себя таю.

Однако…»

Вся группа пришла в страшное возбуждение.

— Что все это значит, черт возьми? — взорвался профессор Ингрем. — Что вы там говорите?

— Я говорю то, что говорит он. Вернее, говорил! — воскликнула Марджори. — «Вас, доктор

Фелл, я не люблю…»

— Уверяю вас, это очередной фокус, — сказал профессор Ингрем. — Я не такой сумасшедший, чтобы этому поверить. Я находился здесь, я все видел, я слышал его. И я прекрасно знаю, черт побери, что он ничего подобного не говорил.

Ответил ему доктор Фелл.

— Конечно не говорил, — подтвердил доктор Фелл глухим, усталым голосом. — И следовательно, фильм, который вы смотрите, показывает не то, чему вы были свидетелем вчера вечером. И следовательно, нам подсунули не тот фильм. И следовательно, этот ложный фильм нам подсунул убийца, уверяю вас, что именно он является подлинным. И следовательно, убийца…

Ему не было нужды продолжать.

Эллиот в три прыжка пересек сноп света и оказался возле Хардинга, который вскочил на ноги. Увидев Эллиота возле себя, Хардинг невольно размахнулся, метя противнику в лицо. Эллиот ожидал, что им придется схватиться. Он мечтал об этой драке, чуть ли не молился о том, чтобы она состоялась. Вся его неприязнь к этому человеку, которая постепенно превращалась в ненависть, все то, что он был вынужден в себе подавлять, все то, что он знал о Хардинге, о том, что он сделал

и почему он это сделал, — все это поднялось в его душе, взорвалось неслышным криком, и он набросился на противника, испытывая чистую, неподдельную радость. Однако сопротивление длилось недолго. После первой же попытки защититься нервы Хардинга не выдержали. Глаза его закатились, гримаса жалости к самому себе исказила его лицо, и он рухнул к ногам Марджори, уцепившись за ее юбки, в глубоком обмороке. Пришлось приводить его в чувство с помощью коньяка, прежде чем принять необходимые меры предосторожности и объявить ему о том, что он арестован.

# Глава двадцатая
# Дело об убийстве ведет психолог

Примерно час спустя доктор Фелл собрал всех в библиотеке перед пылающим камином. Однако Марджори там не было. Не было по вполне понятным причинам и Бостуика с Хардингом. Все остальные сидели полукругом перед огнем в позах, которые Эллиот, сохранивший, несмотря на смертельную усталость, способность смотреть на вещи юмористически, назвал бы достойными голландского натюрморта.

Доктор Чесни заговорил первым. До этого он сидел, положив локти на ломберный столик и опустив на них голову.

— Итак, — пробормотал он, подняв голову и оглядев присутствующих, — это все-таки был посторонний. Черт возьми! Мне кажется, я это чувствовал костями, всем своим нутром.

— Правда? — вежливо отозвался профессор Ингрем. — А мне кажется, именно вы постоянно твердили, какой прекрасный человек этот Хардинг. Во всяком случае, тогда, когда вы с таким вкусом устроили сегодня эту великолепную

свадьбу…

Доктор Чесни вспыхнул:

— Неужели вы не понимаете, что я вынужден был это сделать, будь оно все неладно! По крайней мере, мне так казалось. Хардинг меня уговорил. Он сказал…

— Он много чего говорил, — мрачно заметил майор Кроу.

— Но когда я думаю о Марджори, о том, чего ей стоила вся эта история…

— Что же вы об этом думаете? — спросил профессор Ингрем, подбирая кости и складывая их снова в чашечку. — Вы всегда были плохим психологом, мой мальчик. Неужели вы думаете, что она его любит? Что она вообще его когда-нибудь любила? Как по-вашему, почему я выразил сегодня такой решительный протест против этой мерзкой, поистине дьявольской затеи?

Он взял чашечку с костями и встряхнул ее. Он посмотрел на доктора Фелла, на Эллиота и майора Кроу поочередно:

— Однако мне кажется, джентльмены, что вы должны дать нам кое-какие объяснения. Мы хотим знать (как всегда в конце всякой истории), каким образом вы догадались, что Хардинг — убийца, как вы собираетесь убедить суд в том,

что это так. Вам, может быть, это ясно, а вот нам — нет.

Эллиот посмотрел на доктора Фелла.

— Сделайте это сами, сэр, — мрачно предложил он, на что майор Кроу согласно кивнул головой. — Я что-то плохо соображаю.

Доктор Фелл, держа в руках набитую трубку и тронув локтем высокую пивную кружку, стоящую рядом на столе, задумчиво смотрел на огонь.

— Есть несколько моментов во всем этом деле, — начал он голосом, который для него можно было назвать негромким, — вызывающих мое глубокое сожаление. Я сожалею о них потому, что та легкомысленная идея, которая пришла мне в голову почти четыре месяца назад, была, в сущности, началом разгадки. Вероятно, нужно начинать с самого начала, а может быть, даже и раньше, для того чтобы показать вам события в их последовательном развитии, так, как они представляются мне, и довести их до настоящего момента, когда вы сами имели возможность их наблюдать.

Итак, семнадцатого июня несколько ребятишек отравились конфетами, купленными в лавке миссис Терри. Я уже изложил инспектору Эллиоту свои соображения, которые заставили меня

прийти к мысли (уже в то время), что преступник был не настолько глуп, чтобы использовать примитивный способ — бросить горсть отравленных конфет в открытую коробку на прилавке. Я считал гораздо более вероятным то, что тут действовали значительно более изощренные методы вроде сумки или саквояжа с захватом, с помощью которого можно с легкостью проделать довольно неудобную процедуру — поменять местами две открытые ячейки с конфетами. Я подумал, что надо бы поискать человека, который (скажем, за неделю или еще раньше до этого) входил в лавку с дорожной сумкой. Тут же встало непременное условие: появление этого человека в лавке с сумкой в руках не должно было обратить на себя внимание, а следовательно, и запомниться как явление необычное и непривычное, и таким человеком мог быть доктор Чесни или Эммет.

Однако, — продолжал доктор Фелл, указывая трубкой в сторону Эллиота, — как я уже указывал инспектору, существует и другая возможность. Даже на доктора Чесни или мистера Эммета обратили бы внимание, если бы один из них вошел в лавку с сумкой в руках, — в том смысле, как обращают внимание, замечают все, что происходит в обычной жизни. Но существует еще один тип

покупателя с сумкой в руке, на которого миссис Терри не обратит ни малейшего внимания и о котором тут же забудет.

— Другой тип покупателя? — заинтересовался профессор Ингрем.

— Это турист, — сказал доктор Фелл. — Как мы знаем, — продолжал он, — через Содбери-Кросс проходит главное шоссе, главный туристский маршрут. Движение по шоссе достаточно оживленное, а временами становится даже напряженным. Икс, Игрек или Зет, никому не известный турист, который едет мимо на машине, вполне мог войти в лавку, спросить пачку сигарет и снова исчезнуть, так что хозяйка через минуту и думать о нем забудет. Доктор Чесни и мистер Эммет — местные жители, хозяйка лавки увидит их и запомнит, тогда как Икс, Игрек или Зет, никому не знакомые люди, никоим образом не отпечатаются у нее в памяти; впечатление о них исчезнет, не успев как следует закрепиться.

Все это, однако, сильно смахивает на безумные измышления лунатика. Ну с какой стати совершенно незнакомому человеку вдруг придет в голову совершить подобный поступок? Это мог бы сделать неизвестный преступник-маньяк. Но не могу же я сказать майору Кроу: «Ищите

(по всей Англии) человека, которого не знают в Содбери-Кросс, человека описать которого я не могу, — он ехал в машине, о которой я не имею ни малейшего понятия, и в руках у него была дорожная сумка, в существовании которой я вовсе не уверен». Мне казалось, что все это слишком фантастично; я отложил эту идею в долгий ящик, а теперь, вспомнив, проклинаю себя на чем свет стоит.

— Ведь что произошло сегодня утром?

— Ко мне явился Эллиот и всколыхнул мою память своим рассказом. К тому времени я уже получил письмо Маркуса Чесни; вся драма была в основном мне известна со слов глухого официанта; и то, что мне рассказал Эллиот, поразило меня до глубины души. От него я узнал (боже мой, узнал наконец!), что в Италии мисс Уиллс встретилась и обручилась со своим волооким обольстителем — мистером Хардингом. Не было никакого резона подозревать Хардинга на том только основании, что он был посторонним человеком. И в то же время у нас есть самые веские основания подозревать *кого-то,* некоего человека, принадлежащего к тесному кружку, собравшемуся вокруг Маркуса Чесни, кого-то, кто использовал изощренно-сложный спек-

такль, достойный фокусника-иллюзиониста, в собственных целях: с ловкостью жонглера он встроил в это представление свой собственный номер — убийство. Следовательно, нам необходимо исследовать это представление.

Мы знали, что оно было задумано до того, как состоялось. Мы знали (по сути дела, нам твердили об этом с утра до ночи), что это будет представление фокусника-иллюзиониста, в котором ни на минуту нельзя верить своим глазам. Мы могли предполагать, что фокусы не ограничатся одной только сценой, что в них будут вовлечены и зрители. Послушайте, что пишет на эту тему в своем письме Чесни, он говорит о свидетелях: «Они не знают, что происходит на сцене, и еще менее того — что происходит среди зрителей. Покажите им потом ясное и точное, черным по белому, изображение того, что происходило, и они вам поверят. Но и тогда они не смогут правильно интерпретировать то, что увидели собственными глазами».

Итак, когда мы пытались решить загадку этого представления, нам встретились три противоречивых момента, которые требуют объяснения.

а) Почему Чесни включил в список вопросов, на которые он просил вас ответить, один абсолютно

ненужный вопрос? Зачем он сказал, что доктор Немо — это Уилбер Эммет, если сразу же после этого он спрашивает, какого роста был человек в цилиндре?

б) Почему он настаивал на том, чтобы все присутствующие были в вечерних туалетах? В вашем доме не было привычки переодеваться к обеду, однако именно в тот самый вечер он настаивал на том, чтобы все переоделись.

в) Для чего он включил в свой список вопросов вопрос номер десять? На этот вопрос, в общем-то, никто не обратил особого внимания, но меня он беспокоит. Насколько вы помните, он звучал так: *«Кто из присутствующих говорил? Что было сказано?»* И сразу же после этого следует примечание: он требует буквального ответа на вышеназванный вопрос. Но где же здесь подвох? Все свидетели единодушно согласились с тем, что говорил на сцене один Чесни; в действительности несколько слов было сказано — громко или шепотом — кем-то из зрителей. Так в чем же тут ловушка?

Господа, ответ на пункты «а» и «б» представляется мне абсолютно ясным. Он сказал вам, что доктор Немо — это Уилбер Эммет, по той простой причине, что доктор Немо — вовсе *не* Уилбер

Эммет, а кто-то другой — другой человек, на котором тоже были фрачные брюки и лакированные туфли, как и на Уилбере Эммете. Однако совершенно очевидно, что этот человек не мог быть одного роста с Эмметом. В противном случае вопрос: «Какого роста был человек, вошедший через дверь с лужайки?» — был бы лишен всякого смысла. Если бы этот человек был одного роста с Эмметом, то есть шести футов, и если бы вы сказали «шесть футов», вы все равно были бы правы. Значит, он должен был подсунуть вам кого-то, рост которого отличался бы на несколько дюймов от роста Эммета, и в то же время на нем должны быть фрачные брюки и лакированные туфли.

Хрррр! Где же нам искать такого человека? Конечно, это может быть и посторонний, это может быть любой его знакомый из Содбери-Кросс. Однако в этом случае шутка потеряла бы весь свой смысл. Ничего интересного в этом трюке не было бы, просто обыкновенный обман; и тогда не имели бы смысла слова из письма: *«Они не знают, что происходит на сцене, и еще менее того — что происходит среди зрителей».* Если эти слова вообще что-нибудь означают, они могут значить только одно: человек в цилиндре — это один из зрителей.

И в тот же миг фальшивое дно трюка, как говорится, раскрывается. Мы видим, что у Маркуса Чесни был еще один сообщник, помимо Уилбера Эммета. Сообщник, невинный с виду. Сообщник, как это обычно бывает во время циркового представления, который находится среди публики. В течение двадцати секунд, когда был погашен свет и наступила полная темнота, Эммет и этот другой сообщник поменялись местами.

Тот, что находился среди зрителей, в течение этих двадцати секунд выскользнул через дверь на лужайку, а Эммет проник в комнату и занял его место. Именно этот второй сообщник, а не Эммет играл роль доктора Немо. А Эммет тем временем сидел или стоял среди зрителей в течение всего представления. Таков был *план,* в этом и заключалась вся соль этой ловушки, которую придумал Маркус Чесни.

— Но кто же это был?

— Кто именно заменил Эммета?

— Здесь уже все достаточно просто. Мисс Уиллс исключается по вполне понятным причинам. Профессор Ингрем исключается по трем по крайней мере причинам: он сидел дальше всех от дверей, в том кресле, которое предназначил ему Чесни; у него хорошо видная сверкающая лыси-

на; и наконец, очень маловероятно, что Чесни выбрал бы в сообщники человека, которого ему больше всего хотелось провести.

— А Хардинг?

— Рост Хардинга — пять футов девять дюймов. У него так же, как и у Эммета, достаточно стройная фигура, оба имеют примерно одинаковый вес: Хардинг весит одиннадцать стоунов, а Эммет — одиннадцать и восемь фунтов[20]. И у того и у другого темные, гладко зачесанные волосы. Хардинга поместили с левого края — самая невыгодная позиция для человека, который собирается снимать все представление на пленку, по сути дела — просто нелепо было сажать его на это место, и тем не менее именно это место было ему предназначено, в двух шагах от двери на лужайку. И наконец, Хардинг держал в руках камеру, так что его правая рука естественно закрывала лицо. Ясно?

— Ясно, — мрачно согласился профессор Ингрем.

— Ничто не могло быть легче с психологической точки зрения, чем произвести такую замену. Никто бы не заметил разницу в росте, поскольку

---

**[20] Notes: 20**

Вес Хардинга — приблизительно 70 килограммов, Эммета — около 75 килограммов.

он стоял, а остальные сидели. Кроме того, Хардинг говорил, что ему пришлось пригнуться, имея в виду, что это сделал Эммет. Вас вообще ничего не стоило обмануть, поскольку незначительную разницу во внешности скрывала темнота. Хардинг хорош собой, Эммет поразительно некрасив, но подмены никто не заметил из-за темноты и из-за руки, скрывавшей лицо. Вы вообще не обращали на него никакого внимания, иначе вы бы не видели того, что происходит на сцене. Утверждать, что вы видели и Хардинга, и сцену, противоречило бы реальности. Вы говорите, что видели Хардинга «краешком глаза», и это верно: то, что вы видели, всего лишь общие очертания фигуры, и ничего больше. Вы видели Хардинга только потому, что ожидали видеть Хардинга.

Темнота, кроме того, способствовала еще одной психологической шутке, которую с вами сыграли. Вы утверждаете, что человек, который держал кинокамеру, громко что-то сказал. Я осмелюсь высказать скромное предположение, что ничего подобного не было. Психологический эффект темноты во время представления заключается в том, что люди автоматически начинают говорить шепотом. И этот шепот воспринимается как обычный голос, иногда даже слишком громкий

голос; если вы пойдете в театр и услышите, как кто-то у вас за спиной болтает, вам покажется, что говорят в полный голос, и вы непременно выругаетесь. В действительности же это шепот, хотя вы этому не поверите, если не услышите для сравнения шепот в нормальных условиях. Поэтому я высказываю предположение, что когда этот человек сказал: «Ш-ш-ш! Человек-невидимка», — это было сказано шепотом. Поэтому вы и обманулись, ведь когда люди шепчут, все голоса звучат одинаково. И вы услышали голос Хардинга, потому что вам и в голову не пришло, что это может быть кто-то другой.

Вот и получается, что Хардинг — наиболее подходящая фигура для роли второго сообщника. Чесни не стал бы выбирать вас, профессор Ингрем, потому что вы постоянно с ним спорили. Не выбрал бы он и вас, доктор Чесни, по той же причине, не говоря уже о том, что вы не одного роста с Эмметом и это автоматически исключало вас из числа возможных претендентов. Нет. Он бы выбрал почтительного, подобострастного Хардинга, который с восторгом ловил каждое его слово, льстил его тщеславию, который верил всем его теориям. В довершение ко всему у него была кинокамера, которую можно было исполь-

зовать не только по ее прямому назначению.

Таким образом, мы снова возвращаемся к Хардингу. Если во всем этом деле существует лейтмотив, то это высшая степень почтения, которую Хардинг неизменно оказывал Маркусу Чесни. Оно никогда не ослабевало, никогда не колебалось, никогда не бывало неприятным. Всегда было неизменно и абсолютно, кроме одного-единственного случая, когда как раз этого никак не должно было случиться. Это представление было предметом гордости Чесни, было дорого его сердцу. Он относился к нему со всей серьезностью и рассчитывал на такое же отношение со стороны всех остальных. И вот в самый драматический момент представления, когда доктор Немо торжественно входит в комнату, этот (якобы) Хардинг, после того как его специально предупредили, чтобы он хранил полное молчание, вдруг отпускает свою насмешливую реплику: «Ш-ш-ш! Человек-невидимка». Это внезапное веселье, остроумие за счет Маркуса Чесни кажется весьма странным. Оно могло бы вызвать смех, оно могло бы испортить все дело. И тем не менее этот (якобы) Хардинг это сделал.

Итак, еще через минуту я покажу вам, почему это замечание само по себе является свидетель-

ством против Хардинга. Но пока ограничусь лишь тем, что я об этом подумал: «Что-то здесь не то. Это Эммет, это он изображает Хардинга». И поскольку Эммета не более, чем Хардинга, можно было заподозрить в том, что он позволил себе смеяться над Маркусом Чесни, что он может усомниться в святости элевсинских мистерий, эта реплика тоже была обусловлена заранее. Даже этот момент, эти слова — все было запланировано в представлении. Таким образом, мы возвращаемся к старому вопросу: «Кто из присутствующих говорил? Что было сказано?»

Я не стараюсь забежать вперед, господа. Я рассказываю вам всю историю — по мере того, как она раскрывается. Именно таким путем шли мои мысли, когда Эллиот рассказывал мне об этих событиях. Поначалу я не мог его особенно обнадеживать, сказав ему, что убийца — Хардинг.

Доктор Чесни бросил на рассказчика удивленный взгляд.

— Обнадеживать? — спросил он подозрительно. — В чем это обнадеживать? Почему, собственно, он должен был надеяться на то, что виноватым окажется Хардинг?

Доктор Фелл долго и громогласно откашливался.

— Хм, — замялся он. — Я просто оговорился. Что, будем продолжать? Однако даже на этом этапе, даже если отбросить в сторону все соображения, касающиеся мотивов, все, кроме чистой механики совершения преступления, становится абсолютно ясно, что Хардинг мог играть роль доктора Немо.

Посмотрите на хронологическую сторону событий. В течение двадцати секунд полной темноты между моментом, когда был погашен свет, и тем, когда Маркус Чесни открыл двойные двери, Эммет вполне мог незаметно войти с лужайки в музыкальную комнату через стеклянную дверь. Затем он мог взять у Хардинга камеру, а тот выскользнул из комнаты через те же самые двери и надел на себя все, что полагается, чтобы превратиться в доктора Немо. Для того чтобы обменяться местами, им потребовалось не более трех секунд, и, таким образом, оставалось не менее сорока секунд до появления доктора Немо. У Хардинга была в распоряжении почти целая минута — вполне достаточно для того, чтобы переодеться. Профессор Ингрем скажет вам, какую уйму разнообразных действий можно сделать за минуту.

Пробыв в кабинете тридцать секунд, Немо

выходит. Теперь давайте рассмотрим обратную перегруппировку, то, как он вернулся на место. Каким образом это укладывается в нашу хронологическую схему?

В это время я еще не видел фильма. Но Эллиот пересказал мне показания Хардинга. Хардинг говорил: «Как только этот тип в цилиндре исчез из объектива, я отступил назад и выключил аппарат». Другими словами, именно это сделал Уилбер Эммет (который в данный момент изображал Хардинга). Он перестал снимать в тот самый момент, как доктор Немо вышел из кабинета. Но почему же? Ведь представление, как вы знаете, еще не было окончено. Маркусу Чесни еще оставалось драматически уронить голову на стол, изображая смерть, а потом встать и закрыть двери. Чесни давал им время для того, чтобы снова поменяться местами.

Таким образом, совершенно ясно, что Эммет после того, как доктор Немо вышел из кабинета, «отступил назад» из поля зрения других и выскользнул из музыкальной комнаты для того, чтобы встретиться с Хардингом. Таков был план — план Маркуса Чесни. Однако у Хардинга, если моя теория верна, был свой вариант этого плана. Он закончит эпизод с капсулой, даст Мар-

кусу Чесни отравленную капсулу. (Разумеется, никакой второй капсулы не существовало. Все эти разговоры по поводу второй капсулы совершенно излишни. Если было обусловлено, что Хардинг будет играть роль доктора Немо, для чего же тогда вторая капсула? Была всего одна, та самая, которую заранее вручили Хардингу и в которую он ввел с помощью шприца синильную кислоту.) После этого Хардинг был готов осуществить свой собственный вариант плана.

Итак, доктор Немо выходит из кабинета, а Уилбер прекращает съемки и потихоньку выскальзывает из музыкальной комнаты через стеклянные двери. Хардинг, которому нужно всего несколько секунд для того, чтобы освободиться от маскарада, в отличие от одевания, которое требует большего количества времени, ожидает его. По ту сторону узкой лужайки, в густой тени, уже стоит прислоненная к дереву кочерга, приготовленная задолго до того. Он знаком показывает Эммету, чтобы тот подошел, берет у него камеру, знаком указывает ему на дом и, когда тот поворачивается, чтобы идти, ударяет его кочергой, обернув предварительно руку носовым платком. После этого он незаметно входит в музыкальную комнату, прежде чем включается свет. Время

(как подсчитал профессор Ингрем) — пятьдесят секунд.

Профессор Ингрем вертел в руках чашечку с игральными костями. Он нахмурился и покачал головой:

— Справедливо, я это признаю. Времени у него было достаточно. Но вам не кажется, что этот человек подвергал себя отчаянному риску?

— Нет, — ответил доктор Фелл. — Риска тут не было никакого.

— Но если, предположим, кто-то — все равно кто, не тот, так другой — включил бы свет слишком рано? Предположим, что свет включили бы до того, как он вернется в музыкальную комнату?

— Вы забываете самого Чесни, — грустно сказал доктор Фелл. — Вы забываете, что этот человек практически организовал свое собственное убийство. Он сам больше, чем кто бы то ни было, был заинтересован в том, чтобы Хардинг благополучно вернулся на свое место, прежде чем зажжется свет. Если бы Хардинг попался, это разрушило бы схему Чесни, превратило бы его в посмешище. Этого нельзя было допустить. Вы помните, что я сказал минуту тому назад? Чесни приготовил вам дополнительное угощение, еще один доба-

вочный элемент спектакля: то, что он сначала спокойно посидел за столом, а потом уронил голову на стол, изображая смерть; это, очевидно, была импровизация, поскольку в списке вопросов не было ничего, касающегося этого момента. Итак, после ухода Немо вам преподнесли еще одну лишнюю сцену. Специально для того, чтобы Хардинг успел переодеться и вернуться на место. По-видимому, Хардинг дал ему условный сигнал, что-нибудь вроде кашля, чтобы сообщить ему, что все в порядке. И после этого Чесни закончил представление, закрыв двери. Неизвестно, много или мало времени потребовалось Хардингу для того, чтобы проломить череп Эммету. Может, двадцать, а может быть, и все сто двадцать секунд. Но Чесни не окончил бы представления, не удостоверившись, что Хардинг вернулся на свое место.

— Черт бы побрал его подлую душу! — взревел Джо Чесни, грохнув кулаком по ломберному столику так, что доска для триктрака подпрыгнула. — Так, значит, все это время он играл в беспроигрышную игру?

— Да.

— Продолжайте, — спокойно попросил профессор Ингрем.

Доктор Фелл фыркнул:

— Таково было положение вещей сегодня утром. И как вы понимаете, мне было очень важно посмотреть этот фильм, который, как я думал, снимал Эммет. Хардинг, как раз перед тем, как я потерпел свою первую крупную неудачу, начал вызывать во мне определенное любопытство, чтобы не сказать — мрачные подозрения. Он — ученый-химик, он мог получить синильную кислоту в любую минуту. Только он из всех возможных участников мог в одну секунду натянуть и снять резиновые перчатки. Не знаю, пытались ли вы когда-нибудь проделать такой эксперимент. Надеть перчатки сравнительно просто, если, конечно, они посыпаны изнутри тальком. Но вот мгновенно снять их — это совсем другое дело, если вы не знаете, как это делается. Их нельзя снимать, стягивая за пальцы, как это делается с обычными перчатками. Вы их только порвете ко всем чертям или так и будете дергать за пальцы, проклиная все на свете. Их нужно заворачивать, начиная от запястья, — именно в таком виде, аккуратно свернутыми, их нашли. Я проявил к этим перчаткам интерес, который удивил инспектора Эллиота.

Однако образ Хардинга-убийцы возник у меня

в виде четкого, яркого отпечатка еще до того, как я посмотрел фильм. Мне это стало ясно из беседы, которую Эллиот имел с мисс Уиллс в квартире Стивенсона над его аптекой. Я подслушал эту беседу, джентльмены. Подслушал, потеряв всякий стыд и чувство собственного достоинства. Там, в дверном проеме между гостиной и спальней, висела простыня; за этой простыней, в спальне, я и затаился (если вы можете себе представить меня в подобной позиции).

До этого времени я ничего не знал о Хардинге, кроме того, что мне рассказал Эллиот. Но теперь — клянусь громом! — я кое-что узнал! Ведь раньше Эллиот уверял меня, что Хардинг понятия не имел о Содбери-Кросс — до того дня, как встретил мисс Уиллс во время их путешествия по Средиземноморью. А тут я узнаю, что они были уже давным-давно знакомы, знали друг друга еще до того, как произошли эти печальные события, связанные с лавкой миссис Терри, и что она ездила в Лондон для того, чтобы с ним встречаться. Будьте так добры, джентльмены, не старайтесь выразить удивление, — раздраженно заметил доктор Фелл. — А вы, доктор Чесни, обуздайте свое желание съездить мне по голове этими каминными щипцами. Это обстоятельство

вам прекрасно известно. Даже ваши горничные об этом знают. Можете спросить у них.

И все-таки самой ценной информацией было то, что я увидел две стороны его характера. Разумеется, нельзя обвинять человека в том, что он скрыл от семьи девушки факт своего знакомства с ней, избрав для этого окольные пути, хотя этот путь представляется мне излишне сложным. Я не могу его за это винить. Однако я ставлю ему в вину вот что (а инспектор Эллиот просто готов его за это убить): он томно заявляет этой девушке, что ему так и так нужен отдых, что он с удовольствием съездил бы за границу, а она может заплатить за эту поездку, поскольку он в результате познакомится с ее семьей. Но это еще не все. Джентльмены, я стоял в спальне аптекаря, и я (если этому можно поверить) прямо-таки онемел от удивления. Меня посетили видения, я слышал голоса. Мне казалось, что я слышу запах надушенных локонов Вейнрайта. Я видел призрак Уоррена Уэйта, он сидел в кресле-качалке; за окном витали призраки смерти, прекрасные глаза Ричесона бросали на меня обольстительные взоры, маячила лысина Притчарда.

Но в этом есть и другая сторона. Хардинг, что бы о нем ни говорили, великолепный актер. Взять

хотя бы маленькую сценку в Помпеях, о которой мне рассказывали. Один момент! Не важно, от кого я об этом услышал. Но если то, что я узнал, подслушивая за простыней в доме аптекаря, было правдой, задумайтесь на минуту, что означала эта помпейская сцена! Хардинг, преданный, невинный, героический, стоит перед вами и слушает, как вы рассказываете ему о Содбери-Кросс. Подумайте о том, как он ловко навел разговор на отравителей и пытался вас прощупать, пока вы не сказали ему: «Наверное, в те времена нетрудно было совершить массовое убийство и остаться безнаказанным». Вспомните о том, как он удивился, как торопливо стал прятать путеводитель, когда понял, что совершил оплошность, затронув запретную в вашей семье тему. Подумайте о…

Впрочем, нет нужды все это подчеркивать. Однако пусть эта сцена останется в вашей памяти как некий символ всего того, что было дальше. Она представляет собой отличную картину душевного облика мистера Хардинга. По тому законченному, продуманному до мельчайших деталей лицемерию во всем, что он говорил и делал во время этой сцены, по тому, как он подталкивал, подсказывал, отступал и утверждал себя, я считаю, что он достоин занять подобаю-

щее место (в этой группе моих злонамеренных знакомцев) рядом со святошей Вилли Палмером.

Однако отвлечемся от метафизики. Потом мы увидели фильм, и он разрушил всю схему. Ошибка была настолько грубой, что я в то время подумал, что Хардинг спасен: ему удалось выбраться без всякой посторонней помощи.

Вы все видели этот фильм. Однако некоторые из нас, когда мы его смотрели, не обратили внимания на одну деталь. Вот какую. Если мы примем рассказ Хардинга, если мы согласимся, что фильм снимал он, если мы признаем его алиби и не будем думать, что за этим скрываются какие-то подвохи, — если мы все это примем во внимание, то это означает: *фильм представляет собой то, что видел Хардинг.*

Вы улавливаете мою мысль? — спросил доктор Фелл очень серьезно. — В фильме было только то, что он видел, и ничего другого. В него входили только те моменты действия, происходившего в кабинете Маркуса Чесни, которые он мог видеть со своего места. Это было нечто вроде отчета одного очевидца. Мы, следовательно, могли видеть только то, что видел Хардинг. Однако послушаем других очевидцев, послушаем показания самого Хардинга и посмотрим, что же там происходи-

ло? Вернемся к самому началу представления Маркуса Чесни. Гротескная фигура в цилиндре вступает в комнату через стеклянные двери. Он медленно движется вперед, и Хардинг шепотом произносит: «Ш-ш-ш! Человек-невидимка». Фигура оборачивается и смотрит на зрителей.

Но что мы видим в самом фильме? В тот момент, когда фигура только появляется на экране, ее голова *уже поворачивается* в нашу сторону для того, чтобы на нас посмотреть. Человек появляется. Голова поворачивается. Вот каким образом мы видим в первый раз доктора Немо. Нет никакого сомнения в том, что он обернулся для того, чтобы на нас посмотреть сразу же после того, как Хардинг произнес свои слова: «Ш-ш-ш! Человек-невидимка», — потому что это единственный раз, когда он посмотрел на зрителей. Но каким же образом, черт возьми, мог Хардинг произнести эти знаменательные слова и вообще какие бы то ни было слова? Ведь до этого момента мы не видели человека-невидимку, и он тоже его не видел!

Он вообще не видел стеклянных дверей, он сидел близко к левому краю и не мог их видеть. Мы не могли видеть, как человек вошел, не видели его, пока он не обернулся и не посмотрел на нас. Каким же образом (спросите себя об этом) мог

Хардинг знать, как выглядит доктор Немо? Как он мог дать ему такое точное определение еще до того, как доктор Немо появился в поле его зрения?

Найти ответ на этот вопрос совсем несложно. Кто бы там ни стоял, держа в руках камеру, этот человек был сообщником устроителей представления; он заранее знал, как выглядит доктор Немо; ему была дана соответствующая реплика, которую он должен был произнести шепотом; он видел, как Чесни повернул голову, знал, что настало время, и проговорил свои слова на несколько секунд раньше: когда другие могли видеть доктора Немо, а он еще не мог. Поскольку впоследствии Хардинг клялся и божился, что произнес эти слова, было совершенно ясно, что он является сообщником — независимо от того, он или Эммет снимал фильм. Это и подтвердило мое первоначальное предположение, что снимал фильм Эммет, а Хардинг играл роль доктора Немо.

Во время предварительного просмотра, который состоялся сегодня днем, я уже готов был проговориться и объявить об этом. Я уже начал было произносить соответствующие звуки, как вдруг выскочил вперед майор Кроу со своим метким замечанием касательно того, что Маркус

Чесни сам все организовал таким образом, чтобы его убийца мог сделать свое дело. Это совершенно справедливо, хотя Кроу имел в виду нечто другое. Но в эту самую минуту все мое построение рухнуло с треском.

Мы совершенно отчетливо видели доктора Немо на экране. И рост его был шесть футов.

Он был не только шести футов ростом, но и по походке в нем безошибочно можно было узнать Уилбера Эммета.

На меня это подействовало как мощный удар в солнечное сплетение, от которого я не мог опомниться в течение нескольких часов.

Позвольте порекомендовать вам смирение в качестве одной из добродетелей. Весьма освежающая добродетель. Я был так чертовски уверен, что я прав! Я не просто складывал из каменьев свою башню, я скреплял эти каменья раствором, чтобы они крепче держались. И только тогда, когда сегодня днем мы нашли в ящике стола мисс Уиллс картонный футляр от юпитера, я понял: снова, в надцатый раз, нас водили за нос, мы попались на очередной трюк неистощимого на выдумки Чесни. Это был финальный трюк, однако он делал замысел Хардинга трижды неуязвимым.

Конечно, один пункт заставил нас некоторое

время блуждать во тьме. В данном случае даже не важно, кто был убийцей. Кто бы он ни был, непонятно одно: почему он не уничтожил фильм? У него было сколько угодно возможностей сделать это незаметно. Он открыто лежал в пустой комнате. Ничего не стоило его уничтожить, достаточно было просто открыть кассету и засветить пленку. Ни один убийца, даже лунатик, не захочет, чтобы полицейские изучали фильм, на котором запечатлено, каким образом он совершил свое убийство. Однако фильм никто не тронул. Если бы у меня хватило ума с самого начала оценить это прямое указание, я бы понял, что фильм просто подсунули нам в руки, заставили нас его принять по той простой причине, что это не настоящий фильм, не тот, в котором показано настоящее убийство.

Это фильм, снятый во время репетиции, которую Чесни, Эммет и Хардинг провели в тот день, в день накануне представления, где Эммет играл роль доктора Немо.

Все прояснила лампочка от юпитера. Я уже задавал вопросы по поводу этой лампочки, подсказанные любопытством, раздумьями, недоумением. Меня особенно заинтриговало сообщение о том, что мисс Уиллс очень удивилась, когда ей

сказали, что лампочка перегорела. Почему, собственно, она должна была удивиться? Возможно, это обстоятельство не имело никакого значения, но ведь именно такие незначительные несоответствия являются кнопкой, нажав на которую можно открыть иначе не поддающуюся дверь. Она ведь купила лампочку утром, ее должны были использовать только вечером. Сколько же времени она работала в тот вечер?

Это очень просто определить. Представление Чесни началось (грубо говоря) около пяти минут первого. В этот момент включили лампочку. Она горела, пока не приехала полиция, то есть до двадцати минут первого: тогда (помните?) ее и выключили. Вот первые двадцать минут. Затем ее снова включили, очень ненадолго, когда полиция осматривала комнату, пока этот осмотр не прервало ваше появление, профессор Ингрем. Снова включили — после того, как она горела всего несколько минут — меньше пяти, во всяком случае. В третий и последний раз ее включили, когда прибыли сержант полиции и фотограф. Этот период тоже длился недолго, за это время Эллиот успел только объяснить майору Кроу секрет саквояжа с пружинным захватом, и они осмотрели часы на камине. И тут она погасла.

Считайте, еще пять минут.

Даже если мы согласимся, что все эти подсчеты приблизительны, все равно получается слишком большое несоответствие. Эта лампочка перегорела после того, как использовалась всего около получаса, тогда как аптекарь Стивенсон уверяет, что она рассчитана на работу в течение целого часа и более.

Она перегорела через полчаса работы, потому что кто-то использовал ее раньше, в тот самый день.

Этот простой факт так и смотрел мне в лицо, когда я нашел в ящике стола картонный футляр. Мисс Уиллс купила лампочку утром и положила ее в ящик. Она ее не зажигала, поскольку мы слышали от горничных, что она пошла утром к профессору Ингрему и пробыла в его доме почти до самого вечера; кроме того, нам неоднократно говорили, что фотографией она не занимается.

Мы считали — в соответствии с тем, что нам говорилось, — что никто не трогал эту лампочку до без четверти двенадцать, то есть до того момента, как за ней послали наверх. Но как я только что указал, это было невозможно. Причем невозможность этого подтверждается еще одним соображением. Мы нашли картонный футляр.

Так вот, если Памелу послали наверх, чтобы она принесла лампочку, и лампочка все еще находилась в запечатанном футляре, она бы и принесла ее в запечатанном виде, вместе с футляром. Однако она этого не сделала: она принесла только одну лампочку. А это может означать следующее: либо лампочка лежала сама по себе, без футляра, либо ее положили снова в уже вскрытый футляр.

Нам уже давно было ясно, я в этом с вами согласен, что Чесни, Эммет и Хардинг долго и тщательно репетировали свое маленькое представление. Оно должно было пройти без сучка без задоринки. Вопрос только в том, когда и где состоялась эта репетиция. Очевидно, в тот самый день. Тогда Чесни и велел принести сверху лампочку. Мисс Уиллс днем дома не было; у вас, доктор Чесни, поскольку вы здесь не живете, тоже не было оснований здесь находиться. А вот Хардинг здесь был, это точно: мы слышали об этом от горничных.

Теперь вы понимаете сущность последнего трюка, последней шутки Чесни, последней ловушки, которую он расставил зрителям. Он намеревался обмануть вас уже после того, как были исчерпаны все возможные способы вас провести. Велев Хардингу снять на пленку все

представление заранее — *представление, которое в некоторых незначительных деталях радикальным образом отличалось от настоящего,* — он держал в рукаве козырного туза. Он бы сказал так: «Ну что же, вы ответили на мои вопросы, а теперь посмотрите, что происходило на самом деле. Камера обмануть не может». Но как раз камера-то и может, потому что роль Немо играл именно Эммет, а слова, которые произнес Чесни, были совсем другие, хотя количество слогов было примерно то же самое. Я отчасти подозреваю, что это надувательство было задумано специально для меня. Через несколько дней он наверняка пригласил бы меня к себе и показал бы этот фильм. А затем он бы и мне сказал: «Посмотрите-ка фильм, который мы сняли в тот вечер». И я (скорее всего) тоже был бы одурачен, в то время как он, внутренне давясь от смеха, говорил бы мне с экрана: «Я не люблю вас, доктор Фелл». Он почти что признался в этом в своем письме: «Я не люблю вас, доктор Фелл». Он почти что признается в этом в своем письме: «Покажите им потом ясное и точное, черным по белому, изображение того, что происходило, и они вам поверят. Но и тогда они не смогут правильно интерпретировать то, что увидели собственными глазами».

То, что Джордж Хардинг показал нам не тот фильм, было его колоссальной, убийственной ошибкой. Аппаратов было, конечно, два. Эммет снимал фильм одним из них. А нам Хардинг подсунул другой, с другой пленкой. Вас, возможно, утешит тот факт, что Бостуик обнаружил второй аппарат в его комнате, а вместе с ним и пленку, которая чудом не была уничтожена; и это крошечное проявление самого обыкновенного тщеславия будет стоить ему жизни.

Но решение загадки двух фильмов явилось последним доказательством, забило последний гвоздь. В течение долгого времени я ломал себе голову над вопросом: почему Хардинг стоял так далеко влево, только ли для того, чтобы находиться поближе к стеклянным дверям? И тут пришло другое объяснение. Его нельзя было поместить таким образом, чтобы он смог снять двери, через которые вошел Немо, их нельзя было снимать, потому что в этом случае был бы виден дневной свет: в то время, когда снимался фильм, солнечный свет лился в открытую дверь, через которую входил Немо. Эта дверь обращена на запад, а вчера был ясный, солнечный день. Поэтому он вынужден был стоять сбоку; и Эммет также — во время вечернего представления — должен был

стоять на том же месте. Когда инспектор Эллиот внезапно понял из моих вопросов, связанных с лампочкой для юпитера, что именно произошло, он тоже догадался о смысле того явления, которое мы могли бы назвать «Стансы о левых съемках», и перед нами возникла ясная и четкая картина, отражающая истинное положение вещей.

Эллиот хмыкнул. Доктор Фелл, у которого погасла трубка, осушил свою кружку с пивом.

— Теперь давайте подведем итоги печальной истории Джорджа Хардинга и Марджори Уиллс. Несколько месяцев тому назад Хардинг запланировал целую серию хладнокровных и жестоких преступлений с одной-единственной целью — получить материальную выгоду. Прежде всего необходимо было сделать вид, что, кто бы ни совершил эти злодеяния в Содбери-Кросс, преступником ни в коем случае не мог быть Джордж Хардинг. Методы его не отличались новизной, их использовали задолго до него. Вы тут все время ссылались на дело Христианы Эдмундс, относящееся к тысяча восемьсот семьдесят первому году. Я уже говорил Эллиоту, какова мораль этой истории. Эта мораль состоит совсем не в том, что следует опасаться женщин, которые добиваются расположения докторов. Она состоит в другом:

опасайся человека, который способен отравить невинных людей, все равно кого, с одной-единственной целью — доказать, что он не может быть отравителем. Именно это делала Христиана Эдмундс; то же самое делал и Джордж Хардинг.

В своем тупоголовом тщеславии, — тщеславии, которое может сравниться только с аналогичными свойствами характера Притчарда или Палмера, — он считал, что может делать с Марджори Уиллс все, что ему угодно. Признаю, у него были для этого некоторые основания. Про женщину, которая оплачивает расходы человека, связанные с длительным путешествием по фешенебельным местам, можно сказать с достаточным основанием, что она балует этого человека, а может быть, и влюблена в него как кошка. И если это служит для него утешением, будет законным мужем богатой женщины и останется таковым до того времени, покуда палач не накинет на него петлю и не выпустит его пастись на другие пастбища.

Маркус Чесни был очень богат, а мисс Уиллс — его наследница. Но до тех пор, пока Чесни жив (а он был во всех отношениях крепким человеком), так вот, пока Чесни не умрет, Хардинг не мог рассчитывать, что получит хотя бы одно

пенни. Он знал это с самого начала; насколько я понимаю, Чесни дал ему это понять достаточно ясно. Хардинг действительно хотел поставить на широкую промышленную основу свое изобретение: гальванопластический метод покрытия металлических изделий тонким слоем серебра. Я вполне допускаю, что это прекрасное изобретение, хотя я считаю, что лично к нему следовало бы применить совсем другую электрическую обработку. Он считал себя великим человеком, который имеет право получить средства для достижения своих целей, следовательно, Маркус Чесни должен быть устранен.

Он, как я подозреваю, имел приблизительно такие мысли с самого начала, как только познакомился с Марджори. Поэтому он «внедрил» в Содбери-Кросс отравителя. Вам уже известно, каким образом он это сделал. Ему было достаточно, изменив, насколько возможно, свою внешность, нанести один визит в лавку миссис Терри для того, чтобы изучить обстановку и определить положение ячеек с конфетами. Второй визит, несколько дней спустя, дал ему возможность подменить одну коробку другой. Стрихнин он выбрал не случайно, а обдуманно: это один из немногих ядов, которые не используют в своей

работе химики-исследователи. Мы не знаем, где он его купил, но это и неудивительно, поскольку полиции вообще ничего не известно о Джордже Хардинге.

— Благодарю вас, — сказал майор Кроу.

— Не знаем мы и того, каким образом он собирался первоначально избавиться от Маркуса Чесни. И вдруг — бух! С неба валится неожиданный подарок, уникальная возможность отравить Чесни по его же собственному плану и с его помощью, к тому же Чесни разгадал его трюк с подменой конфетных коробок, так что Хардинг должен был спешить. По иронии судьбы, Чесни ни на минуту не подозревал, что отравитель — Хардинг, однако не следовало давать ему возможность продолжать свои изыскания: они могли зайти слишком далеко. Надо сказать, что Хардинга беспокоило одно обстоятельство. Для того чтобы убить Чесни задуманным способом, нужен был яд, который убивает почти мгновенно. Это означало, что нужно было использовать один из цианидов. Но он работал с цианистым калием, и подозрение немедленно пало бы на него. Он чрезвычайно ловко вышел из этого затруднения. Я сегодня вам говорил — помните? — что Хардинг, к сожалению, «не брал яд в

своей лаборатории». Он действительно этого не делал. Он приготовил яд здесь. Во всем доме, как вы заметили, да и во всем имении тоже, все время держится легкий запах горького миндаля. В то же время единственная трудность, связанная с хранением синильной кислоты, заключается в том, что она источает этот запах, даже если находится в сосуде, закрытом пробкой. В «Бельгарде» же на этот запах никто не обратил бы внимания, разве что человек, находящийся рядом с открытым флаконом. Итак, он приготовил эту кислоту и намеренно оставил какое-то количество в шкафчике в ванной комнате. Он это сделал для того, чтобы показать, как легко любой человек, хоть немного знакомый с химией, может получить синильную кислоту и что кто-то пытается навести на него подозрение. Не сомневаюсь, он отлично все это разыграл.

— Да, вы правы, это было сделано мастерски.

— Я не думаю, что у него с самого начала возникла мысль навести подозрение на Марджори. Это было бы глупо и опасно. Он, может быть, и хотел получить деньги девушки, но, разумеется, не хотел, чтобы ее арестовали. Он пытался это сделать так, чтобы подозрение пало на Уилбера Эммета, и для этого сунул ему в карман коробоч-

ку для капсул. Однако по воле случая серьезное подозрение пало на Марджори, и Хардинг решил воспользоваться этим в своих целях. Дело в том, что его немного тревожило кое-что другое: Марджори стала к нему охладевать.

Вы все это заметили. Вот уже несколько недель, как ее увлечение заметно ослабело. В ее глазах, когда она смотрела на своего обожателя, не было прежнего ослепления; возможно, она кое-что разглядела в его душе. Ей случалось огрызнуться, когда он к ней обращался, она даже подумала о самоубийстве. Хардинг, при всем своем тщеславии, не мог не заподозрить, что дело неладно. Он не мог теперь ее потерять: это означало бы, что все его действия, связанные с таким страшным риском, кончатся ничем, а это явный брак в работе. Он понимал, что нужно немедленно хватать ее и вести под венец, иначе все пропало.

Он добился своего: с одной стороны — с помощью ласки, а с другой — пытаясь ее запугать. Убийство Уилбера Эммета — это была необходимая часть его плана — он осуществил с помощью шприца, который украл у вас, доктор Чесни. На следующий день он подбросил его в шкатулку Марджори, спрятав в тайник. Девушка уже и так сходила с ума от страха. Хардинг не замедлил

этим воспользоваться и довел ее до такого состояния, что она искала у него убежища, испытывая безумное облегчение от того, что кто-то согласился взвалить на свои плечи ее неприятности. Фокус со шприцем явился последней каплей. Она сама нам сказала, что вышла замуж только для того, чтобы избежать ареста за убийство. Я не сомневаюсь, что Хардинг подсказал ей некоторые вещи. То, например, что полиция может дознаться о ее визитах в его лабораторию, где она могла получить доступ к ядам. А вот если ее арестуют и они будут женаты, он сможет не давать против нее показаний. Вдумайтесь только, джентльмены, каким надо быть потрясающим наглецом, какая нужна самоуверенность, чтобы придумать такое!

Доктор Фелл вдруг замолчал с виноватым видом; майор Кроу шикнул на него; и все они, страшно смущенные, дружно уставились на огонь в камине.

В комнату вошла Марджори.

Эллиот не мог себе представить, что можно до такой степени побледнеть, чтобы глаза приобрели такой страшный блеск. Но руки у нее не дрожали.

— Ничего страшного, — сказала Марджори. —

Продолжайте, пожалуйста. Я уже пять минут как слушаю под дверью. Хочу знать, что дальше.

— Мм… — в смущении промычал майор Кроу. Он вскочил с кресла и заметался. — Может быть, открыть окно? Не хотите ли сигарету? Или рюмочку бренди? Может быть, чего-нибудь еще?

— Принести подушку? — серьезно спросил доктор Чесни.

— Мне кажется, дорогая, что если вы приляжете… — начал профессор Ингрем.

Она улыбнулась всем сразу.

— Мне ничего не надо, — сказала она. — Со мной ничего не случилось, я уж не такая неженка, как вам кажется. И доктор Фелл совершенно прав. Джордж *действительно* все это проделал. Он даже обратил против меня книги по химии, которые находятся у меня в комнате. Вы понимаете, я решила немножко познакомиться с предметом — для того чтобы осмысленно проявлять интерес к его работе, а он говорит: что подумает полиция, когда эти книги обнаружатся у меня в комнате? Еще того хуже, он знал — то, что стало известно инспектору Эллиоту, — знал о моей попытке купить цианистый калий в Лондоне.

— Что? — взревел майор Кроу.

— Разве вам это было неизвестно? — Она удив-

ленно смотрела на него. — Н-но… инспектор сказал… по крайней мере, он дал понять…

На этот раз лицо Эллиота покраснело до такой степени, что у присутствующих не осталось и тени сомнения.

— Понятно, — вежливо заметил майор Кроу. — Замнем для ясности.

— Он даже сказал, что меня могут заподозрить в том, что я замешана в этом представлении, когда был убит дядя Маркус. Он сказал, что знает о письме, которое дядя Маркус написал доктору Феллу и в котором говорится, что нужно следить за мной…

— Там действительно это сказано, — подтвердил доктор Фелл. — Могу вам честно сказать, что именно: «Внимательно следите за моей племянницей Марджори». Вот почему я так тщательно скрывал это письмо от впечатлительного комиссара Бостуика до тех пор, пока не смог доказать, кто на самом деле был виновен в убийстве. Это навело бы его на ложный след. Ваш дядюшка пытался сбить меня с толку так же, как он пытался одурачить вас, сказав, что доктор Немо — это Уилбер Эммет. Однако на Бостуика это произвело…

— Подождите, пожалуйста, — попросила девушка, крепко сжав руки. — Не нужно думать,

что я способна упасть в обморок, когда кто-то скажет правду. Когда я увидела Джорджа сегодня утром — я хочу сказать, когда он думал, что его хотели убить, — мне было до такой степени противно, что меня чуть не стошнило, но вот что я хочу узнать. Было ли случайностью то, что револьвер выстрелил?

— Как бы я хотел, чтобы это было иначе! — вырвалось у доктора Чесни из самой глубины души. — Господи боже мой, как бы я этого хотел! Как жаль, что моя пуля не пробила череп этому подонку и не уложила его на месте! И все-таки это было сделано не нарочно. Клянусь вам, я не знал, что там есть боевой патрон.

— Но доктор Фелл сказал…

— Мне очень жаль, — отозвался доктор Фелл, беспокойно ерзая. — В течение всего этого дела я, признаюсь, неоднократно дезориентировал вас словом, делом, высказанным предположением; но я вынужден был это сделать. Слишком много ушей было вокруг. В частности, я имею в виду острые ушки Памелы, да и у Лены они были не менее любопытными и находились в непосредственной близости от дверей. А кроме того, вокруг было слишком много криков. Лена явно питала к Хардингу нежные чувства, и она тут же побежала бы

к нему и сообщила бы все, что я говорю; и если бы я сказал, что это не случайность, а Хардинг услышал бы это, он бы решил, что самые жаркие молитвы его услышаны и он наконец находится в безопасности.

— Слава богу, — сказала девушка. — Я так боялась, что это вы…

— Я? — вскинулся доктор Чесни.

— …Что вы — убийца. Сначала, конечно, я думала, что это профессор Ингрем.

Ласковые глаза профессора Ингрема широко раскрылись.

— Довольно странно, — проговорил он. — Я, разумеется, польщен, но…

— Все потому, что вы все время говорили об абсолютно психологическом убийстве. А потом, когда я пришла к вам и провела в вашем доме весь день и спросила, выходить ли мне замуж за Джорджа, вы поговорили со мной как профессионал-психолог и сказали, что я его не люблю и что вообще он — не подходящий для меня тип мужчины и… О, я просто не знала, что подумать. Но вы были правы. Вы были правы. Вы были правы.

Доктор Фелл оглядел, моргая, всех присутствующих.

— Вы проделали психологический анализ? —

спросил он. — И какой же, по-вашему, тип мужчины ей подходит? За кого ей следует выйти замуж?

Щеки Марджори запылали.

— Никогда в жизни, — процедила она сквозь зубы, — никогда, покуда я жива, не хочу смотреть ни на одного мужчину.

— Надеюсь, присутствующих это не касается, — уютным тоном заметил профессор Ингрем. — Мы не можем допустить, чтобы у вас образовались невротические комплексы. Мне представляется, что в хорошо организованном обществе такие комплексы будут лечить приблизительно тем же способом, который используется для лечения летчиков: если летчик потерпел аварию и остался жив, его тут же снова посылают в полет для того, чтобы не укоренились страх и неуверенность в себе. Какой тип мужчины вам подходит? Мне кажется, если хорошо подумать, можно сказать, что вам подходит тот тип, у которого торможение соответствует…

— Какой вздор! — заявил майор Кроу. — Тип мужчины, который ей нужен, — это полицейский. А теперь, когда этот вопрос улажен, я должен вам заявить: я даю честное благородное слово, что больше не желаю иметь с этим делом

ничего общего. Это решено. Однако должен вам сказать, что...